ЗНАНИЕ — СИЛА 11/91

Ежемесячный научно-популярный и научно-художественный журнал для молодежи

Учредители — Всесоюзное общество «Знание» и трудовой коллектив редакции

№ 11 (773)
Издается с 1926 года

Сдано в набор 06 08 91
Подписано к печати 04 10 91
Формат 70×108 1/16
Офсетная печать
Гарнитура литературная
Печ ... Усл печ л 8,4
... изд л 12,85
... кр отт 36,4
... 85935 экз
Заказ 1291

Адрес редакции
113114 Москва
...ская ... 19,
строение Б
Тел 235 89 3...
Всесоюзное общество «Знание»
101814, Москва,
проезд Серова 4

Ордена Трудового Красного Знамени
Чеховский полиграфический комбинат
Государственной ассоциации предприятий, объединений и организаций полиграфической промышленности «АСПОЛ»
142300, г Чехов
Московской области

Индекс 70332

Цена при подписке 80 коп., в розничной продаже — 1 руб. 50 коп.

По уже сложившейся традиции второй номер в 1992 году мы посвящаем истории России

В НОМЕРЕ

Подписка на журнал «Знание — сила» принимается без ограничения всеми отделениями связи.

ISSN 0130—1640 «Знание — сила», 1991, № 11, 1—96.

ISSN 0130—1640

„Knowledge is power" *(F.Bacon)*

ЗНАНИЕ-СИЛА 11/91

НОСТРАДАМУС:

ПРОРОЧЕСТВА О РОССИИ

ЗНАНИЕ — СИЛА 11/91

Ежемесячный
научно-популярный
и научно-художественный
журнал для молодежи

Учредители —
Всесоюзное общество
«Знание»
и трудовой коллектив
редакции

№ 11 (773)
Издается с 1926 года

Обложка А. Обросковой

Ленинградская дамба: Романов, Рыжков, Павлов... Кто следующий?

Каспий наступает! Каспий заливает поселения, дороги, нефтепроводы! Для исправления положения нужны сотни миллионов рублей!

Это — сегодня.

Между тем гидрологи и климатологи уже давно предсказывали повышение уровня Каспийского моря, и в соответствии с их предсказаниями, действительно, на Европейский континент пришла эпоха повышенной влажности. А каким угрожающим был бы поворот событий, если бы общественности не удалось отвергнуть проект переброски части стока северных рек на Волгу и в Каспий? Сколько миллиардов рублей было бы выброшено на ветер энтузиастами Минводхоза с благосклонного одобрения административно-командной системы?

Наш журнал на протяжении последних лет не раз обращался к теме ленинградской дамбы. Она стала для журнала темой журналистского расследования. Мы следили за всеми перипетиями борьбы вокруг дамбы и с удовлетворением встретили решение о консервации строительства. Но вот новый виток — бывший премьер-министр В. Павлов подписал правительственный указ о завершении строительства. Нет уже такого премьер-министра, но указ пока никем не отменен.

Свой взгляд на последствия этого решения в беседе с нашим корреспондентом Э. СОЛОМАТИНОЙ высказывает член-корреспондент АН СССР А. С. МОНИН, работавший в 1989 году в Комиссии Президиума АН СССР по экспертизе этого проекта. Уже несколько лет он — член правления советской ассоциации «Экология и мир», неправительственной организации ученых и публицистов, которые осуществляют независимую общественную экспертизу наиболее опасных природопреобразующих проектов и разрабатывают новые экологические концепции развития страны и ее отдельных регионов.

Мы не меняли название города. Все, что связано с дамбой, относится ко времени, когда он был Ленинградом

— Андрей Сергеевич, как стало известно, в начале этого года Председатель Кабинета министров СССР В. С. Павлов подписал указ о завершении строительства ленинградской дамбы. И это — несмотря на протесты общественности, несмотря на экологические экспертизы ученых, показавшие, что дамба подвергает опасности весь Невский регион. Как же могло случиться, что такой указ все-таки подписан?

— К сожалению, вся логика событий, связанных со строительством ленинградской дамбы, привела именно к этому итогу. Небезынтересно обратиться к истокам вопроса. В 1979 году мне было поручено возглавить комиссию Государственного комитета СССР по науке и технике, созданную для экспертизы проекта комплекса сооружений для защиты Ленинграда от наводнений. Его еще только собирались строить. Наша комиссия, состоявшая из тридцати экспертов, занималась главным образом экологической частью проекта. И уже тогда мы столкнулись с проблемой эвтрофикации — цветением воды в Невской губе из-за попадающих туда с речной водой минеральных удобрений, промышленных и коммунальных сбросов. Хотя естественное самоочищение в дельте Невы тогда еще не было нарушено и водообмен с Финским заливом осуществлялся, было ясно, что любое уменьшение водной циркуляции чревато опасностями. Комплекс сооружений для защиты Ленинграда от наводнений помешает нормальному водообмену в Невской губе — таково было заключение нашей экспертной комиссии.

Положение, однако, осложнялось тем, что инициатором строительства дамбы был тогдашний первый секретарь Ленинградского обкома и член Политбюро ЦК Г. В. Романов. Понятно, что главный инженер Ленгидропроекта, осуществлявшего проектирование, не мог идти против его воли. Но обсуждались все же два варианта защитных сооружений — западный и восточный. Западный — это дамба, проходящая через остров Котлин и отсекающая Невскую губу от Финского залива. Восточный вариант был иным: возведение небольших дамб по берегам Ленинграда и строительство ворот в устье Невы и всех ближайших рек, которые закрываются во время наводнения. Замечу, что восточный вариант не задевает Невскую губу, вся она остается за пределами защитных сооружений.

— Почему же восточный вариант не прошел? Ведь с экологической точки зрения он явно более безопасен, да, вероятно, и дешевле бы стоил?

— Стоимость обоих вариантов была оценена примерно одинаково. Но восточный имел некоторые осложнения. Чтобы при запертых воротах наводнения не создавал сам сток Невы, нужно было перекрыть ее течение где-то выше Ленинграда, строить плотину и водохранилище, что требовало затопления нескольких деревень и переселения их жителей.

В результате приняли западный вариант. Вот тут-то и понадобилось заключение нашей экспертной комиссии. Длительное время на меня оказывали сильное давление, но положительного заключения я так и не подписал. Политбюро утвердило проект строительства и без нашего заключения — это было вполне в духе времени. Впрочем, и впоследствии, когда Г. В. Романова перевели в Москву, а затем удалили из Политбюро, отношения партийного и советского начальства к дамбе оставалось прежним — они продолжали отстаивать ее. И вот опять: подписан правительственный указ о завершении строительства. Я считаю этот позорный указ преступным.

А ведь еще совсем недавно, в 1989 году, по требованию Общего собрания Академии наук СССР (и несмотря на сопротивление руководителей заинтересованных в строительстве дамбы ведомств, включая руководство академии) была создана академическая комиссия для всесторонней экспертизы проекта дамбы. Участвовал в ней и я. Формально созданная в рамках Академии наук, в действительности она была независима в своих действиях от ее руководства. Возглавлял комиссию член правления Советской ассоциации «Экология и мир», народный депутат, член-корреспондент АН СССР А. В. Яблоков. Мы дали совершенно определенное заключение: проект ленинградской дамбы не был экологически обоснован, ошибочно и экономическое обоснование проекта, принятый его западный вариант содержит неоправданный экологический риск. Рекомендации комиссии — строительство дамбы необходимо прекратить, именно она стала причиной резкого ухудшения экологической обстановки в Невской губе.

Однако сторонники строительства утверждают, что дамба здесь ни при чем. Они видят причину ухудшений только в возрастающих загрязнениях со стороны города...

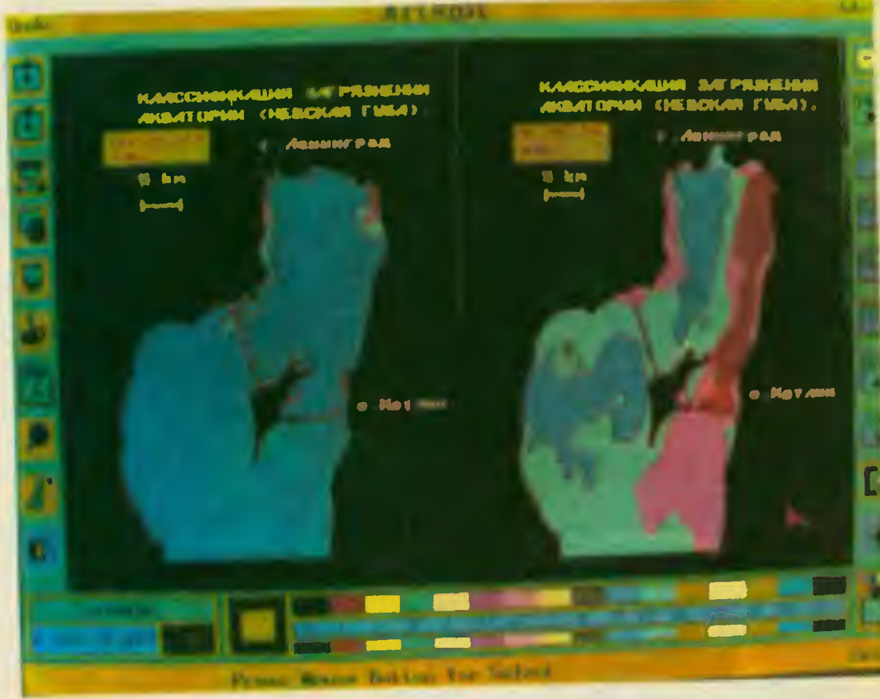
Нет никакого сомнения, что влияние дамбы сказалось на обстановке в губе самым негативным образом. И сказалось сразу же после перекрытия ее северных ворот (Лисий Нос — Кронштадт) в декабре 1984 года. Тогда перегородили губу от ее северного берега до острова Котлин глухой технологической дамбой без запланированных в проекте водопропускных отверстий. В результате большая часть

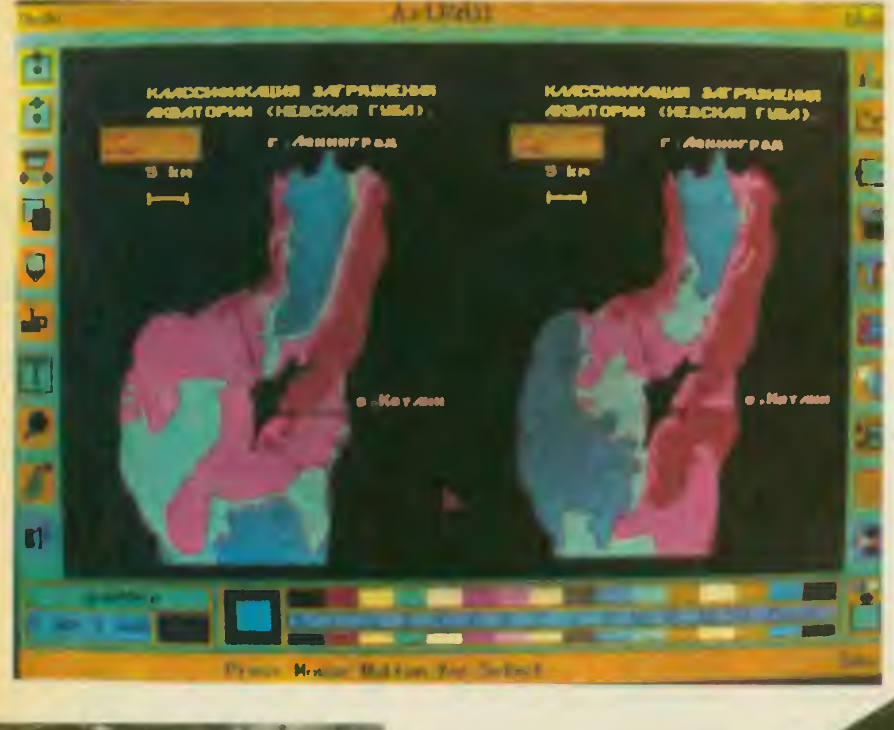
невского стока устремилась в южную часть губы, а на севере образовалась застойная зона. Появившиеся в огромных количествах синезеленые водоросли создали здесь прямо-таки критическую санитарную обстановку. Дошло до того, что на северном берегу, в этом курортном районе, пришлось закрыть пляжи. Как видите, угроза Невской губе возникла еще при начале строительства, а сейчас положение многократно ухудшилось. Я утверждаю это, опираясь на выводы нашей независимой экспертной комиссии 1989 года.

Для работы в комиссии были приглашены ученые из советской ассоциации «Экология и мир» и многие признанные специалисты и в гидрохимии, и в гидробиологии, и в социально-экономическом обосновании проекта, и в санитарно-гигиенических вопросах. Пришлось провести огромную работу, сравнивая экологическую ситуацию в акватории до строительства дамбы и после него. Кроме экспертизы уже имеющихся материалов комиссия самостоятельно организовала и в короткие сроки провела ряд научных исследований. Для определения динамики и масштабов загрязнения вод впервые использовались космические снимки акватории, а лаборатория радиолокационного мониторинга Всесоюзного исследовательского центра «АИУС — Агроресурсы» провела съемку Невской губы с самолета-лаборатории. Мы подробно проанализировали огромный объем научной информации о качестве вод Невской губы и восточной части Финского залива.

Выводы комиссии оказались весьма неутешительными. Структура водных потоков, динамика и характер донных отложений в Невской губе очень сильно изменились. Полностью распреснились воды в ее западной части, да и по всей акватории соленость вод сильно уменьшилась. Как следствие резко изменилась вся структура биоценоза. Сильно сократился состав донных животных, которые естественным образом очищают бассейн. В пятикилометровой зоне, по обе стороны от дамбы, сформировались области с «пятнами» замедленного водообмена. Наблюдаются массовые заболевания зоопланктона.

На рисунках вы видите результаты автоматизированной обработки на ЭВМ космических фотографий. Оригинальное программное обеспечение позволило привести все изображения к единой топографической основе (карта масштаба 1:200 000) и к единым оптическим характеристикам. На обработанных изображениях дается концентрация взвесей органического и неорганического происхождения в акватории Невской губы: сильное загрязнение — красный; умеренное загрязнение — розовый; слабое загрязнение — голубой; чистая вода — синий цвет. Ясно видны изменения, произошедшие с 1983 по 1989 год.

Обработка выполнена в лаборатории радиолокационного мониторинга Всесоюзного научно-исследовательского центра «Агроресурсы» Н. Н. Крупенио, И. Ю. Пармузиным, А. Н. Смагиным.

Как показали космические снимки, за последние годы резко снизилось качество вод Невской губы: если площадь вод первого класса качества (условно чистые воды) занимала в 1983 году 80 процентов бассейна, то в 1989 году — всего 10 процентов. Зато четвертый и пятый классы — сильное и очень сильное загрязнение возросли по площади с 0,2 в 1983 до 56 процентов в 1989 году. Совершенно новым гидрологическим феноменом стали крупные зоны мутности воды в прибрежных районах акватории, особенно к западу от дамбы, куда теперь почти не проникают речные воды (условно чистые).

Что же касается санитарно-гигиенического состояния Невской губы, то оно в выводах комиссии квалифицируется как эпидемиологически опасное В придонном слое воды микробное загрязнение в 10 раз, а в донных отложениях в 100—1000 раз больше, чем у поверхности. Сторонники дамбы говорят: ее нужно достроить, а затем, манипулируя водопропускными устройствами, очищать губу. Но такое манипулирование мало что даст, если не усугубит положение. Ведь тогда снизу поднимутся токсиканты из донных отложений нефтепродукты, ртуть, кадмий, свинец.

В водах Невской губы наблюдаются резкие колебания коли-индекса (желудочная палочка) с превышением нормы местами в сотни тысяч (!) раз, патогенные микроорганизмы (сальмонелла) обнаружены во всех без исключения пробах воды, взятых в северной части губы В воде, насыщенной органикой и ядами, можно ожидать высокой частоты мутации микроорганизмов и появления новых штаммов вирусов. На это уже сейчас указывает возрастающее количество опухолей у рыб и невероятное число опухолевидных поражений (до 80 процентов!) у личинок ракообразных в южной части акватории. Подобной пандемии природа не видела еще никогда!

Ни в коем случае нельзя согласиться со сторонниками дамбы, что эти устрашающие изменения связаны только с плохой очисткой сточных вод. Проведенный нашей комиссией статистический анализ показал, что общий объем загрязнений, попадающих в Невскую губу, в последние десять лет практически не увеличился. И это естественно — введены в действие очистные сооружения. Но заметьте, объем загрязнений не увеличился, а общее экологическое состояние по всей акватории весьма заметно ухудшилось. Его нельзя объяснить иначе как вредным воздействием дамбы.

— Андрей Сергеевич, выводы ученых совершенно определенно предупреждают: дамба наносит непоправимый вред Невской губе и Финскому заливу. И что же, специалистам не верят? И созывается еще одна, теперь уже международная комиссия экспертов?

— Результаты работы нашей комиссии мы доложили на заседании Президиума АН СССР. Все выступившие высказались за прекращение строительства дамбы. Однако по инициативе Президента АН СССР Г. И. Марчука заключение комиссии после длительных споров и дискуссий было разослано заинтересованным организациям все-таки без одобрения президиума. Мотивация была такой: в составе президиума нет специалистов, которые могли бы оценить правильность мнения членов комиссии. Некомпетентный президиум?! За сорок лет моей работы в Академии наук я впервые столкнулся со столь печальной ситуацией.

Президент от себя лично написал письмо тогдашнему Председателю Совета министров Н. И. Рыжкову с просьбой назначить международную экспертизу проекта. И международную комиссию созвали, заплатив экспертам 400 тысяч долларов. Нашлись-таки деньги! Проработав две недели, комиссия дала следующее заключение: нет доказательств того, что ухудшение экологической обстановки в Невской губе создает именно дамба. Поэтому строительство нужно закончить, а потом очищать губу с помощью все того же манипулирования затворами. Что может дать такое манипулирование, я уже говорил.

Признаться, другого вывода и нельзя было ожидать. В качестве «независимого» международного эксперта была выбрана Международная ассоциация гидрологических исследований, президент которой — директор Всесоюзного научно-исследовательского института гидротехники имени Веденеева Б. Г. Картелев, один из разработчиков ленинградской дамбы. В этом институте строилась гидравлическая модель Невской губы для проекта, которая подверглась серьезной критике нашей комиссии по многим положениям.

В период разрушения экономики страны, когда люди испытывают недостаток в самом необходимом, тратятся огромные деньги на подкуп иностранных экспертов, чтобы получить нужное для сторонников дамбы заключение. Эти действия я расцениваю как противозаконные.

— Какая же судьба уготована Невскому региону, каков прогноз его экологического состояния на ближайшее будущее?

— Могу утверждать, что прогноз самый пессимистический. После завершения строительства дамбы Невская губа окажется отсеченной от Финского залива в ее южной части. А отсюда и все последствия. Скажу лишь о некоторых.

В ближайшее время следует ожидать резкой деформации общего биологического состояния Невской губы в связи с сильным сокращением состава донных животных, очищающих акваторию. Ухудшение экологической обстановки, скорее всего, приведет к потере рыбных нерестилищ либо к снижению качества вылавливаемых рыб, а это означает, что Невская губа и восточная часть Финского залива утратят былое рыбохозяйственное значение.

Но самый удручающий прогноз — это будущее санитарно-гигиеническое состояние акватории. Предполагается, что сильно возрастет микробное загрязнение в южной части губы, а ожидаемое увеличение фекального загрязнения водоема может спровоцировать вспышки заболеваний и эпидемии. Несомненно, будет и дальше развиваться эвтрофикация воды, так что Невская губа с прилежащими зонами Финского залива превратится в заболачивающийся водоем, рассадник болезней и эпидемий. Не исключено, что позднее, когда Невская губа по существу уже перестанет быть водоемом, ее придется осушать, а Неву превращать в канал. Однако стоить все это будет уже в десятки раз дороже, чем строительство ленинградской дамбы, обошедшееся народу в миллиард рублей.

Я глубоко убежден, что за подобные «проекты» должны в полной мере нести ответственность их инициаторы. В выводах нашей комиссии есть специальный пункт: мы просим Президиум АН СССР поручить Институту государства и права АН СССР рассмотреть вопрос о юридической ответственности партийного и советского руководства Ленинградской области за бессмысленную трату средств, Ленгидропроекта — за необоснованный и экологически опасный проект, руководителей Ленморзащиты — за грубое нарушение условий строительства. Мы готовы передать материалы комиссии в Прокуратуру СССР.

Кстати, о том, как делался проект. Расчеты по его социально-экономическому обоснованию были проведены, как выяснилось, уже после принятия западного варианта. Экономический ущерб, приносимый наводнениями, был сильно завышен. Вот конкретный пример: ущерб от наводнения 1975 года оценен Ленгидропроектом в 90,5 миллиона рублей, в то время как финансовое управление Ленгорисполкома дает цифру, почти в сорок раз меньшую, 2,5 миллиона Для чего нужно было такое завышение, совершенно ясно — чтобы оправдать волюнтаристское решение, принятое Г. В. Романовым и поддержанное партийным и советским аппаратом Ленинграда.

В эпоху крупномасштабных проектов это гигантское сооружение выступало как демонстрация очевидных преимуществ социалистического строя. На деле же оно являет собой поучительный пример того, как работает в нашей стране механизм разрушения природы.

— Андрей Сергеевич, можно ли в сегодняшней ситуации все же облегчить положение, чтобы избежать хотя бы частично возможных тяжелых последствий?

— Конечно, лучше бы этого строительства не было вовсе. Но коли уж оно есть, облегчить положение можно, только перепроектировав защитные и очистные сооружения,— сделать дамбу более «прозрачной», увеличив число водопропускных отверстий и ворот, перенести выпуски очистных сооружений в оптимально выбранные для этого места и усовершенствовать технологию всех систем очистки сточных вод, включая локальные системы на предприятиях. Необходимо развернуть специальные гидрологические, гидрохимические, медико-биологические исследования, связанные с созданием прогностических математических моделей.

Жизнь показывает, что в нынешнем виде Ленинградская дамба, строящаяся для защиты от стихийного бедствия, оказывается страшнее самого стихийного бедствия. Но все-таки еще страшнее другое — и в этом (но только в этом) я полностью согласен со сторонниками дамбы — общее загрязнение Невской губы идет с Ладоги и создается самим Ленинградом.

Когда проходили первые обсуждения проекта дамбы, эксперты категорически потребовали, чтобы до ее пуска были полностью построены городские очистные сооружения. Позднее это условие заменили на условие всего лишь опережающего их строительства. Но даже и оно не было выполнено — очистные сооружения до сих пор не вошли в строй в полном объеме. И, безусловно, нужны очистные устройства по всему бассейну Невы, водами которого питаются целлюлозные и нефтехимические предприятия.

В самом Ленинграде, как известно, подавляющую долю промышленных предприятий составляют предприятия военные, которые очень сильно загрязняют Невскую губу и не применяют никакой очистки. Закрыть бы большинство из них — и не потребуется таких колоссальных средств на очистку. Освободятся немалые деньги, которые можно потратить с гораздо большей пользой. И улучшится экологическая обстановка в многострадальной Невской губе. ●

Пятно на Сатурне растет

Обнаруженное 25 сентября 1990 года на Сатурне большое белое пятно продолжало расти в течение всего октября и ноября. В момент открытия его поперечник составлял около 20 тысяч километров, а через три недели пятно растянулось до 95 тысяч километров, охватив чуть ли не четверть экваториальной протяженности гигантской газовой планеты.

В конце ноября с Европейской южной обсерватории, находящейся в Чили, поступило сообщение, согласно которому пятно уже почти опоясало Сатурн, его длина достигла без малого 380 тысяч километров.

Впервые существование такого образования в северном полушарии Сатурна было замечено еще в 1876 году. Вслед за тем оно возникало, чтобы потом исчезнуть, в среднем каждые двадцать семь — тридцать лет, в разгаре местного лета. Ученые полагают, что большое белое пятно вызывается мощным штормом, когда из глубины планеты к ее поверхности поднимается гигантский газовый пузырь.

Не потоком единым...

Атлантическое течение Гольфстрим — отнюдь не единый водный поток, а состоит из множества мелких рукавов. В Атлантическом океане от Арктики до Антарктики, как утверждает группа немецких ученых, проходит минимум тридцать течений с различной плотностью воды, различным содержанием соли и кислорода.

Вокруг Сицилии

Принято считать, что остров Сицилия окружен водами Средиземного моря. Ничего подобного. Сицилия окружена плавающими на воде порожними пластмассовыми пакетами от молока, пива и прочих продуктов. Загрязнение моря приняло такие размеры, что региональное управление Сицилии решило запретить на острове продажу каких бы то ни было продуктов питания и всякой всячины в полиэтиленовой упакоаке. Исключение сделано только для лекарств. Соответствующий закон будет утвержден в ближайшее время.

Рисунки Ю. Сарафанова

Как слышишь, малыш?

Чем занят этот человечек, понятно. А вот зачем у него столько датчиков? С их помощью фиксируется поведение младенца при высасывании молока из бутылочки, что позволяет немецким врачам судить о наличии или отсутствии у него дефекта слуха. Прежде распознать это было невозможно.

В Германии ежегодно рождается более шестисот детей со слуховыми дефектами, и важно выявить это как можно раньше. Для развития в будущем разговорной речи важно ее звуковое накопление в мозге малыша в первые месяцы жизни. Если дефект слуха будет выявлен вовремя, то с помощью слухового аппарата ребенок сможет научиться нормально говорить. Вот почему так важно выяснить именно в ранней стадии, есть ли у младенца дефект слуха.

А делается это так: ребенок сосет молоко из бутылочки, и если со слухом у него все в порядке, то при возникновении внешнего внезапного звукового раздражителя (вдруг раздается какой-то звук) сосущий молоко ребенок обязательно реагирует на это, что и будет зафиксировано датчиками. Ребенок же со слуховым дефектом ведет себя иначе.

Магнитная очистка водоемов

Бурно растущие водоросли угрожают чистоте живописного озера Уиндермер в Англии. Главной причиной их активного размножения служит изобилие фосфатов в озере, попадающих туда со сточными водами в ходе разложения бытовых отходов и моющих средств. Как же остановить этот фосфатный поток?

Одна голландская фирма предложила такой путь. В имеющиеся стоки следует добавлять коагулянт, содержащий магнетит. Когда фосфаты надежно химически свяжутся с магнетитом, весь поток сточных вод пропускается через зазор мощного электромагнита. Магнитное поле, действуя на магнетит, «заодно» начнет концентрировать и фосфаты. В результате почти все они окажутся надежно задержанными на металлических сменных фильтрах и не попадут с проходящим потоком в озеро.

А водоросли, лишенные там своей естественной пищи, в конце концов отомрут сами.

Под напряжением

Тридцатипятилетняя Ми Цин из китайской провинции Гуандун вдруг почувствовала себя плохо: резко повысилась температура, сильно заболела голова и ломило все тело. Когда женщина обратилась в больницу, врачи обнаружили, что она испускает электрические разряды. Вольтметр показал напряжение 120 вольт — пациентка заставила светиться даже электрическую лампочку.

Ми Цин продолжает находиться под наблюдением медиков, которые не в состоянии пока дать объяснение этому феномену.

Мимоза против ожогов

Мексиканский врач Марио Дориа использовал для лечения тяжелых ожогов порошок из коры мимозы Тепис. Результаты поразительные. Это особенно важно, ведь в мире ежегодно ожогами второй и третьей степени поражены более двенадцати миллионов человек, причем три с половиной миллиона из них погибают, более четырех миллионов остаются инвалидами.

Однажды уже произошло то, чего многие у нас боятся: немцы западных секторов послевоенной Германии проснулись — и остались без денег. Рейхсмарки были заменены дойче марками воистину в грабительской пропорции. Наши экономисты, особенно специалисты в сфере финансов, часто ссылаются на знаменитую реформу Л. Эрхарда. В чем она состояла? К чему привела?

К. Кириллов

Немецкий рецепт

Перед денежной реформой Людвига Эрхарда в 1948 году в западных зонах Германии стояли те же самые экономические задачи, разрешить которые сейчас пытаются реформаторы из восточноевропейских стран. Правда, в исходной ситуации есть и сходство, и различия.

Уже закон о замораживании цен и заработной платы от 1936 года, действие которого распространялось на все немецкие промышленные предприятия, позволил либеральным политэкономам рассматривать экономику Третьего рейха как центрально управляемую или командную. Для национал-социалистов в теории была неприемлема автономия экономики от государства и ее примат над политикой. Но некоторые элементы свободного рынка они в отличие от нас одобряли.

Это, прежде всего, конкуренция и частная собственность на средства производства. В конкуренции фашистское руководство видело действенное средство увеличить экономический потенциал нации. А это стало особенно актуальным, когда государство принялось готовиться к войне, резко возросли военные расходы, давящие тяжким грузом на госказну. Экономика попала под мощный налоговый прессинг, полностью вытеснив либеральные методы косвенного регулирования пропорций общественного воспроизводства. Однако несмотря на жесткую государственную регламентацию экономики (нормировалось производство 400 видов промышленной продукции и на 90 процентов всех товаров устанавливались директивные цены) гитлеровское руководство не национализировало крупную индустрию, не уничтожило предпринимательский класс, не упразднило частную собственность. Гитлер полагал, что нужно «национализировать умы», а ие собственность. Поэтому после войны при переходе к рынку так остро не стоял вопрос о приватизации. Абсолютно иными были и исторические условия.

Немецкий ученый Г. Штольпер описал Германию 1947 года как биологически изуродованную, интеллектуально искалеченную, деморализованную нацию без сырья и продовольствия, нормальной транспортной системы и твердой валюты, как нацию, социальная структура которой была разорвана массовым бегством и изгнанием, страну, где в «голоде и страхе умирала надежда». Теперь тут правили те, кто производил масло и шпик, ряды денежной аристократии пополняли те, кто имел американские сигареты — одно из основных платежных средств на черном рынке. Средним классом становились ремесленники, умевшие превращать пехотинские каски в кастрюли, а внизу социальная структура замыкалась теми, кто возвращался из плена или ничего не имел для обмена и перепродажи.

Оставшиеся после уступки ряда территорий (Саар на западе и земли восточнее линий рек Одера и Нейсе) области были поделены на четыре автономно управляемые военными администрациями союзников зоны. Союзники сначала стремились наказать и лишить политико-экономической самостоятельности; соответственно, государство обложили репарациями, демонтировалось и вывозилось оборудование, ограничивалось или запрещалось производство некоторых видов продукции (главным образом военной).

Но вместе с тем победители приняли в наследство от нацистов экономический порядок с рационированием продовольствия, нехваткой потребительских товаров, административной разверсткой сырья и материалов, замороженными ценами и заработной платой, жестким государственным валютным и экспортно-импортным контролем.

Промышленное производство в объединенной англо-американской экономической области (Бизонии) и французской зоне едва ли достигало половины уровня 1936 года. И хотя с последнего квартала 1947 года оно не стагнировало, все-таки значительно отставало от темпов восстановления других затронутых войной европейских стран. В целом Европа раскрепощалась от груза войны, экономика динамично росла, восстанавливались и загружались производственные мощности. Однако это не касалось Германии, хотя и там предпосылки для роста были относительно благоприятные. Объем основного капитала оставался выше уровня 1936 года, не говоря уж о достаточном потенциале рабочей силы, ее квалификации, вполне удовлетворявшей степень технологического развития.

Низкая производительность труда и застой в производстве так же, как и в любой экономике централизованного типа, объяснялись причинами внеэкономическими. Строгое предписание о сорокавосьмичасовой рабочей неделе нарушалось негласными соглашениями с работодателями, и занятость фактически не превышала пятидневку. Все возросшее «свободное время» использовалось на стояние в очередях, попытки достать дополнительное, сверх положенного рациона, питание. Эти попытки приводили на черный рынок или в сельскую местность, где горожане часто подрабатывали в сезон в поле или другим ремеслом. Стимулов к напряженному повседневному труду на рабочем месте при низкой фиксированной зарплате просто не было. По легальным, твердо установленным ценам можно было покупать товары только с одновременным предъявлением права на покупку — по талонам, пункт-карточкам (почти идентичным купонной системе, введенной на Украине с конца 1990 года); зарплаты и сбережений едва хватало для покрытия скудного рациона. Цены на черном рынке подскочили так, что были недоступны большинству. Многие фирмы, поддерживая лучших сотрудников, расплачивались своей продукцией, которую можно было перепродавать. Хотя закон это и запрещал, но его обходили под предлогом поиска дополнительных стимулов производительности.

Другая важная причина низкой заинтересованности в труде и застоя в производстве тоже напомнит читателю нашу нынешнюю ситуацию: не было необходимого сырья и материалов, хотя одновременно на складах предприятий скапливалась масса оборотных средств. Повсеместно раздавались жалобы на дефицит сырья, материалов и энергоресурсов. Фондирование ресурсов порождало еще большие дефициты, а в условиях бегства от слабой и нестабильной валюты экономика скатывалась к прямому продуктообмену или меновой торговле, экономическому укладу, который один из теоретиков будущего социального рыночного хозяйства В. Ойкен назвал «еще более примитивным, чем во времена Карла Великого». Как утверждают специалисты, незадолго до реформы половина или более всех необходимых коммерческих операций в Западной Германии шла по каналам простого натурального или товарного обмена, превосходившего все операции на черном рынке. Возможно, это преувеличение, но в любом случае практически ни одно предприятие не обходилось без бартерных или обменных сделок, если оно вообще хотело что-либо производить: такие сделки были единственно надежным средством обеспечить производство. С другой стороны, если бы их полностью запретили, из-за галопирующей инфляции никто бы не стал добровольно продавать товары по твердо установленным ценам.

Не существовало больше отраслевых товарных рынков, где за деньги можно докупить отсутствующие товары. Еще до войны их разрушила система нормирования или своего рода «госзаказов» военного ведомства. Политика автаркии (опоры на собственные силы), проводимая нацистами вплоть до того, что синтетическое горючее для танков и бронемашин производилось в Германии из собственного каменного угля, не позволяла фирмам прямо выходить на мировой рынок и закупать недостающее сырье и материалы. А нерациональные по затратам времени и сил поиски партнеров для натурального обмена на внутреннем рынке обесценивали часть «промежуточной» продукции, несли прямые экономические убытки и расточительство общественного труда.

Накопленные сверх всякой меры запасы оборотных средств не сокращались (как и у наших предприятий при до боли известной ситуации): с одной стороны, они образовывали в обстановке всеобщей дефицитности как бы резерв предосторожности, а с другой — из-за некомплектности не могли быть сразу пущены в производство, порождая новый дефицит. Уникальный рыночный инструмент балансирования дефицитности, свободные цены были заморожены особым постановлением имперского правительства еще в 1936 году. Фирмы и предприятия мечтали не о наибольшей прибыли, а о том, чтобы выжить.

Естественные сигналы производителям о том, что и в каком объеме производить, поступали не от заказчиков и потребителей продукции через рыночные цены, а от контролирующих инстанций — министерства экономики, подчиненного после войны Контрольному Совету союзников. Таким способом управляемая экономика может, как показал наш печальный исторический опыт, достичь определенного уровня производства и поддержания его. Однако нигде в мире она не в состоянии обеспечить динамичного роста, который основан на самостоятельных решениях отдельно взятой хозяйственной единицы — куда вкладывать средства, что производить, стоит ли менять технологию, как сбывать новую продукцию.

Огромная избыточная денежная масса, на устранение которой, собственно, и была направлена денежная реформа Л. Эрхарда, стала следствием не только централизованных методов хозяйствования, но и итогом дефицитного финансирования войны. Доходная часть бюджета составляла после войны лишь 55 процентов всех расходов, возросших с 12 миллиардов рейхсмарок в 1939 году до 400 миллиардов к 1945 году. К этому добавились репарации странам-победительницам (общая сумма предъявленных требований за причиненный войной ущерб странам антигитлеровской коалиции составляла примерно 300 миллиардов рейхсмарок).

В отличие от часто применявшихся во время войн, в том числе в нашей стране, заемов у населения правительство погибшего рейха в свое время не пренебрегало так называемым «бесшумным финансированием»: оно залезало в долги, беря деньги у банков и финансовых институтов и расходуя их абсолютно бесконтрольно, по собственному усмотрению. Одновременно государство, контролируя цены и рационируя продукты питания, «заботилось» о том, чтобы созданные в частном секторе доходы не полностью шли на потребление, а главным образом сберегались (не на что тратить). Ограниченные в потреблении люди несли «лишние» деньги в банк, откуда имперское правительство их беззастенчиво изымало и пускало по новому кругу «бесшумного» кредитования войны.

Разбухший таким способом общий долг государства к концу войны в три раза превысил совокупный объем валового общественного продукта, а деньги населения на сберегательных счетах в рейхсмарках непо-

Иллюстрация А. Оброскової,
фото В. Бреля

мерно давили на потребительский рынок. Если прибавить к этому, что гражданские отрасли производства были свернуты, становятся совершенно ясны истоки товарно-денежной несбалансированности, инфляции, скатывания к всеобщей натурализации хозяйства.

Так главной проблемой новой экономической политики, разработанной Л. Эрхардом, стала финансовая стабилизация. Необходимо было сжать раздутую денежную массу, уничтожить или, по крайней мере, блокировать огромную часть не способных быть отоваренными денежных знаков и при этом сохранить сложившийся уровень цен и регулярных доходов (зарплата, пенсии, квартирная плата и т. д.). Был и другой вариант выхода — лавинообразно растущая инфляция; этот вариант неолибералы отвергли. По их концепции, чисто стабилизационная денежная реформа должна была стать лишь первым шагом к свободному рынку, конкуренции производителей, демонтажу контроля цен и производства. Они понимали, что лишь весь комплекс направленных на это мер мог устранить дефицитность и децентрализовать управление экономикой.

По представлениям либералов, подтвержденным потом невиданными хозяйственными успехами ФРГ по сравнению с любой плановой системой восточноевропейских стран, включая ГДР, свободный рынок, как выразился в 1953 году ставший тогда министром экономики Л. Эрхард, должен был «высвободить такие силы, о динамике и власти которых школярская мудрость плановиков не смеет и мечтать». Свое кредо ведущий практик неолиберализма изложил так: «Плановая экономика означает, что производитель, как и потребитель, всегда принуждается кнутом государства и еще в большей степени кнутом бездушной бюрократии. Человек лишается своего достоинства и постоянно унижается. Он чувствует только свой намордник. Эта система должна быть сметена через рынок». В этих словах — еще один ответ на вопрос о том, почему столь долгожданная, выстраданная экономическая реформа в нашей стране вот уже пять лет, как завязла в недрах аппаратных структур. Конкуренция, основа экономического и технического прогресса, к тому же не только гарантирует экономические свободы граждан правового государства, но и, по мысли Франца Беме, становится «гениальнейшим инструментом лишения власти» в истории этих самых аппаратных структур власти.

Западная Германия могла выйти из экономической, политической и моральной катастрофы, только создав чрезвычайно привлекательные стимулы для эффективного и продуктивного труда и текущим производством удовлетворив все долговые иски, изменив перекошенный в пользу военных нужд баланс производства. Только так можно было восстановить разрушенное хозяйство и достичь динамичных темпов прироста общественного продукта. Поэтому Эрхард выступил за денежную реформу, отдавая себе отчет в том, что она будет болезненно воспринята людьми: «Это будет самое социальное решение, поскольку... возрастет продуктивность хозяйства, лишь только благодаря которому можно будет позволить социальное выравнивание».

Немецкие экономисты и эксперты оккупационных властей провели более двухсот пятидесяти дискуссий о возможных вариантах реформы. Советский Союз, входивший на правах члена в Контрольный Совет по управлению оккупационным режимом, не проявил особой заинтересованности в денежной и экономической реформе. Во-первых, денежный оборот в Советской зоне и так несколько уменьшился после закрытия банков; во-вторых, здесь с самого начала бóльшую роль, чем в западных зонах, играли привычные для нашей системы внеэкономические стимулы: принуждение к труду и распределение основных продуктов питания по карточкам, предполагавшее разные рационы для разных социальных групп населения.

Планы советского руководства — по возможности максимальная эксплуатация своей зоны — вообще противоречили смыслу денежной реформы: она вела к оживлению производства и росту жизненного уровня в западных секторах. Политически это могло бы затруднить выкачивание репарационных поставок в СССР. Советский Союз не был заинтересован в реформе и идеологически, так как развитие товарно-денежных отношений, стабилизация денежной системы, по господствующим тогда представлениям, облегчали реставрацию капитализма. Несколько раз попытавшись просто затянуть время, в марте 1948 года советская делегация вышла из Контрольного Совета. Путь к сепаратной денежной реформе и экономическому расколу Германии был открыт.

Основными оппонентами Эрхарда стали англичане. Они полагали, что момент для реформы еще не настал. Прежде, по их мнению, необходимо было очистить ценовые пропорции, снять государственные дотации угольной и добывающей промышленности, устранить неравновесие между издержками и доходами. И при этом не подорвать государственный бюджет настолько, чтобы содержание иностранных воинских контингентов стало для него непосильно — это особо беспокоило англичан.

Американцы правильно уловили в опасениях англичан страх перед дефляцией — слишком сильным сокращением денежной массы, когда товаров больше, чем необходимых для оборота денег: это не стимулирует производственное накопление и сдерживает активность предпринимателей. Дефляционная политика обычно предусматривает сжатие спроса; ограничивается рост денежной массы — повышаются проценты за кредит (политика «дорогих денег»); резко сокращаются социальные программы бюджета; усиливается налоговый пресс. Всего этого англичане не хотели; они предлагали стабилизировать экономику комбинацией умеренной денежной реформы с контролируемой инфляцией.

Их план был таков: еще в условиях избытка денежной массы привести ценовые пропорции в правильное соотношение; «отпустить» цены в значительно большей степени, чем предполагалось планом Эрхарда; обменять старые деньги на новые не в пропорции 1:10, а всего лишь 1:2; не изъять, а блокировать сберегательные счета, что в меньшей степени подорвало бы доверие вкладчиков.

Этот вполне кейнсианский проект годился для рыночной экономики. В свое время именно по таким рецептам всемирно известного английского экономиста Джона Мейнарта Кейнса Америка вышла из Великой депрессии тридцатых годов. Тогда резко возросла роль государства в экономике: оно начало регулировать пропорции общественного производства, создавая «эффективный спрос». Массы безработных, выброшенные на улицу структурным кризисом, государство заняло в своих программах строительства дорог, стадионов и так далее, взимая средства для этого с уцелевших и даже процветающих предпринимателей. Государственное вмешательство подавляло разрушительные силы рынка, помогло преодолеть кризис перепроизводства в устаревших отраслях.

Но не было подавлено самое главное — рынок как таковой. Он был, он выжил. А в Германии рынка просто не было, и усиление экономической роли государства никак не могло способствовать его появлению. Сама психология людей, выросших в условиях централизованной экономики, была уж слишком «нерыночной», и на кейнсианский проект люди реагировали бы совсем не так, как ожидали авторы проекта. Немцы привыкли, приспособились к дефицитности; щадящие меры не могли пробудить в них стремления к кардинальным внутренним переменам. Это чисто психологическое обстоятельство чрезвычайно важно и должно быть нам совершенно понятно. Цены выросли? Но и те деньги, что есть, отоварить нечем. Вклады в сбербанках заморозили? Но когда-нибудь разморозят же, надо только потерпеть... Однако привычное терпение не создает ничего нового, не порождает стимулов к индивидуальной активности.

Основной американский проект преобразования экономики послевоенной Германии был в целом схож с планами немецких экономистов во главе с Л. Эрхардом. Предполагалось изъять лишние деньги, обесценив все денежные требования и обязательства в пропорции 10:1, или фактически просто зачеркнуть 93,5 процента старых денег в наличной и безналичной форме и выдать разовую минимальную душевую квоту в новых немецких марках. Неприкосновенными должны были остаться прежний уровень заработной платы, пенсий, квартплаты и налогов, пересчитанные в новые немецкие марки. Предусматривалось также аннулировать рейхсдолг. Все бюджеты — местные, земельные и федеральный — обязаны были отказаться от дефицитного финансирования. Кроме того, этот план вводил разовый конфискационный налог на богатство или доходы от недвижимости, средства от которого поступали в фонд выравнивания тягот войны.

Инициаторы денежной реформы — американские и немецкие экономисты,— разумеется, хорошо себе представляли болезненную реакцию общества на такие решения, как и возможности всяческих спекуляций. Поэтому в обстановке строжайшей секретности (при запрете на переписку и использование телефона), начиная с апреля 1948 года, они три месяца согласовывали последние детали реформы. В день X, в воскресенье 20 июня, все граждане Бизонии получили новые деньги — немецкие марки, обменяв 40 рейхсмарок по курсу один к одному (в августе можно было поменять еще 20 марок).

А в понедельник, на следующий день все были поражены возникшим товарным изобилием: рынки и витрины были завалены товарами, о существовании которых большинство давно забыло, и все это можно было приобрести за твердые немецкие марки. Конечно, без запуска эффективно функционирующей экономики это пока была иллюзия товарного изобилия, за которой скрывалась резко упавшая покупательная способность: на сорок марок человеку трудно было развернуться. Поэтому опустошались склады, пускались в оборот накопленные в условиях ажиотажного спроса товарные излишки. Но, с другой стороны, деньгам в результате была возвращена их основная функция — мерила дефицитности или избытка товаров, единицы счета, заставляющей привести в соответствие пропорции ресурсов и производства.

Можно сокрушаться по поводу «ограбления» трудящихся масс, несправедливости «буржуазной», как это изображала левая пресса, денежной реформы. Ведь экспроприированы были в основном мелкие вкладчики, причем многие из них после гиперинфляции 1925 года — во второй раз за 25 лет, а выиграли должники (физические и юридические лица), предприниматели, держатели ценных бумаг и владельцы недвижимости (кстати, именно это хорошо бы иметь в виду нашим доморощенным радетелям денежной реформы, которая, по их мнению, должна нанести роковой удар теневым дельцам). Среднее соотношение обмена к концу 1953 года составило 6,5 немецкой марки за 100 рейхсмарок, 70 миллиардов необеспеченных рейхсмарок заменили 4,55 миллиарда немецких марок. С другой стороны, как высказался высший директор совета по управлению Бизонией Г. Пюндер, «...судьба мелких сбережений миллионов вкладчиков была решена уже тогда, когда Адольф Гитлер готовил и вел свою преступную войну, транжиря миллиарды марок народного благосостояния».

Но в то же время самая болезненная денежная операция стала самой социальной, поскольку только решительный отказ от огромного превышения спроса над предложением и создание небольших количеств новых денег предотвратили новую инфляцию и погоню за реальными ценностями, что пошло бы только на пользу королям черного рынка и дельцам теневого бизнеса.

Деньги стали дефицитными и страстно желанными, внутренне конвертируемыми, так как за них можно было получить практически все. И это через считанные дни после того, как на черном рынке основные продукты питания и обихода покупались на американские сигареты. У людей появились стимулы работать производительно и за деньги. За девять месяцев почасовая производительность поднялась почти на треть. Было покончено с тратой времени на закупки больших, сверх необходимого уровня, партий товаров, спекуляцией, операциями по обмену и поездками с этой целью

в деревню. Эрхард знал, что денежная и экономическая реформа поначалу произведет в значительной мере шоковое воздействие, но следовал своей формуле, что «здоровые силы рынка создадут равновесие». И это произошло: шок наступил сразу, относительное равновесие — к концу года, когда отпущенные цены поползли вниз.

Торговцы черного рынка неожиданно лишились основы своего существования — меновая торговля потеряла всякий смысл. Значительно упали цены черного рынка на предметы первой необходимости. Именно по этой причине Людвигу Эрхарду было так важно одновременно отменить всякое рационирование товаров и нормирование ресурсов, ценовой контроль и административное управление экономикой, иначе меновая торговля в некоторых областях могла сохраниться. Одним махом было покончено с плановой экономикой нацистов («пушки вместо масла»), ставшей регламентированным распределением нищеты. Натуральная разверстка ресурсов и фиксированные цены сохранились только на ряд жизненно важных товаров — продовольствие (хлеб, масло), изделия металлургической промышленности, бензин, квартирная плата и транспортные тарифы.

Вопреки многочисленным ожиданиям, денежная реформа не привела к спаду производства. Только на небольшое время договорные связи, ранее строго предписанные, оборвались, но быстро восстановились. Число безработных резко возросло, однако быстрый рост промышленности свел безработицу к разумному минимуму. Стремительно развивались отрасли, прямо работающие на потребительский рынок. Это было важнейшим приоритетом экономического плана Эрхарда — только так можно снять инфляционное напряжение, рожденное милитаризованной экономикой. Чтобы устранить этот структурный перекос и снизить цены, сырьем прежде всего снабжались фирмы, выпускающие по относительно недорогим ценам товары массового спроса. Рост потребительского сектора рассасывал и безработицу. В шестидесятые годы уровень занятости в Западной Германии был одним из самых высоких среди развитых стран.

Многие денежные реформы терпят поражение, если затем допускают финансирование дефицитов госбюджета за счет дополнительной эмиссии: денежная масса вновь увеличивается непропорционально потребностям оборота. Незаконная эмиссия центрального банка и государственные дефициты были запрещены. Банковские кредиты государственным инстанциям все-таки иногда предоставлялись, но только под проекты, способные в будущем принести прибыль. Так начал действовать мощный рычаг давления на государственные структуры, вынуждавший их укладываться со своими расходами исключительно в сумму налоговых поступлений, то есть «жить по средствам». Налоговая политика все послевоенные годы стимулировала развитие частных предприятий.

Новый экономический уклад после небольшой заминки начал победное шествие. Его отец-основатель Л. Эрхард смог стать наряду с политическим лидером и первым бундесканцлером Конрадом Аденауэром одним из самых почитаемых и популярных по сей день героев нации. Важнейшие экономические проблемы для закладки будущего процветания западногерманского государства блестяще решены этим неолибералом: была создана эффективная валюта, запущен механизм свободных цен, которые стали естественными индикаторами экономической ситуации на рынке — в соответствии с запросами потребителей.

Стоит заметить еще и вот что. Против введения рыночной экономики в свое время, в условиях хаоса и разрухи, выступали основные политические партии — социал-демократы (СДПГ), христианские демократы (ХДС), а также профсоюзы. СДПГ требовала «социалистической экономики через планомерное управление и общеэкономическую организацию» и социализации «крупных предприятий... любой формы экономики снабжения и отдельных частей перерабатывающей промышленности, имеющих отношение к массовому производству». ХДС заявляла в Аленской программе: «Планирование и управление экономикой будут необходимы в значительных масштабах на неопределенный продолжительный период» и выступала за обобществление горнорудной и металлургической промышленности. Профсоюзы хотели передать в коллективные формы владения и управления ключевые отрасли промышленности и кредитно-финансовые учреждения. Поэтому считать внутреннюю политическую ситуацию в западных зонах Германии при переходе к рынку более восприимчивой к идеям рынка или предпочтительной, чем в других европейских странах, «немножко забеременевших коммунизмом» сразу после войны (Франция, Италия), по меньшей мере, просто некорректно. Проект создания рыночной экономики был твердо реализован вопреки политической конъюнктуре.

Честно говоря, трудно переоценить вклад в немецкое «экономическое чудо» американской помощи по плану Маршалла. Снабжение продовольствием и потребительскими товарами улучшилось не только благодаря реформе, но и в результате прямой активной помощи союзников. Чтобы понять нынешнюю позицию ряда стран Запада к нашей перестройке, чрезвычайно важно следующее обстоятельство: помощь стала поступать только после реформы и первых признаков оживления экономики. За счет поступлений по плану Маршалла в пореформенный период финансировалось до половины импорта, и свести платежный баланс с положительным сальдо ФРГ смогла только к концу пятидесятых годов. Еще важнее была смена политики оккупационных властей, ставшая следствием, с одной стороны, углублявшегося противоречия между Востоком и Западом, а с другой — возросшего понимания того, что без подъема хозяйства Германии Европа в целом не сможет интенсивно развиваться. Именно эта корректировка политического курса способствовала экономическому объединению западных зон, либерализации и снятию ограничений на производство, прекращению демонтажа оборудования и вовлекала оккупированные западные зоны в экономическое возрождение Европы.

Почему исчезают кактусы?

Ничто не символизирует Юго-Западную Америку так ярко, как кактус многорукий цереус гигантский. Поэтому ученые ищут причину резкого сокращения численности этих кактусов.

Анализ фотографий, сделанных в 1935 году, показал, что в некоторых районах количество кактусов уменьшилось на 75 процентов! Ученые выясняют, не стала ли следствием загрязнения воздуха так называемая «коричневая болезнь», поразившая самые старые и крупные кактусы. По-видимому, заметное уменьшение зрелых кактусов можно объяснить сильными морозами, охотой за кактусами для украшения ими садов и вытаптыванием молодых кактусов крупным скотом.

Рисунки Ю. Серафанова

Борьба за чистоту в Датском королевстве

Обширная программа детоксикации почвы намечается в Дании. Здесь загрязненным и подлежащим очистке считается грунт на всех территориях бывших и ныне действующих предприятий химической, сталелитейной, горнорудной промышленности, не считая районов обычных свалок.

Небольшая площадь страны заставляет отказаться от принятого в мире захоронения отходов как способа избавления от токсичных веществ. Ученые пока еще не выбрали основного пути обеззараживания грунта, хотя круг таких средств ограничен. Среди них — биологическое разложение, промывка водой, высокотемпературная обработка почв.

Весь загрязненный слой грунта в стране можно будет очистить на специальных заводах по расчетам за тридцать лет, а расходы при этом достигнут семи миллиардов крон.

Молнии и азот

Около ста разрядов молний, ударяющих каждую секунду в землю,— основной источник создания соединений азота, полезных для всех живых существ,— утверждают химики Института горных и технологических разработок из американского штата Нью-Мексико.

Раньше считалось, что главные источники азота — бактерии и грибы, в которых азот скапливался или же вступал в такие соединения с кислородом, которые могут потребляться растениями и животными. После двухлетних исследований Эдвард Францблау и Карл Попп убедились, что молнии производят столько же соединений азота, сколько и другие природные источники.

Исследователи установили, что тепло, ударная волна и электрическое поле разряда молнии скомбинированы таким образом, что разрушают связи между молекулами азота и позволяют его атомам соединиться с кислородом.

Новая роль зонта

Канадец Гери Касбаум подал заявку на патентование... зонта. Как ни парадоксально, это не шутка. Разумеется, речь идет не об обычном зонте, который хорошо известен, а о новой конструкции. Она близка к традиционной, но назначение ее совсем другое. Зонт Касбаума служит для заделывания пробоин в лодках или цистернах. Так, если грузовик, перевозящий жидкости, потерпит аварию и цистерну пробьет, зонт в сложенном виде вводят в отверстие и открывают. Давление жидкости прижимает его к внутренней стене, и вытекание жидкости прекращается. На всякий случай зонт дополнительно фиксируется специальным устройством. Если зонт недостаточно плотно прикрывает отверстие, через полую ручку зонта можно ввести полиуретан, который прикроет и маленькие щели. Так цистерна может дождаться ремонта.

Надо же так похудеть!

На фото, взятом нами из американского журнала «Интернэшнл уайлдлайф», вы видите две вроде бы разных рыбы, но обе они относятся к одному виду. Это озерная форель. Но почему же между ними такая разница? Дело в том, что верхняя форель выловлена в канадской провинции Онтарио в озере с обычной водой, а нижняя — там же, но в озере с подкисленной водой.

По мере усиления кислотности воды в озерах пищи в них для форели становится все меньше и меньше. В результате долго живущая форель — а живет она более двадцати лет — постоянно находится на голодном пайке и потому со временем так худеет, что становится похожей скорее на угря. Многие же рыбы просто погибают.

Как вылечить сфинкса

Специалисты из управления контроля за античными памятниками в Египте решили провести в ближайшие два года специальные исследования, цель которых — определить, как лучше отреставрировать знаменитого сфинкса, сильно страдающего от эрозии.

Весной прошлого года на этом древнем памятнике была смонтирована метеорологическая станция, работающая на солнечной энергии. Она поставляет данные о среде, окружающей статую великана, о скорости и направлении ветра, солнечном свете, температуре воздуха, влажности и так далее. По мнению ученых, сфинкс разрушается на 30 сантиметров за столетие. Но есть и оригинальный проект реставрации, согласно которому памятник можно будет спасти от разрушения, вновь засыпав его песком.

ПОНЕМНОГУ О МНОГОМ

Одно объявление и одно предсказание

Парижская газета «VSD» поместила объявление, предоставленное ему специалистами французских технических музеев и выставок. В нем французов призывали, прежде чем выбрасывать ненужные вещи, показать их музейным работникам. Почти сразу же после этого призыва один пенсионер принес в Парижский музей техники, где тут же была организована выставка по истории связи, невзрачную пыльную коробку. Когда ее очистили, оказалось, что это телефонный аппарат... самого Александера Белла, сконструированный более ста лет назад.

В музее Нанта «урожай» оказался еще богаче. Человек, который пожелал остаться неизвестным, передал рукопись Жюля Верна, найденную в семейном архиве. В своих многочисленных романах писатель, как известно, предсказал и видеотелефоны, и вертолеты, и добычу нефти в Сибири, уж не говоря о подводных лодках. И все-таки ученые были поражены прозрениями, которые обнаружили в этой рукописи.

Оказалось, что Жюль Верн еще раз доказал свои способности оракула. Он предрек, что грядущий промышленный мир будет задушен ядовитым воздухом, оглушен уличным грохотом, а о реках его будут напоминать собой лишь пересохшие русла.

Еще писатель предсказал, что человечество ожидает опасное потепление климата, повышение уровня морей и океанов, новые болезни людей и животных — все то, с чем мы сейчас столкнулись.

Почему эти записки не были опубликованы, неясно. Этим вопросом будут заниматься теперь французские ученые. Впрочем, темой для размышления остается и другой вопрос: если бы эта рукопись была опубликована вовремя, смогло бы человечество принять меры, чтобы эти пророчества не сбылись?

Рисунок Ю. Сарафанова

ИНДОЕВРОПЕЙЦЫ ПРЕДЪЯВЛЯЮТ СВОЮ ВИЗИТНУЮ КАРТОЧКУ

Откуда пришли индоевропейцы? Вопрос, один из главных в истории. Над ним бьются историки вторую сотню лет. Недавно имеющийся уже ответ в науке получил неожиданное «материальное» подтверждение. Об этом — беседа нашего корреспондента Галины БЕЛЬСКОЙ с докторами исторических наук Вадимом Александровичем РАНОВЫМ и Геральдом Николаевичем МАТЮШИНЫМ.

Эти загадочные микролиты

Г. Матюшин: — Для чего они, эти миниатюрные красивые предметы? Почему древний мастер старательно добивался так восхищающей нас точности, безупречности формы и... стандарта? Все они — трапеции, треугольники, прямоугольники, сегменты — почти абсолютно соответствуют другим таким же трапециям, треугольникам, сегментам. Почему? На этот вопрос ответ долго был неизвестен. Предполагали разное. Что микролиты служили орудиями для особых религиозных церемоний обрезания — была такая идея. Известный археолог, член-корреспондент АН УССР С. Н. Бибиков, писал, что это особой формы рыболовные крючки. Существовали и другие предположения. Но вот на Балканах нашли целый жатвенный нож. Основа его — костяная, а лезвие — из впрессованных в кость геометрических микролитов. Это была счастливая находка. Потом находили и другие костяные орудия с вкладышами из микролитов, но первая находка особенно порадовала археологов. В костяной или деревянной оправе имелся специальный паз, куда вставлялись микролиты, закреплявшиеся смолой, битумом или иным веществом. Высокие трапеции могли служить и наконечниками стрел, сегментами оснащали гарпуны, треугольниками — дротики и т. п.

Г. Бельская: — Абсолютно верно! Но ведь существовали огромные регионы, где геометрические микролиты не встречаются, а вкладышевая техника очень развита. Получается, что в пазу костяной или деревянной оправы можно было закрепить пластинки совсем иной формы и размера — никак не микролиты.

Если нанести на карту все точки, где найдены микролиты, то можно увидеть, что большие пространства — Сибирь, Америка, Северная и Юго-Восточная Азия, тропическая Африка и другие — образуют зону, в которой микролиты полностью отсутствуют. Следовательно, первобытный человек мог обходиться и без них. Почему же он усложнял себе жизнь столь кропотливой и трудоемкой работой по изготовлению таких правильных и стандартизированных изделий?

В. Ранов: — Я считаю, что очень хорошее объяснение дано Геральдом Николаевичем Матюшиным, нашим с вами собеседником, изучавшим распространение микролитов от южного берега Каспийского моря вплоть до границ Южного Урала. Он установил, что мастера, изготовлявшие микролиты в Южном Прикаспии и горах Загроса, исключительно строго соблюдали стандартный угол наклона края асимметричных трапеций, который колеблется между 20—30 градусами пологого и 45—55 градусами крутого края. Интересно, что точно такие стандарты предъявлялись и к треугольникам. Причем подобные углы наклона педантично соблюдаются повсюду — от Среднего Востока до Урала и от берегов Каспия до побережья Франции и Англии. Находки жатвенных ножей на поселениях Джейтун в Средней Азии и Кораново в Болгарии свидетельствуют, что наклон угла там сохраняется и спустя несколько тысяч лет после появления первых трапеций и треугольников. Явление поразительное!

Г. Матюшин: — На самом же деле это совершенно естественно — стандарт помогал более точно подгонять друг к другу вкладыши, укладывая их и закрепляя в лезвии составного орудия. Очевидно, вначале такие вкладыши предназначались для жатвенного ножа. Именно жатвенный нож требовал тщательно подогнанного лезвия, потому что при заготовке зерна дикорастущих злаков все решала скорость сбора. Простым каменным ножом много колосьев не нарежешь. И вот был изобретен жатвенный нож с острыми микролитами. Но такие вкладыши часто выскакивали из своих гнезд при работе. Нужно было быстро заменить вылетевший вкладыш в лезвие и так, чтобы он держался очень прочно в оправе. Тут-то и помогала строго геометрическая и стандартная форма.

Микролиты, найденные на Урале, можно вставить в нож с Ближнего Востока, и зазор между микролитами Урала и Ирана будет почти не виден. Таким ножом можно работать долго. Он легкий, удобный, а главное — в запасе всегда микролиты, которыми в любой момент можно заменить выпавшие или сломавшиеся.

Г. Бельская: — Совершенно ясно, что такие микролиты — спутники зарождающегося земледелия и скотоводства. Потому что и траву для скота тоже нужно заготавливать быстро, это ведь тоже сезонная работа.

В. Ранов: — Присматриваясь к феномену микролитов, мы можем построить чрезвычайно интересную логическую цепь. Она начинается предпосылкой, что 11—9 тысяч лет до новой эры на Ближнем Востоке резко и очень значительно ухудшился климат. Но нет, как говорится, худа без добра. В результате именно это обстоятельство заставило людей заняться производящим хозяйством. Эпоха преимущественного сбора диких злаковых сменяется первыми опытами окультуривания растений, началом раннего земледелия. В это же время люди предпринимают попытки одомашнить животных.

Г. Матюшин: — Правильно! А распространение геометрических микролитов из центра их возникновения во многом совпадает с распространением производящего хозяйства. Центр этот — Ближний и Средний Восток, а точнее — зона «полумесяца плодородия», так еще ее называют историки и археологи. (Полумесяц изогнулся дугой от северных пределов Синайского полуострова через горы Тавра и юг Анатолии, иракский и иранский Загрос, вплоть до северных берегов Персидского залива.) Движение племен (или идей?) зафиксировано большим сходством асимметричных трапеций и треугольников, найденных в пещере Белт в Иране, на Южном Урале и в других местах. Любопытно, что в большинстве мест, где находили такие микролиты, встречены и следы древнего скотоводства и земледелия. Все это дает право предполагать с большой уверенностью, что микролиты фиксируют продвижение племен с производящим хозяйством, то есть являются своеобразными флажками, отмечающими это движение на карте Евразии.

Г. Бельская: — Переход к земледелию и скотоводству произошел на Ближнем и Среднем Востоке, это известно. Средняя Азия была лишь окраиной зоны происхождения производящего хозяйства, а на Урале и вовсе не было дикорастущей пшеницы и не водились дикие овцы. При чем же здесь Урал?

Г. Матюшин: — В этом-то и была удивительная загадка: когда мы впервые нашли микролиты на Южном Урале, я засомневался, а те ли это микролиты, которые открыл Р. Брейдвуд на Среднем Востоке? В 1966 году на пражском Международном конгрессе предысториков я показал южноуральские микролиты самому Брейдвуду. Он рассеял мои сомнения: микролиты оказались теми же, что и на Среднем Востоке, и даже более правильными по форме. Дальнейшая работа прояснила ситуацию — цепочка памятников с подобными микролитами тянется от Урала до Южного Прикаспия. Значит, микролиты на Урал принесены с далекого юга.

Г. Бельская: — Но тогда следовало бы искать на Урале и следы раннего скотоводства и земледелия. Ведь такие микролиты, как вы считаете, «не живут» без нового хозяйства.

Г. Матюшин: — К сожалению, на стоянках янгельской культуры не сохранились ни дерево, ни кость, и установить, чем здесь занималось население, было трудно. Лишь в последние годы в Южном Предуралье

были обнаружены поселения рубежа VII—VI тысячелетий до новой эры. Мулино II, Давлеканово II, где были найдены кости животных в очень большом количестве, буквально тысячи костей. Анализ показал, что около тридцати процентов употребленных в пищу животных на этих поселениях были домашними: коза, овца, корова, лошадь. Столь древние домашние животные — на Урале? Это вызвало критику, недоверие. Быть того не может! Однако сейчас нами исследовано уже более двадцати древних поселений, где сохранилась кость, и всюду среди них остатки тех же домашних животных. Видимо, переселяясь на север, южане несли из Прикаспия и навыки скотоводства.

Г. Бельская: — Возникает вопрос: что же заставило древних обитателей гор Загроса и Южного Прикаспия вдруг двинуться так далеко на север, вплоть до Южного Урала, и на запад, вплоть до Европы?

В. Ранов: — Главной причиной, думаю, было изменение климата. Засухи, экологические кризисы заставляли уходить начинающих скотоводов и земледельцев в поисках богатых пастбищ, уходить к морю и, двигаясь вдоль него, дойти до Урала.

Но все, что мы говорили до сих пор, это присказка, сказка — впереди. Дело в том, что, занимаясь микролитами, мы, сами того не ведая, «вышли» на одну из центральных проблем истории, проблему прародины индоевропейцев.

В чем ее смысл? Известно, что какая-то очень большая людская общность расселилась от Европы до Индии примерно в 5—4 тысячелетии до новой эры, принеся в места нового обитания навыки земледелия и скотоводства. Историки назвали людей этих индоевропейцами, определяя этим названием границы расселения: Индия — Европа. Когда-то все они говорили на сходных близкородственных диалектах; со временем, рассредоточившись на таком большом географическом пространстве, они сохранили свою языковую общность только в корнях слов, языков же стало столько, сколько появилось обособившихся групп, ощутивших каждая себя одним племенем.

Геометрические микролиты это — очень маленькие, не более одного сантиметра в ширину, тонкие и очень острые пластинки из камня. (Микролит — это и означает «микрокамень».) Из-за формы трапеции, треугольника, ромба и других геометрических фигурок их назвали «геометрическими». Лезвия микролитов в 100 и более раз острее самых совершенных современных стальных скальпелей. Они режут дерево, кость и даже стекло и по твердости уступают лишь алмазу и корунду.

Долгое время ученые не знали их назначения, но недавно были найдены деревянные и костяные серпы с лезвиями из микролитов. Оказалось, что микролиты — самые древние в мире стандартизированные вкладышевые лезвия и жатвенные ножи. На стоянке Янгелька на Южном Урале при раскопках нашли древний жатвенный нож, хотя его оправа истлела за десять тысяч лет, микролиты лежали, сохраняя изогнутую форму серпа.

При резании один пологий край микролита прижимал такой же край другого, и они крепко держались в оправе. А если и выскакивали или ломались, то наготове были другие, точно такие же. Вот почему они столь стандартны. У них всегда один край был скошен точно на 25—35 градусов, а другой — на 45—55 градусов. Точность углов поразительна, где бы ни встречался микролит — на Урале, в Иране или на Лазурном берегу Франции, они одинаковы. Позднее серпы стали делать из глины и металла. Слева вы видите серпы, найденные при раскопках в Южной Месопотамии, правый из них — жатвенный нож, сделанный из кости, в паз вставлены микролиты, рядом с ним — деревянный серп — слева глиняный серп.

Дошедшее до нас изображение свидетельствует, что 4300 лет назад в Древнем Египте пользовались серпами с микролитами. Стандартные вкладыши позволяли быстро собрать урожай; по мнению известного английского ученого Грехема Кларка, именно они создали всю цивилизацию.

Сейчас индоевропейских языков лингвисты насчитывают несколько сотен.

Перед учеными уже не одно столетие стоит вопрос: откуда пришли индоевропейцы, заселив так плотно Восточное полушарие? Где была их историческая прародина?

Ответов много самых разных, и это значит, что ответа нет.

Ученые искали ее в Индии, на Балканах, в Закавказье, в Восточной Европе, даже, кажется, в Африке. Последние лет десять более всего популярна идея В. Иванова и Т. Гамкрелидзе, журнал «Знание — сила» писал об этом. На основе огромного лингвистического и археологического материала, используя самые разнообразные методы и методики, они локализуют прародину индоевропейцев на Среднем Востоке. За это исследование оба ученых удостоены Ленинской премии за 1988 год.

Так вот, если нашу карту микролитов наложить на современную карту народов мира, то распространение микролитов точно совпадает с территорией, которую занимают индоевропейские народы.

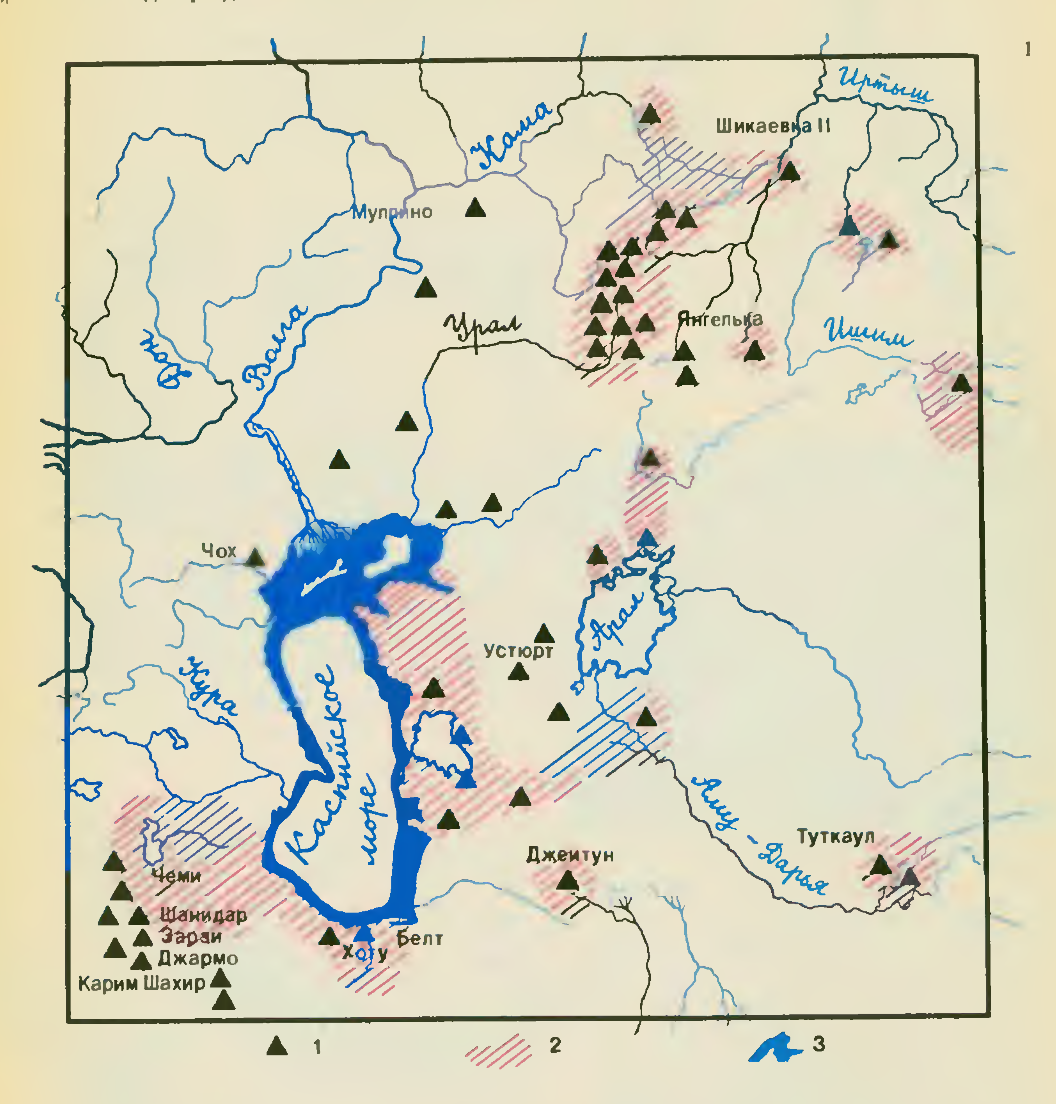
Микролиты геометрической формы распространились по Евразии и северу Африки около двенадцати — десяти тысяч лет назад (X—VIII тысячелетия до новой эры), и племена, оставившие их, шли не из Европы, а со Среднего Востока и из Южного Прикаспия. Интересно и знаменательно, что в работе В. Иванова — Т. Гамкрелидзе путь индоевропейцев в Европу прослеживается именно через Восточный Прикаспий. Действительно, к Уралу это движение шло вдоль восточного берега Каспийского моря, это следует и из нашей карты, в Европу — через Причерноморье, на запад. Надо сказать, что это направление прямо противоположно тому, которое раньше традиционно рисовало большинство ученых, выводя индоевропейцев с Балкан или Восточной Европы.

Получается, что мы, занимаясь своим довольно частным вопросом и не озабоченные глобальной проблемой истории, пришли еще в начале семидесятых годов к тому же выводу, что и лингвисты в конце восьмидесятых, то есть предъявили материальные и очень существенные доказательства в пользу именно глобальной идеи В. Иванова и Т. Гамкрелидзе. И доказательства наши тем основательней, что по существу никаких археологических следов общности индоевропейцев нет. Микролиты — это единственное (единственное!) материальное доказательство общности всех индоевропейских территорий в древности. Позднее культура народов этой семьи развивалась по разным направлениям и была разобщена.

Когда в X—IX тысячелетиях до новой эры

наступила глобальная засуха, то, переселяясь в поисках более плодородных земель и пастбищ, племена Загроса и Южного Прикаспия (то есть того самого «полумесяца плодородия», о чем шла речь выше) несли с собой не только микролиты геометрической формы, вделанные в жатвенные ножи, не только зерно для посевов, но вели с собой и скот.

Это подтверждает и анализ хромосом

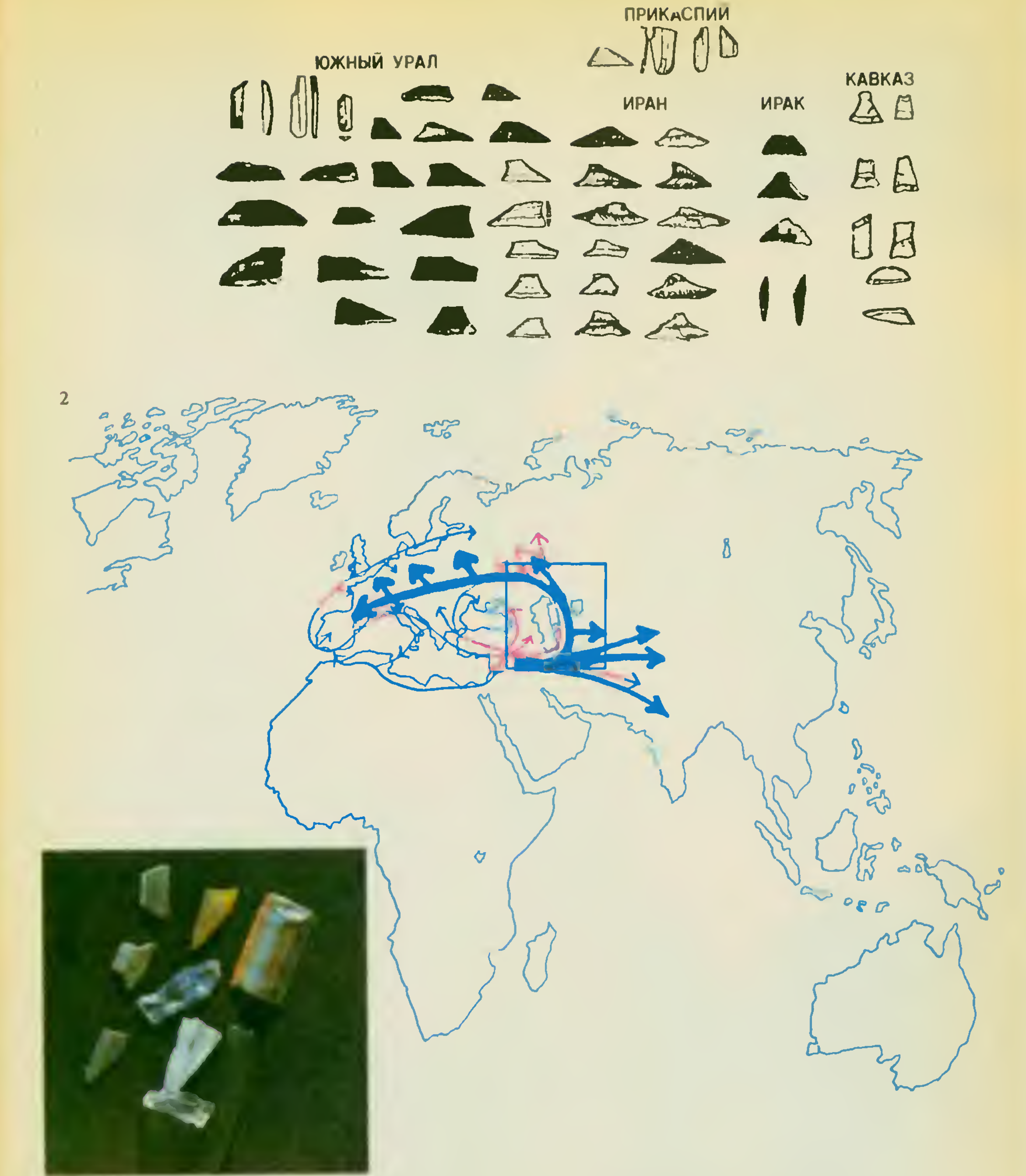

домашнего скота. Он показал, что все домашние овцы происходят от одного вида дикой овцы, которая и сейчас обитает на своей прародине — в Южном Прикаспии и Закавказье. Можно уверенно предполагать, что сельское хозяйство — стоит это подчеркнуть еще раз,— которому обязано жизнью и современное человечество, шло вместе с микролитами, и именно отсюда, по меньшей мере около десяти тысяч лет назад. Подчеркну, что именно это место великий советский ученый Н. И. Вавилов считал, доказывая это научно, родиной злаков и домашних животных. Легко представить, насколько облегчало жизнь в условиях экологического кризиса новое хозяйство. Вот почему оно так относительно быстро и распространилось — на Урале микролиты появились впервые еще до того, как тут вымерли мамонты.

Г. Бельская: — Значит ли это, что проблема решена, что окончательно выяснена судьба геометрических микролитов и вопрос прародины индоевропейцев? Знаем ли мы окончательно, как, какими путями шло распространение производящего хозяйства, открыв движение культур с микролитами по восточному берегу Каспия на Южный Урал и далее, в Европу?

В. Ранов: — Вряд ли. Предстоит еще найти сами следы земледелия и скотоводства на всем намеченном нами пути, дело, ох, не простое, потому что мы почти не знаем памятников, где бы сохранились следы древних остатков зерна или костей животных. Нельзя сбрасывать со счетов и так называемый балканский путь производящего хозяйства в Европу. Он тоже существовал. Это очевидно. Но тогда встают другие вопросы, их много...

Однако первые вехи решения, как кажется, уже поставлены, и отмеченный нами новый путь нужно попробовать пройти в своих исследованиях. ●

На схеме хорошо видно, что особенно близки по форме микролиты Урала и Южного Прикаспия (пещера Белт, карта 1). Почему так схожи микролиты, что иногда кажется — их делал один мастер и на Урале, и в Иране? Асимметричные микролиты широко распространяются по всей Европе и в Индию (карта 2) лишь около 9—11 тысяч лет назад, в то время, когда всю Евразию охватил экологический кризис. Из-за резкого подъема температуры на планете растаяли ледники, уровень океана поднялся на сто метров, а степи в предгорьях Среднего Востока стали превращаться в пустыню. Растения выгорали, животные, а вслед за ними и человек, стали переселяться к морю — на север, к Каспию и дальше, вплоть до Урала, на запад — через Средиземноморье в Европу. Они несли с собой не только микролиты и жатвенные ножи, но и зерна пшеницы, ячменя и гнали прирученный мелкий и крупный рогатый скот. В Европе, как и на Урале, до появления пришельцев с микролитами люди не знали ни земледелия, ни скотоводства. Восприняв его от пришельцев, они приняли их обряды и язык. Так образовалась огромная индоевропейская семья народов. К такому выводу пришел в шестидесятые годы один из авторов, Г. Н. Матюшин. На карте красными стрелками показан путь индоевропейцев с микролитами в Европу. В восьмидесятые годы лингвистические исследования Т. Гамкрелидзе и В. Иванова подтвердили предположения археологов о путях расселения индоевропейцев.

ПРОБЛЕМА: ИССЛЕДОВАНИЯ И РАЗДУМЬЯ

В. Барашенков,
доктор физико-математических наук

Минус-материя

I. Механика, вывернутая наизнанку

Разжавшаяся пружина расшвыривает шарики обычного вещества. Шарики минус-вещества под действием пружины, наоборот, устремляются к центру и мешают ей полностью разжаться.

Герои сказок, испытав массу приключений, охотились за живой водой и волшебным пером жар-птицы, а средневековые алхимики всерьез пытались найти чудодейственный философский камень. Но все эти сокровища — пустяки по сравнению с удивительным «минус-веществом», у которого масса отрицательна. Если бы имелось такое вещество, то с его помощью можно было бы создать неиссякаемые источники энергии «из ничего», делающие реальной давнюю мечту человечества о вечном двигателе, можно было бы построить самоускоряющиеся ракеты, пересекающие пространство со скоростью, сколь угодно близкой к световой. Явь и фантастика станут неразличимыми, обладай мы таким чудо-веществом. Но вот существует ли оно в природе? Хотя бы в принципе, если не у нас, то, может быть, в других мирах-вселенных? Ведь героям сказок тоже приходилось отправляться за пером жар-птицы в тридесятое царство, тридевятое государство...

Вокруг парадигмы

Когда я, студент университета, пришел к руководителю моей дипломной работы, он предложил мне на выбор сразу несколько тем: «беспроигрышные» расчетные и одну «сумасшедшую», посвященную опровержению одного из хорошо известных физических законов, а точнее, поиску путей, как его обойти. И когда я выбрал последнюю, мой будущий наставник, усмехнувшись, заметил:

— Приготовьтесь к трудной жизни. Эта тема — как наркотик. Вы будете в постоянном напряжении, взлеты надежд станут сменяться глубоким разочарованием. Вам будет не раз казаться, что вы на пороге чего-то очень важного, однако всякий раз надежды будут разбиваться об очередной подводный камень, и вам вновь и вновь придется лепить теорию из осколков. Зато какое наслаждение изучать фантастические, еще никому не ведомые миры, где на каждом шагу — сюрпризы и парадоксы! Такое доступно лишь теоретику.

А если серьезно, — мой наставник задумчиво посмотрел на прикрепленную к стене карту марсианских каналов,— то без таких отчаянных вылазок в науке не прожить, ведь кто-то должен ходить в разведку. Иначе наука превратится в религию, ее законы станут догмами, а сомнение — величайшим из грехов. Ну, кроме всего прочего,— он весело взглянул на меня — всякий научный работник, как солдат, носит маршальский жезл в своем ранце, ведь кому-то должно повезти, кто-то делает открытия. Дерзайте!

С тех пор прошло много лет, и хотя мне пришлось много заниматься весьма «земными» делами — от расчета потоков теплоносителя в атомных реакторах до технологии пористых пленок и прогнозирования сбоев электронных приборов, я всегда с особым интересом читаю статьи с необычными, из ряда вон выходящими идеями..

Каждая эпоха имеет свою систему

Иллюстрация А. Обросковой, фото В. Бреля

представлений об окружающем мире, которые современникам кажутся настолько очевидными, что становятся частью того, что принято называть здравым смыслом. Это — своеобразные мировоззренческие очки, через которые человек рассматривает происходящие вокруг него события. Философы называют их парадигмой, что в переводе с греческого означает канон, общепринятый образец.

Парадигма снабжает нас чем-то вроде координатной сетки, облегчающей понимание глубинного смысла событий. С ее помощью мы среди множества возможных объяснений отбираем наиболее вероятное, бракуя остальные как ненаучные. Наука очень экономна в своих объяснениях и всегда старается использовать минимум предположений.

Однако у парадигмы есть своеобразная «ахиллесова пята»: она всегда ограничивает поле зрения, как бы зашоривает нас, и наука время от времени меняет свои «очки» то в одной области, то в другой, а потом приходит черед и для общих, философских изменений. Дело это весьма нелегкое, ведь плыть против течения всегда трудно, тем более что пловца часто ожидает костер, если не в прямом, то в переносном смысле. И все же находятся охотники узнать, что там, в полутьме, за освещенным кругом парадигмы. Большинство возвращается с пустыми руками, зато в случае удачи они приносят удивительные находки. Если подводить итоги, как говорится, «по гамбургскому счету», то именно такие «сумасшедшие» путешествия главным образом и двигают нашу науку.

Одно из них связано с понятием массы,— пожалуй, самого глубинного свойства всех известных нам видов материи и вместе с тем такого привычного, еще со школьной скамьи, что, казалось бы, нового тут и сказать-то ничего нельзя, все давным-давно известно. Однако это далеко не так — на самом деле тут еще много загадочного.

В начале нашего века более глубокое проникновение в сущность массы распахнуло дверь в кладовую ядерной и термоядерной энергии. Есть подозрения, что сегодня мы, возможно, стоим перед следующей дверью — на пороге своеобразного вакуумного «подвала» мира, где природа спрятала еще большие количества энергии.

В литературе все чаще появляются сообщения о попытках проникнуть в эту таинственную область. Писатели-фантасты связывают ее с параллельными мирами (только что вышел русский перевод романа А. Азимова «Вакуумный насос», в котором рассказывается о проколе «вакуумной стенки» и обмене энергией между двумя разумными расами, живущими по разные ее стороны), энтузиасты-уфологи видят в вакуумной энергии источник чудесных свойств различных НЛО, многочисленные изобретатели придумывают хитроумные устройства, способные, по их мнению, извлекать энергию вакуумного океана...

Частица плюс-вещества притягивает все виды материи, частица минус-вещества их отталкивает.

А что думают об этом ученые? Конечно, речь идет не об ортодоксальной науке, которая почитает современную парадигму как Уголовный кодекс, а о том, что обсуждается на неофициальных семинарах, за чашкой кофе, во время неторопливых «трепов» по дороге из институтской столовой, когда серьезные выводы и строгая критика соседствуют с «сумасшедшей» гипотезой и «детскими» вопросами, ставящими в тупик седовласых профессоров.

Минус-вещество

Попробуйте спросить у своих знакомых, могут ли быть предметы с отрицательной массой. Вопрос наверняка вызовет удивление — в реальном мире масса всех тел положительна.

А все же, почему так?

Этот вопрос возникает еще и в другой связи. Всякий, кто изучал физику, несомненно, подмечал поразительное сходство ньютоновского закона всемирного тяготения и закона Кулона для взаимодействия электрических зарядов. В одном — массы, в другом — заряды, все остальное одинаково. Поразительное сходство законов сразу наводит на мысль о том, что масса — это гравитационный заряд. Вот только почему он всегда одного знака? Электрические заряды бывают положительными и отрицательными, а гравитационные — только положительными. Даже у античастиц масса такая же, как у частиц.

Что это — случайность? И кроме части Вселенной с положительными массами, где мы живем, существуют еще области минус-вещества? Если так, то где следует их искать и какими свойствами будет обладать там материя?

Чтобы разобраться в этих вопросах, давайте предположим, что минус-вещество действительно существует, и посмотрим, к каким это приведет следствиям. Возможно, тогда мы догадаемся, где расположены его россыпи.

С первого взгляда может показаться, что большой разницы в свойствах плюс- и минус-вещества не будет. Не больше, чем у положительных и отрицательных электрических зарядов. Лишь знак связывающей их силы другой: там, где для электричества притяжение, для масс — отталкивание, и наоборот. Однажды я даже читал научно-фантастический рассказ о таких параллельных, разделенных вакуумным шлюзом «верхней» и «нижней» вселенных, где все одинаково, как будто один мир — зеркальное отражение другого и все события рассказа разворачивались на их стыке. Там, подобно призракам, появлялись и исчезали материальные предметы, возникали климатические аномалии — то вдруг становилось страшно жарко, то, наоборот, все сковывал непонятно откуда взявшийся мороз, а в памяти людей (их там тоже называли экстрасенсами), как на засвеченной кем-то фотопластинке, проступали картины похожей, но неведомой нам жизни... Однако все это — плод смелой фантазии писателя. Существуй они на самом деле, такие параллельные вселенные из плюс- и минус-вещества обладали бы различными свойствами.

Чтобы убедиться в этом, следует вспомнить еще об одном законе, в который входит масса, — о законе механики: ускорение тела равно действующей на него силе, поделенной на массу. У плюс- и минус-вещества оно будет направлено в разные стороны. Если оттолкнуть предмет с отрицательной массой, он поедет в сторону того, кто его толкает, поэтому, чтобы везти поезд минус-вещества, локомотив должен не тянуть его, а, наоборот, толкать в противоположную сторону. Чтобы открыть крышку коробки, изготовленной из вещества с отрицательной массой, нужно на нее надавить. Мы привыкли так закрывать коробку, а тут — все наоборот. Футбольный «минус-мяч» не отскакивал бы от бутсы футболиста, а прилипал бы к ней. А как трудно было бы играть в бильярд с шарами из минус-вещества! Наш опыт и интуиция тут были бы совсем бесполезны. Иногда шары отскакивали бы друг от друга, в другой раз слипались или, как намагниченные, следовали бы за кончиком ударившего их кия. Наконец, пули, отлитые из минус-вещества, летели бы после выстрела не в сторону цели, а сжимали бы пороховые газы в патроне. В общем, с минус-веществом нужно быть очень осторожным. Известно, какие трудности испытывают космонавты, пока не научатся обращаться с не имеющими веса вещами, привыкнуть же к отрицательным массам было бы несравненно труднее!

Ракета, задний отсек которой заполнен минус-веществом, ускоряется без всякой реактивной струи.

Все это, конечно, весьма необычно с точки зрения «здравого смысла». Образно говоря, законы механики оказываются тут как бы вывернутыми на-

изнанку. Пожалуй, замысловатее любого научно-фантастического рассказа! Тем не менее само по себе это не противоречит ни физике, ни логике. Удивительный, но возможный мир.

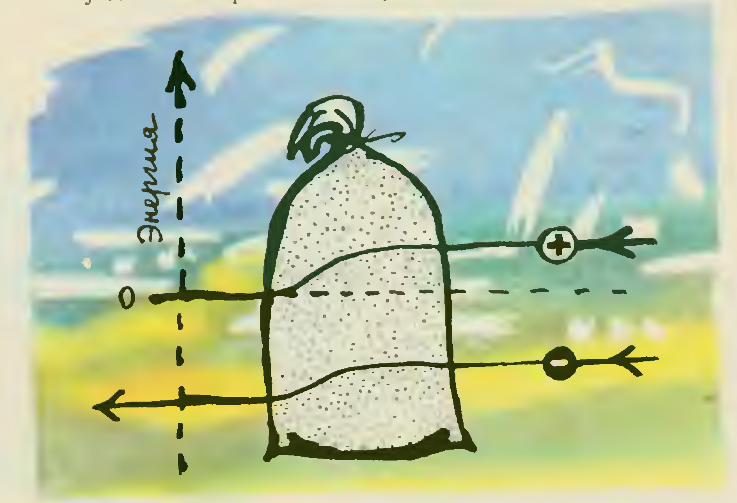
Однако это еще не все чудеса минус-материи. Самое поразительное впереди.

Прав ли был барон Мюнхгаузен?

Этот знаменитый сказочный персонаж уверял, что однажды вытащил сам себя за волосы из болота. Всякий школьник знает, что такое просто невозможно, ведь если на систему не действуют внешние силы, ее центр тяжести сдвинуть нельзя, и сколько ни тяни себя за нос или за волосы, с места не сдвинешься.

Однако будь у барона кусок минус-вещества, он смог бы вылезти из трясины. Для этого ему даже не пришлось бы тянуть себя за волосы, достаточно было бы только сесть на этот кусок, и тогда он вместе с ним поднялся бы в воздух. Мог бы даже полететь. Без горючего и без всяких усилий, как на волшебном ковре-самолете! Да, законы механики разрешают и такое чудо.

Чтобы понять, как это может быть, прежде всего следует заметить, что в физике мы встречаемся с двумя типами масс: с массой — гравитационным зарядом, которая входит в формулу всемирного тяготения, и с массой — коэффициентом пропорциональности в законе, связывающим ускорение с силой. Первую из них принято называть гравитационной, вторую — инертной, и вообще говоря, у одного и того же тела они могут быть разными по величине и по знаку. Например, можно мыслить мир, в котором гравитационная масса равна нулю, то есть где «все, как у нас», только нет сил тяготения и тела ничего не весят. Похоже на то, с чем встречаются наши космонавты, живущие на спутниках.

Вот как меняется кинетическая энергия пуль из плюс- и минус-вещества в мешке с песком.

Может быть и наоборот: гравитационная масса намного больше инертной, и тогда главной силой вокруг нас было бы гравитационное слипание тел, как будто все они вдруг стали притягивающими друг друга магнитами.

Однако такие миры возможны лишь в воображении. Природа распорядилась так, что обе массы, гравитационная и инертная, почему-то в точности равны одна другой. В этом убеждают нас эксперименты. Гравитационные силы в нашем мире не отличаются от «чисто механических» инерционных.

Почему так получилось,— это отдельный и во многом еще спорный вопрос*, тем не менее факт остается фактом, и мы будем из него исходить.

А теперь проведем простенькое рассуждение. Взаимодействуют две частицы. Частица-хозяйка создает гравитационное поле, и порождаемая ею сила действует на частицу-гостью. Частицы равноправны, и совершенно безразлично, какую из них назвать хозяйкой, а какую — гостьей. Ускорение частицы-гостьи равно силе, поделенной на инертную массу этой частицы. Сила же, как говорит закон всемирного тяготения, пропорциональна произведению гравитационных масс обеих частиц. Поскольку гравитационная и инертная массы «гостьи» одинаковы, они сокращаются, и в результате получается, что ее ускорение пропорционально массе «хозяина».

Мы видим, что частица-хозяйка полностью контролирует положение. Ей не нужно знать массу «гостей», все они ускоряются пропорционально ее собственной массе. Если она положительна, все «гости» притягиваются, если отрицательна — все они отталкиваются.

* Это связано со свойствами симметрии пространства и времени. Подробнее об этом можно прочитать в статьях автора «Великая тайна всемирного тяготения» и «За пределами теории Эйнштейна» в «Знание – сила», №№ 1 и 7 за 1987 год.

Как говорится, кто платит, тот и музыку заказывает!

Можно сказать, что плюс-вещество всегда ведет себя «доброжелательно» — оно притягивает все тела независимо от того, какая у них масса, положительная или отрицательная, а вот минус-вещество, наоборот, нетерпимо ко всему на свете, оно отталкивает от себя все другие тела, не обращая внимания иа то, какая у них масса.

Два тела из плюс-вещества притягивают друг друга. Тела из минус-вещества, отталкиваясь одно от другого, как говорится, руками и ногами, разлетаются в разные стороны. Но самое интересное происходит, когда встречаются плюс- и минус-вещество. Первое тянет минус-вещество к себе, а то отталкивает его от себя. Их усилия направлены в одну сторону, и пара начинает двигаться, двигаться сама по себе, без всяких внешних сил, да еще с ускорением, набирая скорость!

Вот этим удивительным свойством минус-вещества и мог бы воспользоваться барон Мюнхгаузен. Сев на кусок такого вещества, он вылетел бы на нем из болота, как снаряд из жерла пушки.

Вообще говоря, беспрепятственно, с равномерно нарастающей скоростью, будут двигаться лишь тела с равными по абсолютной величине массами, сумма которых равна нулю. Если же массы не равны, то бóльшая в конце концов пересилит — либо перетянет меньшую, либо далеко ее отбросит. В первом случае плюс- и минус-тела слипнутся, сожмут друг друга, и ускорение их общего движения возрастет. Во втором случае гравитационное отталкивание по мере удаления тел будет ослабевать, ускорение прекратится, и движение будет происходить с постоянной скоростью**.

У читателя, наверное, все время сохраняется подозрение, что тут что-то нечисто, какой-то фокус, поскольку не ясно, откуда берется энергия движения лихого барона. Закон сохранения энергии — важнейший закон физики, и если саморазгонка пары плюс- и минус-тел происходит с его нарушением, гипотезу отрицательного вещества следует сразу же забраковать. Закон сохранения энергии — слишком дорогая цена, которую ни один физик не захочет заплатить даже за очень оригинальную гипотезу.

Однако, как ни удивительно, этот закон не нарушается, хотя энергия действительно возникает «из ничего».

Неиссякаемый источник

Однажды я подслушал, как крепко ударившийся лбом о дверь мальчишка, морщась от боли, промычал:

— Хорошо, что пополам...

— Что пополам?

— Эм-вэ-квадрат пополам... Кинетическая энергия...

Центр тяжести двух шариков из плюс-вещества располагается между ними, ближе к более тяжелому. Если один из шариков состоит из минус-вещества, то их центр тяжести располагается «снаружи» и тем дальше, чем меньше различаются по абсолютной величине их массы.

У минус-вещества она тоже эм-вэ-квадрат пополам, как и у обычных тел, только отрицательная, поскольку масса такая. И если количества плюс- и минус-вещества одинаковы, то суммарная энергия пары всегда остается равной нулю, независимо от того, движется эта пара или покоится. Отрицательная кинетическая энергия куска минус-вещества компенсирует положительную кинетическую энергию барона Мюнхгаузена, и в целом закон сохранения энергии не нарушает-

** Для особо въедливых читателей заметим: если быть уж совсем точным, то чтобы расстояние между телами сохранялось неизменным, минус-масса должна быть чуть больше плюс-массы. Это связано с тем, что нужно компенсировать небольшой положительный сдвиг, который вносит в общий баланс масс энергия самого гравитационного поля; поправка рассчитывается довольно трудно, но она очень мала.

Рисунки В. Серафанова

ся — суммарная энергия была равной нулю, когда барон увяз в болоте, таковой она и останется, хотя барон будет лететь с нарастающей скоростью.

В мире с отрицательными массами возникновение энергии «из ничего» фактически означает лишь ее перераспределение.

Иногда это приводило бы к неожиданным эффектам. Так, проходя сквозь вещество, частица с положительной энергией растрачивает ее в столкновениях с частицами среды и замедляется. Вещество при этом нагревается. Винтовочная пуля всегда застревает в мешке с песком. А вот пуля из минус-вещества, сталкиваясь с частицами среды, тоже нагревает вещество, но ее собственная отрицательная энергия становится из-за этого еще большей по абсолютной величине, и пуля вылетает из мешка с песком еще быстрее, чем влетает. Мешок для нее играет роль ускорителя.

Изменяются скорости тел, переносится тепло и холод, но баланс энергии никогда не нарушается.

Читатель может попытаться теперь сочинить новый научно-фантастический рассказ о параллельных мирах, разделенных вакуумным шлюзом.

С энергетической точки зрения, пара тел с плюс- и минус-массой напоминает безостановочно бьющий из вакуума ключ, неиссякаемый родник, из которого вытекают сразу две струи, положительная и отрицательная. И если бы такой чудесный родник удалось отыскать в природе, например где-нибудь в безднах межгалактических пространств, можно было бы придумать машины, использующие обе его струи. Мечта о вечном двигателе стала бы явью. Можно было бы построить не требующие горючего вечные печи и холодильники. Ракеты с ускоряющими отсеками из минус-вещества развивали бы любые скорости, вплоть до световой. Стали бы доступными самые удаленные уголки Вселенной. А главное, в экологическом отношении такой источник был бы абсолютно чистым.

Просто идеал, лучше трудно придумать!

Минус-материю без преувеличения можно было бы назвать самым драгоценным веществом Вселенной. Вот только существует ли она на самом деле?

Подводные рифы

Не будем утомлять читателя доказательствами, и пусть он поверит на слово: для минус-вещества выполняются не только закон сохранения энергии, но и все другие законы механики. В этом отношении механика отрицательных масс — вполне строгая теория. Однако нет ли каких-либо более глубоких запретов? Уж очень парадоксальны свойства минус-вещества, чтобы природа не попыталась спрятать его за семью замками!

Наиболее подозрителен с этой точки зрения принцип причинности, запрещающий объединение событий в замкнутые петли, когда, двигаясь вперед по времени, тем не менее удается попасть в прошлое. Несколько лет назад принцип причинности «потопил» гипотезу сверхсветовых частиц — тахионов. Не произойдет ли подобное и с теорией минус-материи, в ней ведь тоже есть сверхсветовые скорости?

Например, больше скорости света может стать скорость движения центра тяжести двух разлетающихся в противоположные стороны тел. Если они состоят из плюс-вещества, их центр тяжести всегда располагается между ними и его скорость никогда не бывает больше световой. Однако если же одно из тел имеет отрицательную массу, то с помощью формул из школьного учебника физики нетрудно убедиться в том, что центр тяжести располагается снаружи пары и его скорость тем больше, чем ближе по абсолютной величине массы разлетающихся тел. Для равных масс его скорость становится вообще бесконечной. Вот тут-то и возникает вопрос: не торпедирует ли это гипотезу минус-материи?

Должен признаться, когда я впервые стал размышлять об отрицательных массах, парадокс причинности казался мне непреодолимым: сверхсветовые скорости — смертный грех любой теории. В этом я убедился еще в своей дипломной работе, она как раз была посвящена проблеме сверхсветовых сигналов. Если теория разрешает создание сверхсветового телеграфа, она заведомо порочна и ее следует отбросить. Однако при более близком знакомстве выяснилось, что сверхсветовые скорости в процессах с минус-телами лишь кажущиеся. Это тот редкий случай, когда уместно сказать: не верь глазам своим.

И правда, с первого взгляда появление сверхсветовой скорости вообще выглядит несколько странным: казалось бы, откуда ей взяться, когда оба тела, с плюс- и минус-массой, движутся с малыми, заведомо досветовыми скоростями? Почему формулы дают такой странный ответ?

Чтобы нагляднее уяснить, в чем тут дело, вспомним, как деревенские женщины носят на коромысле ведра с водой. Те остаются в равновесии, если коромысло опирается на плечо точно в своем центре тяжести, и как бы ведра ни двигались по коромыслу, плечо всегда остается между ними. Если же одно из ведер обладало бы отрицательной массой и вместо того чтобы тянуть вниз, устремлялось вверх, то, для того чтобы уравновесить это стремление, женщине пришлось бы воспользоваться длинным коромыслом и держать его на плече с внешней стороны — за ведрами, а не между ними. В случае небольшой отрицательной массы ее плечо располагалось бы со стороны большего ведра. Если отрицательная масса по абсолютной величине была бы больше массы ведра с плюс-веществом, то центр тяжести оказался бы с другой стороны ведер, а хозяйке коромысла, чтобы оно не улетело в небо, пришлось бы, кроме того, крепко прижимать его к своему плечу. Чем ближе по абсолютному весу ведра, тем длиннее пришлось бы ей выбирать коромысло и тем дальше сдвигать их на его край. Одинаковые ведра ей вообще не удалось бы удержать в равновесии.

Как бы ни скользили вдоль коромысла ведра с положительной массой, плечо несущей их женщины успевает сдвинуться вперед / за их центром тяжести. Если же в одном из ведер минус-вещество, то даже небольшое их перемещение приводит к очень резкому сдвигу центра тяжести, подобно тому, как небольшое покачивание зеркальца в солнечном луче выражается в гигантских скачках отбрасываемого им светового «зайчика». Центр тяжести коромысла, на котором одно из ведер имеет отрицательную массу, может перемещаться со скоростью, намного больше световой.

Однако все это нисколько не нарушает причинности. Из всех сверхсветовых скоростей опасны лишь те, которые связаны с передачей энергии и информации, так как только такие процессы воздействуют на тела и происходящие с ними события. А вот только что упоминавшееся движение со сверхсветовой скоростью солнечного зайчика, отброшенного зеркальцем на стену соседнего дома, не несет с собой ни энергии, ни информации. С его помощью нельзя образовать причинных петель, нельзя построить сверхсветового телеграфа. Таким же «безваттным» является и движение центра тяжести пары тел из плюс- и минус-вещества. Это — движение не связанной с веществом бестелесной математической точки. Повлиять на материальные процессы оно не может, и принцип причинности остается в полной неприкосновенности.

В отличие от других теорий со сверхсветовыми скоростями гипотезе минус-материи удается миновать острый риф причинности.

Как видим, парадоксов, связанных с минус-материей, много, однако каких-либо серьезных нарушений известных нам законов не проявляется, и зачеркнуть гипотезу отрицательных масс пока нельзя. А раз так, то, может быть, следует серьезнее относиться к желанию некоторых энтузиастов несколько забежать вперед и, не дожидаясь, пока ученые расставят все точки над «i», попытаться создать «вечный двигатель», вычерпывающий даровую энергию вакуума? В такую возможность трудно поверить, но многовековой опыт науки убеждает в том, что все, что не противоречит законам природы, даже самое диковинное и фантастическое, рано или поздно может быть осуществлено и построено.

Вот только почему же до сих пор никогда не встречалось чудесное минус-вещество и где следует его искать? Может, плохо искали? Но об этом — в следующем номере журнала ●

ВНИМАНИЕ: СЕНСАЦИЯ!

Открыт дом Колумба

6 декабря 1492 года Христофор Колумб достиг берегов острова Гаити и дал ему название Эспаньола. Из сохранившихся документов известно, что позднее первые европейские поселенцы построили там порт Навидад и маленький городок, который Колумб назвал поэтическим именем Ла Изабелла. Здесь разместилось 1500 матросов и переселенцев, прибывших на семнадцати кораблях великого мореплавателя во время его второй экспедиции через Атлантику. В какой части острова, разделенного сейчас между Гаити и Доминиканской республикой, находился этот городок? Удастся ли найти когда-нибудь дом и вещи Колумба? Ответы на эти вопросы искали так долго, что надежда померкла, казалось бы, окончательно.

И вот в этом году группа американских археологов из университета во Флориде обнаружила Ла Изабеллу. В одном заброшенном рыбацком поселке на территории Доминиканской Республики археологи нашли под наносами первое европейское поселение на Американском континенте. Продолжительные раскопки не оставляют никаких сомнений: датировка точна, а строительство и архитектура, безусловно, европейские. Город на удивление хорошо сохранился. Найден городской склад для провизии, расчищены караульные посты, пороховой погреб, больница и церковь. Удалось обнаружить и кладбище. А в километре от города карьер, где добывали камень для форта, печь, где расплавляли свинец для пуль, а также печь для обжига керамики с множеством предметов возле нее — от кухонной посуды до черепицы. Кстати, именно гончарное ремесло — первый производственный процесс, перенесенный с одного континента на другой.

Довольно хорошо сохранился и дом Колумба, представляющий собой крепость на окраине города, вдали от остальных зданий и церкви, но зато близко к берегу. Это обстоятельство совпадает с утверждениями Колумба о том, что он жил в напряжении, в постоянном страхе из-за возможного бунта непокорных и алчных матросов и потому предпочитал находиться поближе к собственной каравелле. У дома прочный фундамент и каменные стены, выкрашенные изнутри, он покрыт серо-коричневой черепицей, обнесен толстой каменной оградой.

Внутри — множество сосудов: тарелки, чаши, кувшины, самодельный гончарный круг. Самое трогательное из всего найденного среди личных вещей... ночной горшок Колумба.

Очень любопытен и такой факт: при расчистке городского склада найдено множество блестящих шариков ртути. Согласно рецептам алхимиков, ртуть обладает изумительным свойством отделять золото от минеральных примесей. Очевидно, сподвижники Колумба рассчитывали найти здесь горы золота.

Трудно оценить это сенсационное археологическое открытие. Найдено место, где испанцам предстал Новый Свет не только невиданными животными и растениями, но и невиданной культурой — каменными и глиняными постройками, новыми видами металлургии, оружейной техникой, морскими судами, религией, живописью, ирригационными сооружениями и бог весть чем еще! В то же время отсюда пошли бесконечные грабежи, разбой и мародерство борющихся за власть и богатство европейцев. Именно отсюда позднее тронулись в путь четыре каравеллы с первыми пятьюстами индейцами-рабами. Все это на много столетий отодвинуло надежды на мир между Старым и Новым Светом.

За что сжигали ясновидцев на кострах?
Какая погода на Марсе?
Синтез органики? Это очень просто!

Специальное научное направление — дерматоглифика — исследует закономерности расположения кожных узоров на ладонях и пальцах человека. Эти узоры всю жизнь сохраняют свой неповторимый рисунок, и нет двух людей в мире, у которых бы эти рисунки совпали. Потому-то отпечатки пальцев и служат надежным свидетельством в практике уголовного расследования.

Но из древности идет традиция предсказывать по ладоням судьбу человека, порой весьма небезуспешно. Есть ли тут элемент реального «прочтения», помимо чистого гадания? По-видимому, есть. В том убеждают результаты исследований ученых-медиков из Пермского медицинского института. Проводя обследование узоров кожи рук у жителей Украинского Полесья, они обратили внимание на такой факт. Типы узоров на ладонях у детей и лиц преклонного возраста не совпадают. Точнее, у людей восьмидесяти—ста лет скорее наблюдается определенное однообразие в рисунках. Например, широкий ладонный угол, превышающий сорок пять градусов, встречается у половины старцев, в то время как у детей он обнаруживается лишь в четырех процентах случаев. Наоборот, у долгожителей совсем не бывает четырехпальцевой борозды, однако она весьма распространена у большинства молодых людей.

Почему же с возрастом так меняется распространенность тех или иных рисунков? Ответ, кажется, прост — носители определенных узоров «закономерно» не доживают до глубокой старости. А если знать, какие именно это узоры, то можно по ладони предсказать, разумеется, с определенной вероятностью, сколько лет ему отпущено... Значит, и в приемах хиромантии, «двоюродной сестры» дерматоглифики, что-то все же есть.

На самом деле долголетие человека заложено на генетическом уровне, генетически же закреплены и рисунки кожных узоров. Потому в их корреляции, по сути, нет ничего необычного. И выявление этой взаимосвязи интуитивно и опытом наблюдений, видимо, давало какой-то шанс предсказателям верно «читать судьбу» по рукам, где остается еще много «непрочитанного» и поныне.

У дециметровых радиоволн есть интересная особенность: они практически не поглощаются атмосферой. А если на пути встретится препятствие, например облачный слой, то волна его обогнет. Отсюда — перспектива изучения атмосфер далеких планет радиопросвечиванием. Да, но как можно будет расшифровать возможные искажения радиолуча? Вот тот вопрос, который встал перед исследователями Института радиотехники и электроники АН СССР из подмосковного города Фрязино. Ученые решили «прокалибровать» метод, сопоставляя все изменения радиоволн с данными обычных гидрометеорологических наблюдений. Для этого понадобилось использовать два спутника — один посылал радиолуч в сторону Земли, другой принимал его отражение, изрядно искаженное, на свою антенну.

О чем говорили его искажения? Спад амплитуды наблюдался всякий раз, когда на пути луча попадались облачные слои и, кроме того, при прохождении пограничного слоя между тропосферой и стратосферой. А нарушения частоты совпадали по высоте с изменениями атмосферного давления и температуры воздуха.

Теперь, зная особенности прохождения дециметровых волн, можно будет пользоваться методом радиопросвечивания для изучения как земной атмосферы, так и атмосфер других планет. Потребуется только вывести на орбиту вокруг них по два специальных спутника.

Вокруг нас достаточно углекислого газа и воды. Это прекрасное исходное сырье для синтеза топлива. Именно он и проходит совсем рядом — в зеленых клетках растений. Но механизм этого процесса пока не удается понять и воспроизвести. Целенаправленное наступление на эту проблему ведут ученые московского Института горючих ископаемых. Об их первых обнадеживающих опытах мы уже писали (читайте заметку «На пути к искусственному топливу» в номере 5 за 1990 год). Размышляя о путях превращений воды и газа в сложные соединения, исследователи перебрали все возможные пути химических реакций и пришли к выводу, что в принципе достаточно отщепить один атом водорода от молекулы воды, как процесс дальше пойдет без затруднений. При фотосинтезе это получается легко, так как должную роль выполняют кванты света. А в темноте? Тут, по мнению ученых, должно быть то же самое, но обязательно с участием катализаторов, которые для воды известны — это соли железа, меди, кобальта, никеля, магния, они способствуют разложению воды. Вот это предположение решили проверить в опытах, где в одном случае в смесь воды и карбонатов, выделяющих углекислый газ, добавили катализатор, а в другом — нет. Все происходило в полной темноте, и тем не менее там, где были соли металлов, в воде появились нити и волокна. Специальный анализ показал, что в новообразованиях содержится до тридцати пяти атомов углерода на каждую молекулу — совсем неплохо для потенциального топлива, а в целом вещество относилось к типу алифатических эфиров. Такой способ синтеза органики из воды и газа выглядит чрезвычайно заманчивым, так как сырья вокруг в изобилии, а нагревать смесь надо всего лишь до шестидесяти градусов.

Ну а в опыте без добавок катализатора компоненты так и остались порознь — отдельно вода и отдельно газ.

Кратер-шестигранник
Любишь сыр, вино и пиво,— ох, не жить тебе красиво!
Вскипятить кусочек моря...

Наша планета покрыта множеством кратеров, чему мы уже перестали удивляться. Ну да, глядя из космоса, что стало возможным сравнительно недавно, удалось выявить массу до того не замеченных кольцевых структур диаметром в десятки и сотни километров. Откуда они на поверхности Земли? Наверное, от падения крупных метеоритов в далеком прошлом. Объяснение удовлетворительно. И гигантским кратерам дали название «астроблемы», что значит «звездные раны» (читайте заметку «Проблемы Карской астроблемы» в номере 5 за 1989 год). Но не все такие кратеры оказались круглыми. Некоторые, скажем, на севере европейской части СССР, имеют сверху вид шестиугольников — гексагональных структур наподобие пчелиных сот. Неужели что-то подобное могло возникнуть от удара метеорита?

Конечно, нет. Но тогда как могли образоваться столь правильные и причудливые очертания на поверхности планеты? Чисто «земной» механизм их образования доказывают ученые Института сейсмологии АН Казахстана и Института физики Земли имени О. Ю. Шмидта АН СССР. Согласно ему, деформация определенного слоя литосферы приводит к зарождению в нем «регулярной системы вертикальных ячеек». По существу, это те же «ячейки Бенара», известные в науке еще с 1900 года и возникающие всякий раз при равномерном нагреве снизу любой жидкости — ее поверхность тут же покрывается незаметной простому глазу регулярной сеткой шестигранников. Отличительная особенность работы этого механизма — кратеры должны быть не одиночные, а встречаться в скоплениях. И такая черта действительно подтверждается анализом ряда геологических карт.

Новая модель дает объяснение того, как могли появиться шестиугольные структуры размером до ста километров в ходе чисто внутренних геологических процессов.

Оказывается, для нашего здоровья вредны сыр, вино, пиво, копчености, другие деликатесы — они содержат вещество тирамин, повышающее артериальное давление. Гипертоникам следует их избегать, что, впрочем, не так уж и сложно по нынешним временам... Конечно, прямое неблагоприятное влияние столь вкусных вещей выражено слабо, но оно может усиливаться при одновременном приеме лекарств-антидепрессантов, применяемых при лечении психических расстройств. В медицине даже появился новый термин — «сырный эффект», им обозначают неожиданные гипертонические кризы, возникающие при употреблении вполне безобидных препаратов.

Взаимодействие тирамина и разных антидепрессантов изучили во Всесоюзном научно-исследовательском химико-фармацевтическом институте имени С. Орджоникидзе. Поскольку опыты следовало проводить на мышах, ученые обошлись без скармливания животным дефицитных продуктов и напитков и просто вводили им укол с раствором тирамина вместе с инъекциями психотерапевтических средств. В результате выяснилось, что «сырный эффект» действительно существует. Он выражается в кратковременном повышении артериального дввления, которое на двадцать минут возрастает на двадцать — сорок миллиметров ртутного столбика, а потом возвращается к норме.

Интересно, что наименьшее отрицательное влияние имели лекарства отечественного производства — пиразидол и инказан — в отличие от зарубежных препаратов. Тем более что и в клинической практике их применения за десять лет не было замечено ни одного случая гипертонического криза.

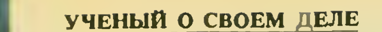
Так что нашим психическим больным «сырный эффект», похоже, не страшен, и они смело могут потреблять сыр, копчености, вино и пиво...

Что будет, если лазером облучить воду? При подходящей плотности энергии вода закипит. Опыт простой, а нельзя ли найти ему практическое применение? Дело в том, что такое кипение малого объема воды носит взрывной характер, а из-за этого по остальному объему прокатываются мощные звуковые волны. Звук, как известно, по воде распространяется хорошо. Слабо поглощаясь, акустическая волна легко пройдет через водоем вдоль и поперек, отражаясь от стен и дна и возвращаясь назад.

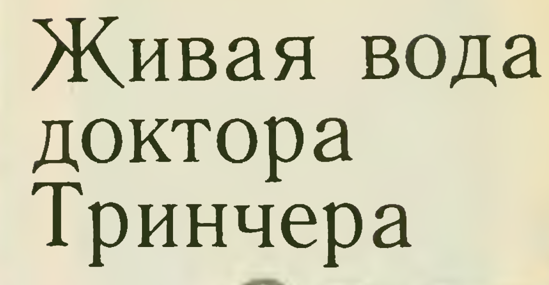
В практической океанологии есть целый ряд задач, которые решаются именно так — акустическим зондированием верхнего слоя воды в океане. Метод сам по себе неплохой, но технически трудно создать в воде звуковые импульсы нужной силы и направленности. Для этого порой используют даже взрывчатые вещества. Вот почему опыты с лазером привлекли внимание ученых из Тихоокеанского океанологического института Дальневосточного отделения АН СССР.

Надеясь в перспективе получить в руки новый метод, исследователи решили проверить сам эффект в натурных условиях, чего до них никто не делал. На морском корабле установили лазер, работающий на углекислом газе. С борта над водой свесили зеркало, направляющее луч прямо в воду, туда же в разных точках опустили гидрофоны — приемники акустической энергии. Когда лазер включили, его луч при вхождении в воду создавал трехсантиметровое пятно — в нем же вода и закипала. Гидрофоны отметили звуковые сигналы, идущие от пятна во все стороны и вглубь, причем величина импульса плавно уменьшалась вплоть до пятидесятиметровой глубины.

Несмотря на ветер, метровые волны, качку, лазерный луч вполне справлялся с ролью источника звука, замещая собой обычный акустический генератор или взрываемый в воде заряд динамита. И акустическое зондирование с помощью лазерного луча в океане, видимо, станет скоро реальным.

УЧЕНЫЙ О СВОЕМ ДЕЛЕ

Живая вода доктора Тринчера

«Живая вода» есть. Не сказочная, а настоящая, действительно творящая чудо. Но, увы, если достать мертвую воду не составляет труда, то живой водой не наполнить даже крошечный наперсток. И никто не сможет этого сделать. Никто и никогда...

Примерно таким было содержание статьи, волей случая попавшей в редакцию. Конечно, хотелось обо всем узнать подробнее, но исследователь работал в Австрии, и надежд на встречу было мало. Однако жизнью правит случай, в этом пришлось лишний раз убедиться, когда в телефонной трубке раздался незнакомый голос. Звонил автор необычной работы, он был проездом в Москве. Разумеется, мы встретились...

Представьте, будто в тихом пустом доме вы толкаете какую-то дверь. И вдруг яркий свет, незнакомые лица, громкая речь — шумный неведомый мир! Примерно такой была наша встреча. Вот только странно, в беседе с профессором Карлом Тринчером — наконец-то произнесено имя главного героя! — мы все дальше уходили от живой воды. Меня занимали «ненужные», по его мнению, подробности.

О чем? Понять это поможет рассказ самого доктора Тринчера.

М. Курячая

Фотопостановка В. Бреля

М. Курячая.
Живая вода доктора Тринчера

Я начинал учебу в Венском университете (К. Тринчер — уроженец Вены.— *М. К.*) на кафедре медицины. Но занятия меня мало удовлетворяли. Они были слишком пассивны по сути: все зиждилось на описании предмета — структура мышцы, структура ткани. Для меня в таком подходе недоставало драматизма. Его я нашел на кафедре коллоидной и физической химии. О самих предметах в факультетской программе в скобках говорилось: «Интересно для медиков». Некоторое представление о физической химии я уже имел, а о коллоидной — самое общее. Что такое коллоид? Молоко (жиры — в воде). А что еще?

Между тем молекулы ферментов и антител в организме человека тоже находятся в виде коллоидов. Коллоидная химия исследует процессы, происходящие на границах раздела фаз в живых организмах, в том числе в биомембранах — в клетке. О! Эта наука позволяет проникнуть в тайну живого?!

Я начал посещать лекции. Курс нам читал профессор Паули, отец гениального физика. Конечно, это было очень интересно, но и трудно, потому что нужно знать высшую математику, для медиков абсолютно чужую область. Что ж, я стал изучать еще и математику.

Безусловно, мне повезло с учителями. Венский университет — я поступил туда в 1930 году — посещали самые знаменитые ученые: мне довелось слушать лекции Альберта Эйнштейна, Макса Планка, Нильса Бора.

Я учился уже на четвертом курсе, когда арестовали мою Гертруду (жена К. Тринчера.— *М. К.*). Она участвовала в демонстрации против фашизма. После суда ей грозило тюремное заключение. Но благодаря адвокату удалось найти выход. Как иностранка (а Гертруда — дочь голландского коммуниста Рутгерса) она могла избежать наказания, если покинет Австрию. И мы решили уехать. Куда? Конечно, в Россию. Там уже жили родители Гертруды.

Мы очень переживали отъезд. Но я получил великолепную рекомендацию от Паули-старшего, и это для меня открыло все двери.

И вот Москва. Я поступил на пятый курс Первого Медицинского института, а Гертруда — на второй. Тут не было кафедры математики, кафедры коллоидной химии, но я читал очень много книг, короче, занимался самообразованием. Я был просто счастлив: я в Москве, со мной моя жена, мы учимся в замечательном институте, кругом столько интересного!.

Институт я успешно окончил. Но мне не хотелось быть практикующим врачом. Меня по-прежнему влекла тайна живого, тайна клетки. И я попал в Институт экспериментальной медицины имени Горького, к профессору Рубинштейну. Прочитав рекомендацию Паули, он тут же взял меня к себе аспирантом. Он работал с живыми мембранами. Объектом исследований чаще всего служила кожа лягушки, обладающая свойством односторонней проницаемости. Может, поэтому коллеги называли профессора Рубинштейна Королем лягушек. Это был, конечно, выдающийся ученый. Но, как ни странно, данная им тема по мембранам меня не заинтересовала. Мне казалось, что здесь я не найду пути к живому.

К тому времени я уже немного огляделся в институте. И мое любопытство очень растревожили три небольшие комнаты, всегда стоявшие с дверями нараспашку. Весь потолок там опутывали провода — толстые, тонкие, медные, железные. Сияли и гасли какие-то странные лампы (позже я узнал, что это — индикаторы электромагнитных полей, они начинали светиться при внесении в поле). Я прошел мимо раз, потом другой и, немного подумав, третий. И вдруг хозяин комнат (то был Борис Николаевич Тарусов), который, казалось, целиком погружен в свою работу, говорит мне: «Войдите, я не кусаюсь». Преодолев робость, я обратился к нему: «Не могу ли я у вас работать?» И тот, не минуты не задумываясь, отвечает: «Пожалуйста, хоть сейчас». Так я очутился в новой лаборатории, изучающей влияние электромагнитных полей на ткани. По показаниям приборов это можно определить, и я чувствовал: здесь есть что-то такое, что позволяет проникнуть в тайну клетки.

Но в чем было несчастье Тарусова? Он не совсем правильно выбрал объект исследования. Я убежден — открытия делаются только на простых объектах, а он изучал **ткани** — сложное образование. Результат оказывался «смазанным». Я очень многому научился у этого талантливого человека. Но в какой-то момент понял: все, что мог, я здесь уже получил. И стал искать новых людей в институте.

Так я попал к Вениамину Аркадьевичу Виленскому, изучавшему осмотическое давление. Его отличала не просто великолепная, а гениальная изобретательность. Например, он придумал дифференциальный осмометр, который мог регистрировать минимальное давление. Я восхищался его выдумкой, в меру своих сил пытаясь соответствовать учителю...

Возможно, мое путешествие по институту продолжалось бы и дальше. Но начался 1937 год. Меня вызвали в отдел кадров, дали какой-то бланк и попросили расписаться. Я посмотрел, что там написано, и вижу: «Уволен». Без всякой причины, без объяснений.

Тогда в Москве было действительно страшно. Люди перестали разговаривать друг с другом. Боялись. Многие ложились спать одетыми и с чемоданом наготове. Я, иностранец, понимал происходящее еще меньше других. Но сколько можно терпеть? Мне надоело бояться. Я плюнул на все: в конце концов, я никому ничего плохого не делал. Надо же как-то жить. И я стал искать место. Но куда бы я ни пошел, меня нигде не брали...

В то время на окраине Москвы, на Соколиной горе, строилась больница. Работать в ней никто не хотел — грязь, стройка, инфекция — никаких приличных условий. Но меня это выручило. Ни главврач, ни начальник отдела кадров не задали ни одного лишнего вопроса. Они только спросили: «Что вы умеете делать?» Я ответил, что по образованию — медик, вел эксперименты. «Что ж,— сказали они,— вот и организуйте нам биохимическую лабораторию».

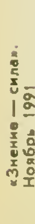
Это мне удалось очень быстро. Но с чем я действительно помог, так это с дистиллированной водой. За нею из больницы посылали каждый день в ближайшую аптеку, которая на самом деле была очень далеко. Расходовались деньги, время и так далее. Поскольку я имел навыки экспериментатора, то довольно легко сконструировал автомат: два сообщающихся сосуда заполнены водой: один служил холодильником, другой электронагревателем. Искусство здесь небольшое, но выглядело все весьма внушительно. Меня за эту «игрушку» очень ценили.

Благодаря изобретательности, я успевал выполнить свою дневную норму биохимических анализов до полудня, остальное время было в моем распоряжении. И я начал кандидатскую диссертацию.

Сделав генераторы высоких и низких частот (как у Тарусова), я стал исследовать кровь в электромагнитном поле. Тщательно проштудировав литературу, я с удивлением обнаружил, что никто данным вопросом не занимался. Я очень этому обрадовался, хотя быть первым всегда трудно. Измеряя электропроводность крови, я увидел, что при низкой частоте она довольно мала, а при высокой — велика. Это уже давало повод для размышлений. Однако для физика всего двух чисел, двух точек маловато — нельзя проследить какую-то закономерность. Тогда я стал измерять электропроводность крови при разных температурах (от 36 до 40 градусов Цельсия — в интервале теплокровности) в поле высокой частоты, а потом — в поле низкой частоты. У меня получилось действительно что-то потрясающее: две кривые, проходящие через максимум!

Теперь стоило хорошенько подумать. Я тогда очень увлекался теоретической физикой, особенно работами Дебая. Его книга «Полярные молекулы», где молекулы рассматривались как своеобразные магниты, оказала на меня большое влияние. И в той монографии были похожие графики. Теория Дебая позволяла количественно истолковать увеличение проводимости растворов при наложении переменного поля высокой частоты.

Я предположил, что в эритроцитах (безъядерных клетках, содержащих гемоглобин) гемоглобин должен быть ди-

полем, который постоянно вращается. Это хорошо согласовывалось с характером полученных графиков. И тогда мне довольно легко удалось рассчитать диаметр молекул гемоглобина.

Заметьте, Перутц расшифровал структуру гемоглобина только в пятидесятые годы. Конечно, он провел блестящее исследование, получив за него Нобелевскую премию. Но размер частиц я определил задолго до него. Я действительно был первым и очень гордился своей работой.

Между тем наступил уже 1938 год. «Охота на ведьм» на некоторое время утихла, и я решил наведаться в Институт экспериментальной медицины. Мои учителя работали там по-прежнему, и каждый хотел взять меня к себе. Надо ли объяснять, как я обрадовался. И тут же пошел в отдел кадров, где сидел очень вежливый человек. Объяснив, что хочу вернуться в аспирантуру, которую не успел закончить по не зависящим от меня причинам, услышал: «Напишите, пожалуйста, заявление и приходите завтра». Честно говоря, я ожидал, что заявление подпишут сразу. Но ничего не поделаешь, пришел на следующий день. И вновь: «Приходите завтра». Так повторялось три раза. Наконец друзья объяснили, что вежливая фраза означает совсем не то, что я думаю: «завтра» — это «никогда».

Тут я разозлился по-настоящему и, узнав, где находится прокуратура, направился прямиком туда. В огромном здании — ни одного посетителя, по-моему, я был единственным. Сотрудник прокуратуры искренне мне обрадовался — бедный, он явно скучал без работы. Узнав суть дела, попросил мое заявление и написал на нем всего одну фразу: «Тов. N., передайте, пожалуйста, тов. Тринчеру Ваш письменный ответ на заявление».

Что было дальше, рассказать невозможно, это надо видеть. Услышав о посещении прокуратуры, «тов. N.» подскочил, будто его укусил тарантул. В общем, я был тут же принят.

Распрощавшись с сотрудниками больницы самым дружеским образом (мне даже разрешили забрать все мои приборы), я вновь очутился в родной обстановке. И здесь меня ожидало ужасное разочарование. Аппаратура, которая так замечательно функционировала на Соколиной горе, в институте не работала! Ни один прибор! Я просто плакал от бессилия. Но в конце концов я догадался, в чем причина. Инфекционная больница располагалась на окраине — никаких электромагнитных полей, настоящая электрическая пустыня. Институт же тонул в море «шума». Чтобы вести прежние исследования, необходимо было соорудить в лаборатории клетку Фарадея, исключающую влияние постороннего электричества.

Я все-таки продолжил работу и вскоре защитил диссертацию. Называлась она: «Электропроводность крови и структура эритроцита». Проголосовали за нее единогласно!.

1938 год оказался для меня вообще богат на события: именно тогда состоялась моя первая встреча с НКВД. Там работали настоящие мастера своего дела, не чуждые психологии. Один следователь вел допрос очень сурово, зато другой играл роль милого человека и порой даже останавливал строгого: «Послушай, что ты делаешь? Зачем?» Возможно, специалисты сочтут их метод примитивным, но такой прием действовал очень сильно: они вас как бы обволакивали..

Моя совесть была чиста, и я без утайки рассказал обо всем. Наверно, мое время еще не пришло... Во всяком случае, меня отпустили.

Казалось, все складывается хорошо: защитил диссертацию, работаю в замечательном институте, в общем, достиг всего, чего добивался. Но со мною стало происходить что-то странное: наступила апатия, я не мог проводить эксперименты, мне ничего не хотелось делать. Почти полтора года государство платило мне деньги ни за что.

А в 1940 году меня вновь вызвали в знакомое учреждение, но «беседовали» со мной уже не двое, как в первый раз, а трое и четвертый сидел за машинкой. Это был какой-то дьявольский допрос. Здесь не ответили бы правильно ни Ньютон, ни Эйнштейн — какой-то сплошной бред, но со своей необъяснимой логикой.

Меня спас Фрейд. Я изучал его работы очень серьезно, хорошо знал все двенадцать томов его сочинений. У него есть мысль о том, что во сне человек как бы обретает стабильность. Упрощенно говоря, подсознание человека никогда не подведет, в нем нет даже представления о смерти. Я решил спать. И заснул. Они кричат: «Не спать!» А я говорю, что от меня можно требовать все, но от моего организма — ничего: он у меня не спрашивает разрешения. И снова начинаю дремать. Мое подсознание дало им правильные ответы. Я ни в чем не ошибся. Например, вдруг они вспоминают, что в прошлый раз я говорил о своей тетке Тони. «Ах,— говорю,— я забыл Тони? Значит, вам нужна моя тетка? Но она же давно умерла! А впрочем, давайте, валите сюда еще и Тони!» Они стали так смеяться, что я даже испугался за их жизнь... Короче, меня выпустили.

Так я держался до сорок первого года. Началась война. Я имел звание офицера запаса медицинской службы, но на фронт меня не взяли. К тому времени я был уже заместителем начальника лаборатории. Мужчин в институте оставалось очень мало, и, может быть, поэтому я стал там важной фигурой. Однако я по-прежнему ничего не мог делать, мое странное состояние продолжалось. Наступили страшные октябрьские дни — паника в Москве, приказ эвакуировать учреждения. Я спускался по лестнице в институте, когда внизу ко мне подошел мужчина с ордером на арест. Какое счастье, что Гертруда с детьми уже успела уехать...

Меня отвезли на Таганку. Обвинения стандартные: сперва шпионаж, поскольку я вошел в семью старого большевика (это — верный расстрел), потом дали статью помягче — антисоветская агитация. Пока шло «следствие», меня перевели из Москвы в Чистополь. Положение на фронте было тяжелое, в стране стало совсем плохо с продовольствием, и в тюрьме это почувствовалось особенно сильно. В конце концов нас в буквальном смысле посадили на хлеб и воду, точнее, кипяток.

Что делать? Фрейд здесь уже бессилен, Гертруда тоже — узнав об аресте, она целый год не могла выяснить, где я нахожусь.

Я помнил, что желудок и кишечник ослабшего от голода человека очень бедны ферментами, зато они есть в слюне. Я долго и тщательно жевал сухой хлеб, чтобы как следует омыть его слюной. И только потом глотал еду, запивая небольшим количеством воды.

Мои соседи по камере поступали иначе: накрошив хлеб в большую миску, заливали его кипятком и ели «похлебку» на завтрак, обед и ужин. Я пытался их остановить, объясняя, что вода разбавляет ферменты, а без них ничего не переваривается. Но они не слушали. Эти люди очень быстро погибли.

Мне же предстояло жить дальше. Но как бы тщательно я ни жевал свой хлеб, долго протянуть так нельзя. К счастью, в тюрьме процветал натуральный обмен. Некоторые счастливчики, имевшие близких в городе, получали передачи. Эти продукты они иногда меняли на вещи. У меня был хороший костюм. Но что просить? Какая еда самая ценная для длительно голодавшего? Сахар? Он бесполезен — сгорает в организме без следа. Мясо? Оно опасно — в организме нет ферментов, чтобы его перерабатывать.

Свой костюм я отдал за полкилограмма сливочного масла и, верите или нет, съел его с хлебом в течение одного дня. Я знал, что этот продукт не требует ферментов для усвоения. Масло является коллоидом, который всасывается через стенки кишечника в лимфатические сосуды и порциями поступает в венозную кровь. После еды я почувствовал себя в буквальном смысле новорожденным: все сосуды, мышцы были «смазаны»...

Так я дотянул до лагеря. Направили меня на Северный Урал, в Ивдель, что в Свердловской области. В лагере я работал врачом. Вновь, в который раз, мне повезло. Первое время я учился (какой из меня доктор!) у собственной медсестры Татьяны Михайловны. Но она даже не подозревала об этом. Я довольно строго интересовался, что она делала в том или ином случае раньше. (Ей казалось, будто я ее экзаменую.) Она отвечала. Я одобрительно кивал и говорил: «Поступайте так же». Таким образом я первое время назначал лечение.

Было, конечно, много всякого — лагерь есть лагерь, а уголовники (их держали вместе с политическими) чувствовали себя там хозяевами. Один из них, попав в лазарет, собирался меня убить. Но самое яркое воспоминание о той жизни оставила медицинская конференция. Состоялась она в сорок третьем году (тогда уже наступил перелом в войне), и причина ее созыва была необычна.

В лагерь из Центра пришел приказ снизить смертность! То ли поднялась цена человеческой жизни, то ли возросла потребность в солдатах — на фронт стали брать и заключенных,— но «человек лагерный» вдруг оказался необходим стране.

Смертность же была чудовищной, особенно среди тех, кто провел в тюрьме не год (их еще удавалось восстановить), а два. Несмотря на довольно приличное питание — к тому времени мы получали американскую помощь,— люди продолжали умирать от неизвестной болезни.

Внешне она проявлялась прежде всего в сильной отечности. Это было совсем не похоже на заболевание сердца. Человек отекал «асимметрично». Если он лежал на правом боку, опухала правая половина. Если стоял, то ноги делались, как бревна. Опускал руки — отекали и они. Язык — тоже разбухший, с синеватой верхушкой. Что еще? Обильное слюнотечение и диарея ужасная — текла какая-то вода без крови и без запаха...

Перебрали все средства. Ничего не помогало! Вот тогда и созвали в лагере всеобщую медицинскую конференцию. На ней, кроме официальных медиков, работавших в системе НКВД, присутствовали и врачи-заключенные. Выступлений было много. Одни считали, что здесь имеет место бери-бери, другие предполагали безбелковые отеки, третьи опровер-

3*

гали и первых, и вторых. Наконец начальство, сидевшее в президиуме, решило подводить итоги. Резолюция обычная: со здравицей «дорогому товарищу Сталину» и обещанием выполнить все его указания.

И тогда я попросил слово. Соблюдая правила ораторского искусства, я сперва как следует помучил аудиторию (клянусь, она того стоила). Задавал вопросы и сам же отвечал на них. Я объяснил, почему здесь не могут быть ни бери-бери, ни безбелковые отеки. Меня слушали, затаив дыхание.

— Что же происходит в организме человека, когда он длительное время не получает пищи? — спрашивал я.

Начальство открыло рот — оно не знало биофизики. И тогда я рассказал об аутопаразитизме: если ты долго не ешь, то сначала ты «съедаешь» свой жир, потом мышцы, а когда и их уже нет, то клетка начинает пожирать самое себя. Она съедает собственную оболочку-мембрану и умирает. Если клеточная мембрана получила «дырку», если она стала проницаемой, то из нее все «выльется». Вот откуда отеки!

— Существует только одно средство, — сказал я.

— Какое? Говори! У нас все есть!

— Только одно средство, — продолжал я томить начальство в мундирах. Я тянул. Я держал их в напряжении. Честное слово, я наслаждался ситуацией! Наконец я «сдался».

— Нужны двадцать граммов сливочного масла на человека в день. И я всех вылечу за два месяца.

Мои слова были, как бомба! «Мундиры» ничего не знали о липидах. Между тем они есть во всех живых клетках, без них невозможно существование биологических мембран. Это природные органические соединения — жиры и жироподобные вещества. А сливочное масло позволяет восстановить их баланс в организме. Кому это знать, как не мне, испытавшему все на собственной шкуре!

После конференции моя жизнь в лагере резко переменилась. Меня перевели на центральный пункт главным врачом. Я стал фигурой: получил громадную больницу, собственный кабинет, медсестер, а главное — по двадцать граммов масла на человека. И успех был моментальным! Как только больным стали давать масло, все наладилось. Самым трудным оказалось вылечить диарею. Помогло знание коллоидной химии, спасибо профессору Паули.

Это было чудо! Черт побери, я их всех вылечил! Теперь давайте мне если не Нобелевскую, то Сталинскую премию! И освободите!..

Погубила меня моя же наука. Она приносила мне успех за успехом, и я решил, что я действительно личность, забыв, что я — заключенный.

Я не поприветствовал вертухая.

Это была гибель. Тут же за нарушение порядка меня перевели в самый отдаленный лагерь, где собирали одних инвалидов и где мне пришлось дотягивать оставшийся срок без всяких почестей. А мою методику взяли на вооружение, главный получил полагавшиеся мне премию и награды... Все очень просто.

День Победы я встретил в заключении. И только в сорок шестом году, полностью отсидев положенные пять лет, вышел на свободу. Точнее, я думал, что это — свобода. На самом деле мне запрещалось жить в Москве и в других крупных городах. Поселился в Переславле-Залесском. Но удержаться от посещения Москвы не мог. Оказалось, за мной следили. В итоге меня выслали из Москвы.

Странно устроен человек: больше всего меня возмущало, что в нашей квартире, купленной отцом жены за доллары, поселился мерзавец, который участвовал в обыске и аресте. Но постепенно возмущение сменилось растерянностью: куда ехать? как жить дальше?

Помог друг Рутгерса, тоже старый большевик, Мартенс. Благодаря ему удалось устроиться в Миассе, на Южном Урале, участковым врачом. Моя Гертруда, конечно же, поехала со мной. Ей дали хорошее место — она прекрасный специалист — детского врача. А мне поначалу пришлось тяжеловато — участок был далеко за городом. Потом освободилось место фтизиатра. Обычно туда шли неохотно — в то время туберкулез часто приводил к смертельным исходам. Однако я не боялся болезни и стал фтизиатром.

Эффективных лекарств еще не было, и я, как и все специалисты, широко пользовался методом пневмоторакса, однако существенно видоизменив его. По сути это была новая методика. В итоге мои больные поправлялись всего за полгода, вместо обычных двух — пяти лет. Удавалось помочь даже тем, кто страдал смертельной формой туберкулеза..

Я конечно, интересовался всем, что имело отношение к болезни. И мое внимание привлекло то, как ее лечили местные жители. Они ели барсучье или собачье сало. Суеверие? В том-то и дело, что нет! Мы вместе с рентгенологом с изумлением рассматривали снимки легких: огромные, просто страшные каверны, но абсолютно стерильные! В чем причина? Каков механизм явления?

Одна из кислот в составе собачьего и барсучьего жира привлекла мое внимание. Ее строение очень напоминало структуры жирной кислоты, присутствующей в оболочке туберкулезной бактерии. Нетрудно было догадаться, что происходило дальше,— глупая бактерия ошибается. Сходство в строении заставляет ее поедать «чужую» кислоту. Она ест и умирает!

Изучая это явление, я задумался над новой проблемой. Возможно, в неявной форме я думал над ней и раньше, уж очень донимали меня уральские морозы. Но теперь, когда я немного повозился с жирами, смутные, неясные мысли оформились в конкретный вопрос. Я дышу холодным воздухом — на улице минус сорок, а в легких всегда около плюс тридцати семи. Перепад температур почти восемьдесят градусов! На таком крошечном расстоянии! Ни одному инженеру не сделать подобного. Как же это получается у организма? Теперь, когда каждый может прочитать ответ — мое открытие попало в учебники,— объяснение кажется очевидным. Но потребовалось немало усилий, чтобы доказать правильность возникшей идеи. А пришла она ко мне действительно во время работы с жирами.

Известно, что жиры в организме задерживаются в печени, но не все, часть идет дальше — в легкие. Это установили еще в конце прошлого века французские физиологи. Но никто никогда не задумывался, почему они там задерживаются. Однако вспомним химию: жиры-то горят. Соединяясь с кислородом, они выделяют тепло. И тут меня осенило! Легкие, если им холодно, используют жиры и сами себя греют. Легкие — единственный орган, где жиры, реагируя с кислородом, сгорают напрямую. Без всяких ферментов.

Мой Бог, как, оказывается, просто! Вот зачем жиры в легких — они служат топливом!

Да, но теперь надо все это доказать. Необходимы довольно тонкие эксперименты, специальная лаборатория. Как быть? Мне посоветовали написать в Челябинск, в мединститут, профессору К. А. Мещерской. Она была специалистом по клетке, цитологом, ученицей профессора Насонова. Я ее не знал. Но все-таки отослал письмо, в котором спрашивал, нельзя ли у них на кафедре провести эксперименты. Мещерская согласилась. И мы стали работать вместе.

Цель опыта была мне ясна. Но как ее осуществить, я не очень хорошо представлял. Помогла Мещерская, она предложила красивую методику. Все получилось отлично: эксперименты подтвердили мою гипотезу. Мы написали статью, оставалось указать авторов. И здесь проявился русский характер — Мещерская категорически отказалась поставить свою фамилию: «Нет, Карл Зигмундович, я вам только помогала».

Поддержку и великодушие этой женщины я вспоминаю до сих пор. Статью напечатали в журнале, где главным редактором был Насонов. Первая работа после лагеря. Я ликовал! Тот, кто бывал в подобных ситуациях, поймет меня. Поймет, почему так важно было для меня тогда опубликоваться..

А следом — новая удача. Я давно уже искал другую работу. И очень надеялся на «Медицинскую газету». Там всегда печатались объявления: «Требуются сотрудники в мединститут». Я обращался по всем указанным адресам, но никто не хотел связываться с бывшим лагерником. Я пробовал писать в мединституты: пусть возьмут доцентом, ассистентом, биохимиком, биофизиком, кем угодно... Увы, реакция та же. И вдруг в сентябре 1953 года, в год смерти Сталина, получаю письмо из Семипалатинска — в мединституте есть для меня место!

Конечно, это еще дальше от Москвы, чем Миасс. Но зато какой замечательный коллектив там работал! В основном приезжали туда люди, которых не брали в Москве, Ленинграде, Киеве, люди с «пятнами» в биографии — бывшие репрессированные, советские немцы и тому подобные. Руководил институтом прекрасный человек. Внешне он походил на Петра Великого, такой же огромный, громкоголосый. Он был генералом, ходил в форме и никогда не смотрел в документы — только на человека. Он знал, что такое жизнь, и никакие бумажки ему не требовались. При нем даже секретарь парторганизации — весьма важная фигура — выглядел скромно, а ведь ему доверяли очень серьезные дела. Именно секретарь парторганизации собрал нас как-то в конференц-зале и сообщил: «Завтра в 12 часов дня ожидается землетрясение. Какой силы, нам пока не известно». Мы должны были заклеить бумагой окна крест-накрест, как во время войны. И только позже мы узнали, что это был мощный атомный взрыв в Казахстане.

Я преподавал в институте физическую и коллоидную химию. Студенты, в основном казахи, учились очень старательно. Они так внимательно слушали объяснения, были так любознательны, добродушны. Я среди них никогда не чувствовал себя бывшим лагерником. Но по Москве все-таки порой сильно тосковал..

Через три года после смерти Сталина я получил возможность вернуться в столицу. И здесь меня ожидала большая радость. Оказывается, люди меня не

забыли — Рубинштейн, Виленский, Тарусов... Я стал работать в Институте биологической физики. Я был как на крыльях: за год у меня вышли четыре статьи! Благодаря небольшой хитрости — тогда существовали чудовищные ограничения — удалось некоторые работы опубликовать за рубежом. Мое имя стало известно. Исследования продвигались успешно. Директор нашего института, Александр Михайлович Кузин, предложил мне стать еще и ответственным секретарем журнала «Радиобиология» (он был там главным редактором).

Короче, жизнь наладилась. И тогда я решил делать докторскую. Тема — «Теплообразовательная функция легких» (сгорание жиров, щелочная реакция легких и так далее). Написал я ее быстро — материал собирался не один год. У меня вышла книга на эту тему. И предварительное обсуждение докторской прошло блестяще.

Но все рухнуло буквально за один день. Вмешался человек, отношения с которым у меня не сложились, да еще я не принял его статью в журнал «Радиобиология». Меня предупреждали, что он — опасная личность, что у него большой вес в ВАКе. Однако я не послушался. И конечно, зря. Меня элементарно провалили. Несмотря на явные нарушения в ходе защиты, доказать мне так ничего и не удалось.

Я заболел — сердце. Долго лечился. А когда вернулся в институт, решил делать новую докторскую. Совсем новую и вообще другую. О законах биологической термодинамики.

Эти проблемы интересовали меня давно. Интерес стал более конкретным, когда я начал исследовать теплообразовательную функцию легких, здесь уже была какая-никакая энергетика. И, пожалуй, та работа и послужила толчком к занятиям термодинамикой. Теперь проблема захватила меня полностью. Я написал вторую книгу; в ней доказывалось, что живое живет по своим законам. Первое начало термодинамики есть закон машины, а не живого организма. Его классическая формулировка верна лишь для неживых систем; в живых же свободная энергия пищи переходит в структурную работу клетки, и она выделяется в виде тепла.

Это были смелые мысли, в СССР — опальные. Но, развивая их, я пришел к необычным выводам. Именно тогда и родилась, в частности, мысль о «живой» воде, о роли воды в клетке. Способствовал этому случай.

Как-то на одном из семинаров ко мне подошел академик Белозерский и предложил сделать доклад о воде. Биохимики имели о ней совсем иное представление, нежели биофизики. Существовал своеобразный пробел в их образовании. И я должен был, по мысли Белозерского, его ликвидировать.

До той встречи я знал о воде примерно столько же, сколько другие. Но, готовясь к докладу, я все глубже погружался в проблему. Вода представляет собой сложное структурное образование, как бы размягченный лед, в который вкраплены капельки настоящей жидкости. С повышением температуры остатки льда исчезают, идет превращение в жидкую воду. А в интервале от 30 до 45 градусов Цельсия массы квазикристаллической и жидкой воды равны друг другу. Здесь способность одной структуры переходить в другую — вариабельность — максимальна. И в том же температурном диапазоне наблюдаются минимальная теплоемкость и максимальная сжимаемость. Причем наиболее ярко все три феномена проявляются при 36—42 градусах, то есть в области теплокровности! Это очень важный момент.

Биохимики знают, что эритроцит примерно на 60 процентов состоит из воды и на 40 процентов из гемоглобина. Вода не существует внутри клетки как обособленное вещество, она связана со всеми другими клеточными компонентами. Какова же ее структура внутри клетки?

Довольно элементарные расчеты показывают, что в эритроците между двумя молекулами гемоглобина могут находиться только две молекулы воды, не больше. Получается чрезвычайно ажурная структура. Причем вода должна выполнять две взаимоисключающие функции. С одной стороны, поддерживать жесткую структуру, чтобы сохранять автономность каждой молекулы гемоглобина. С другой — обеспечивать изменяемость формы эритроцита при прохождении его через капилляры. Иными словами, вода должна одновременно обладать и кристаллической упорядоченностью, и свойствами жидкости.

Но в обычных условиях в неживой природе такое невозможно! Необходим совершенно особый энергетический аппарат, чтобы поддерживать подобную структуру. Его существование запрещено классической термодинамикой. Однако биологическая термодинамика прекрасно справляется с этим запретом. Работая по ее законам, живая клетка выполняет роль теплового насоса, отводя тепло. В итоге вода внутри клетки сохраняет свое как бы запрещенное квазикристаллическое состояние.

Так я пришел к выводу о существовании четвертого, термодинамического, состояния воды, или, проще говоря, «живой» воды. Я не буду приводить здесь термодинамические расчеты, они однозначно свидетельствуют о том, что нельзя вынуть живую воду из клетки. И изучить ее вне клетки тоже невозможно. При попытке выделить ее оттуда она денатурирует, свертывается, разрушается — короче, превращается в неживую, внеклеточную воду. Возможно, в будущем человеку удастся воспроизвести любой неводный компонент клетки. Но единственное, чего ему никогда не повторить,— это внутриклеточная вода. Это и есть субстрат жизни — *materia vitae*. То, что обычно именуют чудом.

Итак, главная мысль моей докторской состояла в том, что жизнь подчиняется своим законам, которые не выводятся из законов неживой природы...

Вот тогда на арену вышли уже настоящие драконы. Рядом с ними человек, который «помог» мне на первой защите, выглядел мелкой крысой. Один из «драконов» сразу выступил против присуждения мне докторской степени. Но его репутация была такова, что выступление сыграло обратную роль: голосование прошло прекрасно. Тогда в дело вмешался другой. В силу своего положения он обладал огромной властью. И ВАК простонапросто не утвердил мою работу. Ни через полгода, ни через год я не получил от него никакого ответа, хотя это положено делать по закону.

Самое страшное, что мне не разрешили ничего опубликовать. Бог с ней, с докторской. Но что может быть ужасней для исследователя, чем вынужденное молчание? Ученые должны свободно обмениваться идеями, мыслями — без этого невозможно научное творчество. Я пытался бороться. Я обращался в ЦК, в Комитет партийного контроля, в «Правду». Бесполезно. Это напоминало корриду.

Наконец мне разрешили выступить с докладом на Президиуме Академии наук. Я не мог пригласить всех, кого хотел. Но человек двадцать из моего списка пропустили. Да и то потому, что это были в основном члены-корреспонденты и академики и среди них такие авторитеты, как академики Берг — специалист по кибернетике, Парин — физиолог, у него много работ по медицинской кибернетике. Моих противников никто не приглашал. Они пришли сами и заполнили весь зал.

На доклад мне отвели двадцать минут. Ни одному из моих оппонентов не дали слова, сразу заговорил «первый дракон». Что нового он мог сказать? Конечно, там присутствовали очень хорошие физики. Но у физиков, даже превосходных, совсем иной подход.

Правда, есть и другие. Шредингер, его книга «Что такое жизнь с точки зрения физика» гениальна. Однако в Советском Союзе она вышла без последней главы! Ее не включили в перевод, ведь она заканчивается тем, что в жизни участвует Бог. Другой великий физик, Вигнер, также сказал, что мы не можем объяснить жизнь, исходя из физических законов. Ньютон придерживался подобной точки зрения. Как только гении применяли к жизни физические мерки — все...

Но те, кто выступал на Президиуме, могли объяснить все. Поразительно — им все было понятно! Они свысока разъясняли мне то, о чем не брались судить Планк и Эйнштейн.

Обсуждение длилось долго. Заключительного слова мне не дали. Истина никого не интересовала. Моим сторонникам так и не дали выступить. Это было издевательством.

И тогда я решил уехать из Советского Союза. Я уволился и вышел на пенсию. Теперь я принадлежал к другой категории граждан, среди которых строгие правила о выезде действовали не столь сурово. Мне прислали приглашение, и в шестьдесят девять лет я покинул страну, к которой привязался всей душой и которую всегда вспоминаю с любовью. В Союзе я провел и самые мучительные, и самые прекрасные годы жизни.

Мы уехали с женой. Моя Гертруда вновь — в который раз! — последовала за мной. А наши дети, внуки остались здесь...

Что было дальше? В Австрии хорошо знали доктора Тринчера, там печатались многие его статьи. Ученого сразу взяли на работу в университет и очень скоро вручили диплом профессора. Без всякой защиты, на основании уже имеющихся публикаций. Довольно быстро вышла в свет и книга по биологической термодинамике. Работы доктора Тринчера упоминаются в университетских учебниках биологии (западных, разумеется). Он получает много приглашений на симпозиумы, а в 1990 году его пригласили и в Союз, в Киев, для участия в международной конференции «Жидкие свойства в тонких слоях».

История доктора Тринчера — история человека, которому интересно познавать мир. Интересно больше всего на свете. Он не герой, не жертва — он прежде всего исследователь. Таков его выбор, а остальные события — лишь производные от него.

Те же, кто преследовал Тринчера, выбрали иное. И пусть один зовется вертухаем, а другой — академиком, на самом деле они — всего лишь звенья одной цепи, которая куется во все времена.

И вот теперь, когда, казалось бы, все ясно, возникает главный вопрос. Вопрос к себе: а что выбирает каждый из нас?..

●

Н. Касаткина

Вундеркинд — каждый третий

Психологи заинтересовались детской одаренностью более ста лет назад. В Германии и США в начале нашего века создавались первые школы и классы для детей с необычными способностями. В 1912 году в России была разработана оригинальная диагностика одаренности, и она даже нашла чисто практическое применение: с ее помощью в лицеи и гимназии определяли в тот или иной класс. Известный педагог Г. И. Россолимо создавал специальные школы для вундеркиндов.

До начала тридцатых годов советская психология, и детская в частности, развивалась вполне на мировом уровне. Потом, как известно, все кончилось. Именно в изучении «вундеркинизма» кончилось весьма примечательно. Вся беда в том, что огромное исследование зависимости детской одаренности от социального происхождения, воспитания, условий жизни привело к выводам, совершенно идеологически не выдержанным. В семье интеллигента умственный уровень одаренного ребенка превышал средний на 11—12 процентов. В семье ремесленников, рабочих, крестьян — всего на 2 процента. После такой «вражеской вылазки» надолго — почти до сих пор — оказалась скомпрометированной и запретной вся эта область исследования: выявление и воспитание интеллектуально одаренных детей было объявлено тяготением к буржуазно-интеллигентской элитарности, посягательством на социальную справедливость. Зато со временем пришлось всерьез заняться изучением и воспитанием детей дефективных.

Результаты того, давнего, исследования и сейчас несколько ошеломляют. Разумеется, первый же вопрос: каких, собственно, детей называют умственно одаренными?

На самом деле это очень просто. Психологи знают, какими интеллектуальными навыками обладает, так сказать, «средний» ребенок такого-то возраста. Дети, у которых интеллектуальное развитие идет со значительным опережением, именуются умственно одаренными.

Журнал «Вопросы психологии» привел результаты исследования Л. М. Термена по этой методике. Ученый работал с 2905 детьми в возрасте от 5 до 14 лет. Получилось

такое распределение: 0,23 процента детей продемонстрировали весьма превосходящий средний уровень интеллектуального развития; 12,45 — превосходящий; 18,1 — выше среднего; 46,69 — нормальный, или средний; 14,6 — ниже среднего; 7,3 — на грани с дефективностью; 0,63 процента детей оказались умственно дефективными.

Итак, число детей с уровнем развития выше среднего, да еще если к ним прибавить талантливых «специализированно» — музыкально, литературно, технически,— составит 32 процента.

Конечно, есть генетическая одаренность, но огромную роль играет и социальная наследственность — семья, вся атмосфера жизни дома. Если она не стимулирует развитие, то «повышенный нервно-психический потенциал реализуется в других жизненных сферах». Умственно одаренный ребенок начинает чрезмерно увлекаться спортом, стремится к лидерству среди своих сверстников. Социальный и генетический виды наследственности не отрицают друг друга, а взаимно дополняют. Врожденные особенности ограничивают биологические возможности, остальное зависит от конкретных условий жизни.

Недавно психологи из Филадельфии Р. Нортон и Г. Домеи сообщили об очень интересных, почти сенсационных результатах умственного воспитания детей, которое шло по разработанной ими методике. «Годовалые дети легко и быстро решают любую задачу на сложение, умножение или деление в пределах 100. Двух- и трехлетние дети могут столь же успешно справляться с текстовыми алгебраическими задачами и числами практически любой величины. Родители этих детей были проинструктированы, как создавать для них среду, богатую как сенсорной информацией, так и возможностями для развития двигательных функций».

Умственно одаренные дети, как правило, имеют подвижную, уравновешенную нервную систему. Вопреки весьма распространенному у нас стереотипу «хилого вундеркинда» одаренные дети, как правило, отличаются крепким здоровьем, хорошим физическим развитием. Среди них редко попадаются флегматики, но зато уж эти немногие, как пишут ученые, «характеризуются весьма ценным качеством — глубиной и основательностью мыслительной деятельности».

А теперь несколько грустных замечаний. Куда деваются наши одаренные дети, когда подрастают? Они пропадают... совершенно верно, в школе. В школе, ориентированной на среднего ученика, отсекающей все, что ниже и выше этого усредненного уровня. Процесс умственного развития непрерывен; психологи утверждают, что утерянное в какой-то момент восстановить уже невозможно. Ребенку, как воздух, нужны стимулирующая развитие среда, богатство информации, разнообразие задач. Сами понимаете, это — не про нашу школу. Советская педагогика твердо стоит на принципах всеобщего равенства и готова осуществлять его насильственно. Что и делает.

Талант — тяжкая ноша и, к сожалению, ее выдерживают немногие. Умственно опережать своих сверстников наш вундеркинд может «только при опережающем появлении у него дальнейших новообразований». А поскольку это, кажется, непосильное нашему обществу требование, процесс просто прерывается.

Итак, каждый третий ребенок — это повышенный интеллектуальный потенциал страны. Неужели мы и впредь будем поступать с ним так же, как со всеми другими нашими богатствами? ●

С. Шведов

УРОКИ БУКВАРЯ

Иллюстрация А. Обросковой, фото В. Бреля

Чувство неудовлетворенности и протеста, столь распространенное в последнее время, все чаще обращается на нас самих. Мы плохо знаем, плохо понимаем, кто мы такие; и это мешает понять, от чего можно быстрее освободиться, а что, напротив, представляет собой не одежку, неудобную и даже постыдную, но саму суть.

И еще один мучительный вопрос: что разъединяет нас с теми, кого мы числим среди своих противников? В нашем прошлом, перед всеми теперь открывшемся, жертвы и палачи менялись местами, оказывались слишком похожими, пользовались одними и теми же словами, той же логикой.

Такая общность — не следствие мифической «природы», какого-то биологического начала. Это следствие нашего общего социального опыта.

В поисках такого общего опыта наталкиваемся на некоторые, весьма немногочисленные, объекты, с которыми каждый из нас так или иначе сталкивался. Особые даты, предметы, имена, которые нельзя не знать. К Павлику Морозову всегда относились по-разному, но трудно представить, чтобы кто-то ничего не слышал о пионере-герое. Такое общее знание и объединяет нас, это каркас нашего видения мира, тот тезаурус, из которого черпаем слова.

Один из таких объектов — книги, по которым училось практически все население страны: учебники для начальной школы, буквари, «книги для чтения».

Букварь интересен для исследователя и потому, что в нем содержится самый емкий, может быть, образ культуры. Отбор здесь поневоле предельно жесткий. Национальная культура представлена немногими очень неслучайными фигурами; отечественная литература — самыми «главными» классиками: из их произведений тоже отобраны ключевые (с точки зрения сегодняшней идеологии).

Но при всей своей простоте букварь далеко не «прозрачен» для нас сегодня. Иногда не сразу поймешь, что написано и нарисовано в букваре тридцатых годов, при этом школьникам тех лет все было, конечно, понятно. Например, две помещенные рядышком картинки: традиционная русская изба и комната со стандартными казенными кроватями. Нам сегодня непритязательное убранство избы даже как-то милее и симпатичнее, но на самом деле это всего лишь наглядная агитация по гигиене: нельзя спать вповалку на лавках, у каждого ребенка должна быть отдельная кровать и отдельное полотенце. Лишь перелистнув страницу и увидев относящийся к ней текст «Мы сказали Кате: спи одна в кровати!», начинаешь понимать, что к чему. Сам текст, кажется, сегодня тоже без картинки трудно правильно понять.

И учил букварь чему-то, для нас непривычному, даже когда речь шла о далеких от политики вещах,— он защищал школьника от семьи, от тяжелого, не по возрасту, крестьянского труда: «Не поднимай тяжестей!» Потом привычными стали другие лозунги.

Итак, букварь. Предмет, заслуживающий всяческого внимания и интереса.

Мы рассмотрели преимущественно буквари и учебники для начальной школы конца сороковых — середины пятидесятых годов; всего проанализировано около ста названий. Назовем их учебниками послевоенной эпохи. Как дополнительный материал привлекались журналы «Мурзилка» и «Пионер» за эти же годы. Для сравнения использовались также дореволюционные учебники.

..Начать логично со Сталина. Мы так много прочитали о нем за последние пять лет, что, может быть, начали забывать, каким он представлялся современникам.

Сталин для детей. Наивно было бы думать, что все сводится к безудержному восхвалению вождя — у этого образа есть реальное содержание. Есть даже определенное развитие, движение. Если в тридцатые годы Сталин входил в ряд «вождей» (после Ленина и перед Ворошиловым, Молотовым, Калининым, Кагановичем, Кировым), то к послевоенному периоду осталась лишь пара Ленин — Сталин. Окончательно устоялись и каноны изображения Сталина: очень красивая парадная форма, рядом — счастливые, улыбающиеся нарядные дети с букетами роз. Характерные изменения есть и в словесных формулировках: от «советского простого человека», что было возможно в тридцатые годы, к постепенному обожествлению.

Отчего сегодня мама так грустна?
Почему такая всюду тишина?
Как огонь пылают детские ручонки.
Врач сказал: «Не в силах мы спасти ребенка.

В биографии все сильнее проступают черты мифотворчества. Родился Сталин в маленьком городке, не отмеченном на карте, никому не известном. Но сегодня об этом городе знает весь мир. Вырос мальчик в бедной семье, убогом жилище, почти вертепе. С ранних лет выделялся он среди сверстников: живой, сообразительный, быстро перечитал все книги в школьной библиотеке и начал посещать городскую...

Язык не может оставаться нейтральным к такому мифотворчеству и играет иногда злые шутки с теми, кто преисполнен самых простодушных намерений,— во всех текстах повторяется фраза о том, что Сосо «ловко играл в лапту и так хорошо умел подбирать игроков, что его партия всегда побеждала в игре».

Но играми дело не ограничивалось: «В 13 лет Иосиф Джугашвили уже помогал товарищам по школе разбираться в серьезных вопросах; он объяснил товарищу, что Бога нет, и рассказал о книге Дарвина». Исключительные качества подростка были замечены и старшими: «Даже взрослые люди заслушивались его рассказами, и часто почтенные горийские старики просили мальчика рассказать им что-нибудь» («Происхождение видов»??) Юношу повсюду звали в гости, «но не ко всякому товарищу заходил Сосо охотно — он не любил бывать в богатых домах».

Сходство с детскими годами Иисуса очевидно, но появляются в этих мифах и черты языческого божества, бога-солнца, подарившего миру свет, заботящегося обо всем живущем.

Сталин — не только творец, демиург, давший первоначальный толчок этому миру, он продолжает заботиться обо всем, что только охватывает его взгляд. Особенно — о детях.

Любовь вождя к детям настолько сильна и всепроникающа, что практически каждому ребенку он оказывается духовным отцом. Так часто изображался Сталин с ребенком на руках, что этот канон сделался своего рода навязчивой идеей; единственное спокойное, безопасное место для ребенка — на руках у Сталина; в одном из стихотворений Гамзатова рассказывается о девочке, которую чабан перенес через горный ручей; ночью ей снится, что на руки ее взял сам Сталин.

Между Сталиным и детьми существует какая-то особая связь, для детей вождь предельно доступен. Мы можем прочитать рассказ о мальчике, идущем через заснеженную Москву и бережно укрывающем от холода выращенный им любимый цветок Сталина. У ворот Кремля «генерал» берется передать подарок по назначению; когда счастливый подросток возвращается к себе в школу, на столе его ждет благодарственная телеграмма от вождя. В самых разных смыслах вождь заменяет собой отца.

Учебник, конечно, повествует не об одном отце народов. В небольшой книжке со скупым текстом представлен, по существу, обобщенный образ всего окружающего нас мира. Внимательно усвоив уроки букваря, получаешь целостное представление о жизни.

«Другой мир». Все в мире разделено надвое: на наше и не наше, на мы и остальной мир. «Там» действуют нечеловеческие законы: товары топят в море, хлеб жгут в печах, живые дети работают манекенами. Все, что лежит за пределами «нашего» мира (а граница дана предельно четко, совпадая каждый раз с политической ситуацией), бесчеловечно. В Америке негров убивают буквально на улицах, «американские звери» бесчинствуют в Корее, да и в Западной Европе ведут себя не лучше, издеваясь над детьми бедняков, избивая представителей демократической молодежи. Особенно тяжела жизнь детей: двенадцатилетние подростки не умеют читать, в Англии дети «гибнут от недоедания и болезней», в Индии и Китае это бесправные рабы.

Тане операцию надо сделать быстро,
А у нас такого нет специалиста».
Умирает девочка. Горько плачет мать.
Горе материнское трудно передать.
Над кроваткой детской Сталин на портрете.

«Наши за границей». Лишь появление советского человека вносит в этот мир признаки нормальных человеческих отношений, какую-то надежду и свет. Так, советская командированная выучила несколько слов по-итальянски и обратилась к горничной. Та была поражена и растрогана, ведь никто из гостей до этого с ней не заговаривал (богатые там вообще не считают служащих за людей, подзывая их пощелкиванием пальцев). «Я впервые почувствовала себя человеком»,— сквозь слезы произнесла горничная.

Неудивительно, что в результате во всем мире простые честные люди смотрят на советского человека с любовью. Если в порт заходит советский пароход и наши моряки в белых кителях с золотыми нашивками спускаются на берег (такую картинку можно увидеть в «Мурзилке» тех лет), простые люди сбегаются посмотреть, просто прикоснуться к советскому человеку, подарить что-нибудь в обмен на значок с красным флагом или вырезанную из газеты фотографию Сталина. Нередко при этом выясняется, что наш пароход привез сгущенку, крупу, медикаменты. Рядом, как правило, нарисован американский корабль; на нем доставили оружие.

Вместе с любовью приходят и признание, и авторитет. Иностранный корабль, «как и полагается», первым приветствует встречный советский.

Наши преимущества воспринимаются нами самими как нечто естественное. Когда в учебнике приводятся сведения по географии, то сами собой ложатся слова: «США в два с половиной раза меньше нашей страны, а Швейцария и Бельгия по сравнению с СССР все равно что какой-нибудь двор по сравнению с целым городом». Да, с детства мы привыкли к законной гордости большими размерами: соседние страны и государства для нас «все равно что какой-нибудь двор»... И неприятна сегодня мысль о сокращении нашей территории — ведь именно она составляла предмет особой гордости.

Сталина добрее нет на целом свете.
Слабый голос девочки мама слышит вдруг —
Таня имя Сталина произносит вслух.
Шепчет Таня: «Сталина, мама, позови».
Сколько в детском голосе ласки и любви!

Теперь никто, кажется, не верит в бесчеловечных буржуев-эксплуататоров или завидующих нам простых «людей труда». Но не считаем ли мы себя по-прежнему, в старом стиле, центром Земли? Поменялись только знаки, и если раньше мы утверждали, что мы лучше всех, то сегодня убеждены, что нам хуже всех. Готовы ли мы стать равными, такими же, как другие? Мы обижаемся даже на доброжелательных иностранцев, когда они «не понимают, что у нас на самом деле происходит». Но почему это должно быть их обязанностью? Мы и сами плохо разбираемся, а ведь это скорее наша задача.

На загранице, однако, свет клином не сошелся. Букварь рассказывает достаточно и о среднем человеке, средней семье в обычной обстановке.

Наши дома. В изображении советской семьи тоже постепенно сложился

своего рода канон. Очень часто это семья неполная: отца нет (погиб на войне, находится в длительной служебной командировке, вечно занят на ответственной работе), да он, вообще-то говоря, не очень нужен. Основная фигура, конечно, мать. (Здесь, кстати, один из тех случаев, когда продолжена традиция русского дореволюционного учебника с его культом матери.) Отметим, что при всей условности послевоенного учебника принятая система изображения средней семьи в каком-то смысле соответствовала реальности: неполная, безотцовская семья не была исключением.

Когда отец все-таки присутствует, его роль весьма ограниченна, если не сказать — условна. Находясь вечером в кругу семьи, он обычно читает газету за стаканом чая (иногда вслух — жене или бабушке). Связь его с газетой столь органична, что, кажется, он никогда с ней не расстается: даже выскакивая в коридор встретить вернувшегося на побывку сына, он держит в руках «Правду» и очки. Вечером, когда вся семья в сборе, мать либо держит на руках младшего, прислушиваясь к тому, что читает отец, либо сама читает ребенку. Если ребенок постарше, то читает он, а мать с удовлетворением слушает. Мальчики-пионеры играют в шахматы, старшая сестра сидит за швейной машинкой, бабушка вяжет или дремлет.

Мудрый взгляд у Сталина, по-отцовски нежный,
В материнском сердце вспыхнула надежда...

Быт при этом как-то отодвинут на задний план: мы видим семью не за ужином (в послевоенные несытые годы это достаточно чувствительная сфера), а на досуге, «культурно проводящей время». Никто не показан и на кухне, за приготовлением пищи. Мы видим благополучный мир, с налаженным бытом и признаками достатка: на стенах висят картины в позолоченных рамах, в комнате нередко пианино, блестит натертый паркет. Вся семья изображена в одной комнате, и непонятно, как все эти люди здесь размещаются ночью. Нигде нет и намека на то, что это — коммунальная квартира; иногда даже показана комната отца, где он поздним вечером работает, готовясь, видимо, к выступлению. Он читает классиков марксизма-ленинизма; их тома занимают полки красивого книжного шкафа.

Здесь мы снова сталкиваемся с очень существенной чертой советского человека: очень многое приходится скрывать. Это и неприглядные черты быта, и полное отсутствие даже намека на какое-то прошлое семьи. Слишком многое может оказаться нежелательным, а чаще — просто опасным: репрессированные или пропавшие без вести родственники, политически сомнительное прошлое, причины отсутствия отца, религиозные убеждения, просто факт крещения.

Нельзя вести разговор о советской идеологии — для взрослых ли, для детей ли — и не коснуться того, как в ней соотносятся.

Личное и общественное. Нет необходимости доказывать, что в рамках сталинской (и шире — советской) идеологии личное должно всегда отступать перед общественным. В учебниках тридцатых годов учащимся преподносились очень жесткие правила поведения при столкновении личных и государственных интересов. Например, ребенок путевого обходчика заигрался на рельсах. Приближается железнодорожный состав, а стрелка не переведена! В какую сторону бежать — к собственному ребенку или к стрелке? После мучительных, но недолгих сомнений обходчик бросается переводить стрелку... К счастью, его трехлетний сын отделался царапинами, но правильный выбор все-таки был сделан.

Телеграмму мама отправляет срочно,
Телеграф работает даже поздно ночью.
К Сталину за помощью обратилась мама.

Послевоенный учебник уже не предлагает столь мучительных ситуаций, особенно применительно к детям. Но интересы коллектива и государства всегда оказываются на первом месте. Так, если родители приехали в пионерский лагерь — в разрешенный для посещений день,— это не означает, что пионер может выскочить из строя без разрешения. Если такое случается, то сам отец (напомним, идеальный отец всегда немного военизирован) командует: «Стой! Слушай мою команду! Кругом! На место бегом марш!»

Конечно, необходимо уважать родителей, старших вообще, и в золотой фонд советской педагогики вошел рассказ о пионере, сказавшем старушке в трамвае облетевшие всю страну слова: «Садитесь, пожалуйста, я постою». Однако в иерархии ценностей та же старушка занимает скромное место, и сама хорошо это место знает. Приехав в неурочное время в пионерский лагерь к внучке, бабушка не только получает отказ («Я — звеньевая, выйти не могу!»), не только увозит обратно непринятый гостинец («Сегодня не положено»), но, более того, признает правоту внучки и даже гордится ее сознательностью и дисциплинированностью. (На обратном пути в электричке она рассказывает об этом попутчикам, угощая их отвергнутым гостинцем. Какая разница, ведь все мы — одна большая семья!)

Учебник предлагает маленькому человеку массу ситуаций, в которых очень легко оказаться виноватым. Человек постоянно ощущает давление разнонаправленных ценностей. Что правильнее: дать или не дать товарищу пионерский галстук, выше — чувство товарищества или святость галстука? Сообщать ли маме неприятную новость, если она готовится к ответственному выступлению? Ничто, кажется, не спасает от губительного шага, так тонка грань, отделяющая от греха.

(Надо ли удивляться, что вошедшие в сегодняшний политический лексикон слова о «личных амбициях» звучат как обвинение? Хотя в политике — по определению — невозможно обходиться без желания осуществить свои планы, добиться чего-то. Нет, только бескорыстное служение всему обществу разом, только полный отказ от всех личных устремлений во имя будущего страны служит сегодня для нас оправдательным мотивом политической деятельности...)

Единственный выход — прислушиваться к авторитетам, советам старших, родителей, педагогов, товарищей по классу. А собственные желания непременно приведут к эгоизму... Школьник должен усваивать сложившиеся во взрослом мире нормы, делать то, что предписано его ролью, то, чего от него ждут.

Это, в общем, не так уж сложно, потому что мир, представленный в учебнике, поделен на добро и зло очень четко, однозначно. Построен он в рамках черно-белого мышления, когда всему практически придается знак «плюс» или «минус». Понятно, как эффективно «работает» такое мышление при описании общественных феноменов: мы убедились в этом на примере «заграницы». Но и мир природы оказывается подвластным делению на добро и зло. Одни животные помогают человеку (ручной беркут освобождает пленного хозяина, ударив по темени белогвардейца-конвоира; собаки и лошади тоже не бросают в беде), другие — волки, тигры, медведи, змеи — постоянно проявляют агрессию. В борьбе с ними пионерам обычно помогает природная находчивость, смекалка: спасаясь от медведицы, пионер забрался на дерево, а когда она тоже попыталась залезть по стволу, бросил ей шапку на глаза, испугав и обратив ее в бегство. В целом мир природы, представленный в школьном учебнике, очень напоминает мир сказок: в нем есть место фантазии, преувеличениям и всегда сохраняется возможность вынести какой-то урок, нравоучительное правило. Объективную, чисто познавательную информацию почерпнуть из него сложнее.

На столе у Сталина эта телеграмма.
Сталин телеграмму посылает маме.
Вот что пишет Сталин в этой телеграмме:
«Как здоровье девочки, срочно сообщите.

Наверное, учебник неизбежно должен как-то организовывать действительность, выстраивать ряд важнейших событий, самых существенных исторических фигур. Даже в учебнике для самых маленьких выделяются такие осевые события и персонажи.

Ключевые события в истории немногочисленны: от штурма Зимнего прослеживается прямая связь-аналогия к штурму рейхстага. Когда школьники подрастут, добавится еще один, начальный компонент — взятие Бастилии.

Если судить по текстам учебников, вся жизнь школьников в свободное от уроков время проходила на полотне железной дороги и состояла в предотвращении аварий. Какие только ситуации и нормы поведения не предусмотрены в этих рассказах! Здесь и галстук, сорванный с шеи, служащий сигналом опасности; и разорванная и смоченная в собственной крови рубашка, надетая на шест; а то и просто дядя Степа, берущий на себя роль семафора... А государственная граница! Первыми нарушителя всегда встречают пионеры. Чудеса изобретательности проявляют ребята: и заманивают, и преследуют, и отвлекают, и дезинформируют: пограничники, кажется, нужны лишь для того, чтобы узнать от бдительных школьников о подозрительном незнакомце... Словом, железная дорога и государственная граница — те точки, где проходит настоящая жизнь страны.

В повседневной жизни пионера, не занятой ловлей нарушителей границы и проверкой состояния рельсов, тоже есть некоторые основные занятия, по каковым, кстати, сразу пионера и узнаешь. О них говорят постоянные атрибуты, с которыми изображаются школьники: планер, модель яхты, книга. Никогда не расстается пионер с книгой. Как и поп в учебнике тридцатых годов изображен с крестом в руке, даже в тот момент, когда подкрадывается к колхозному амбару со спичками в другой.

В послевоенном учебнике доминирует ощущение достигнутых целей, решенных задач. Борьба и жертвы старшего поколения не напрасны: построено счастли-

вое общество. Не может быть и речи (борьба с космополитизмом!) об ориентации на Запад, да и вообще ни о каких серьезных изменениях. Школьник оказывается в неподвижном обществе; стремиться к каким-то изменениям не надо; стабильность и процветание достигнуты здесь и сейчас; историческое время по существу остановилось. Юному школьнику не надо в отличие от сверстника тридцатых овладевать какими-то практическими навыками. Уже немыслимы задачки по рациональному ведению домашнего хозяйства, распределению расходов: слишком это низкая тема для праздничной атмосферы послевоенного учебника, для безмятежного детства советской пионерии.

О чем бы ни шла речь, чем бы ни занимались люди, изображенные на страницах букварей и учебников, неизменно всплывает тема счастья, особенно в жизни детей. Она сопряжена с изобилием во всем. Даже корзину с грибами школьники несут из лесу, как корзину с яблоками,— на плече, сгибаясь от тяжести. Да и сам учебник (выдаваемый, кстати, нередко бесплатно) служил дополнительным свидетельством благополучия и благоденствия: прекрасная глянцевая бумага, яркие цветные иллюстрации. Ни до, ни после учебники в нашей стране не издавались так ярко и красочно.

Не оценивая сейчас всю эту идеологическую систему, отметим, что оказалась она очень прочной, устойчивой к различного рода влияниям и более чем убедительной. Ее восприняли миллионы; те поколения советских людей, которым сегодня за сорок, дружно прошли через это воспитание. Другой идеологии не было, и страна жила этой. Причин и предпосылок такой устойчивости множество; назовем несколько, прямо связанных с принципом построения учебника.

Прочность, убедительность, так сказать «легитимность», придавалась опорой на определенные, тщательно отобранные традиции русской классической литературы. Последовательно использовалось русское классическое наследие, тексты Пушкина и Гоголя предшествуют советским классикам. От «Ваньки» Чехова естествен переход к повестям Горького о тяжелом детстве, а затем — к рассказам о безрадостном существовании детей в странах капитала. Единая, общая упаковка, освященная авторитетом русской классики,— для современного идеологического заряда.

Меры мною приняты, не волнуйтесь, ждите».
Сталинские строки в сотый раз читая,
Плачет от волнения женщина простая.
За окном кружится самолет над лесом,
Это из столицы прилетел профессор...

Многое из того, что кажется нам сейчас конъюнктурной чертой сталинской советской идеологии (например, безудержное наступление на природу) и так легко поддается сегодня критике, имело достаточно глубокие культурные основания. То, что выродилось в откровенную эксплуатацию природных ресурсов, коренилось в идеологии фаустовского человека, преобразователя мира. Лозунг Сталина «Нет таких крепостей, которых не могли бы взять большевики», тоже опирается на веру во всемогущество человека. Это достаточно серьезная культурная европейская традиция, и советская идеология вырастала на очень солидном источнике.

Прочность идеологии объяснялась и тем, что была достигнута удивительная независимость сферы сознания. Уродливое слово «сознательность» на самом деле точно обозначало то, что и имелось в виду,— готовность следовать любым требованиям и запросам государства. Сознательность — это быстрое схватывание того, чего от тебя ждут, безоговорочное принятие правил игры.

Сфера сознания сделалась совершенно независимой от какого бы то ни было базиса, ничто материальное ее не стесняло и не предопределяло. Сознание стало столь самостоятельным, что можно было никак не оглядываться на реалии. Сфера сознания — это область должного, в ней говорится о том, что должно быть, а не о низкой прозе жизни. Поэтому сталинский учебник мог утверждать практически все, что угодно, прямо противоположное тому, что пионер или октябренок ежедневно видел у себя перед глазами. Это и натертый паркет в комнатах, и цветущая мама в нарядном платье, делающая покупки в магазине с полными полками... Потому и взрослым, и детям можно было преподносить даже совершенно противоречащее здравому смыслу: «Слабый здоровьем старик на строительстве Ферганского канала побил все рекорды, установив норму выработки в 65 кубометров в день».

И такою радостью в доме все полно,
Словно смотрит Сталин в Танино окно.
Сон смыкает веки, Таня крепко спит,
Снится ей, что Сталин рядом с ней сидит

Прочность нашей идеологии придавала и ее внутренняя непротиворечивость, все ее элементы были точно пригнаны друг к другу. Но именно эта жесткость конструкции привела к тому, что при утрате одного элемента вся конструкция начинала неудержимо разваливаться.

Поколения советских людей, воспитанные в свое время на таких учебниках, переживают очередной шок, шок от столкновения с настоящим. Привычные цели оказались скомпрометированными и малопривлекательными, средства обнаружили свою неэффективность и бесчеловечность, многие важнейшие ценности оказались реализованными не у нас, а у наших идеологических противников, мир совсем иначе реагирует на появление советского человека.

И хуже всего, может быть, то, что человек, воспитанный на этих учебниках, не нравится самому себе. Он видит, что многие воспитанные в нем качества — примитивный казарменный коллективизм, ориентация на авторитеты, отказ от индивидуальной инициативы, стремление оправдывать ожидания представителей государства и, соответственно, расчет на заботу со стороны государства — оказались сегодня ненужными. А те черты, которых современный мир требует от человека,— деловитость, самостоятельность в решениях, ответственность, профессионализм — советский человек в себе не находит. Во всяком случае, не они прививались школьным воспитанием, сталинский учебник говорил о другом.

Первые ученики разонравились самим себе. Советскому человеку, воспитанному по описанным образцам, приходится жить не в том мире, к которому его готовили.

Чтобы избавиться от необоснованных расчетов на любовь и заинтересованность окружающего мира, от детских представлений о черно-белой действительности, необходимо увидеть, откуда появились эти черты. Тогда возможно длительное, мучительное освобождение от ложных идеологем, повзросление, готовность жить в реальном, не поддающемся упрощению мире. Но для этого надо забыть многие хорошо заученные уроки.

ФОТООКНО «ЗНАНИЕ — СИЛА»

В. Брель

«АТРИУМ»

Аня и Сережа на целую неделю присвоили себе два солнечных зайчика. Один они назвали «Звездарии всех стран, соединяйтесь», а другой — «Планетарии всех стран, соединяйтесь». Звездарий и Планетарий играючи пронзали с двух противоположных сторон воздух зимнего сада и сливались в точку в толще стеклянной призмы, рождая радугу. Радуга неторопливо блуждала по зелени сада, по картинам, по бамбуковым дудочкам и слепила нам глаза...

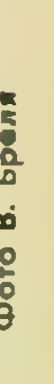
Происходило это на первом советско-американском семинаре по гуманистической психологии, о котором журнал уже информировал своих читателей в июньском номере за этот год. В рамках семинара было много любопытных тем и докладов. Вот некоторые из них: «Травматические события сознания и ритуалы американских индейцев», «Шаман и психотерапия», «Личностная мифология и сновидения», «Герменевтика человеческого движения», «Целительная сила звука». И в этих же рамках существовала выставка «Атриум». Выставка художников Ани Николаевой и Сережи Рокомболя, которые и захватили в свои руки на все время семинара солнечные зайчики.

Экспозицию «Атриум» называть выставкой не совсем правильно. Правда, как и на всякой выставке, здесь присутствовали и живопись, и графика, висело, стояло, лежало повсюду много предметов-объектов, которые выполняли не только роль экспонатов, но в большей мере создавали среду, дв и происходило все это в зимнем саду.

Под словом «атриум», пояснили

мне художники, мы понимаем следующее: это пространство, имеющее базу, но не имеющее четких и определенных границ, это эпизод, фрагмент или частный случай какой-то целостной, глобальной системы. И еще: атриум — это среда. Среда, в которой ничто не детерминировано, где все находится в постоянном движении, где все течет, все видоизменяется.

А на мой взгляд, в конечном счете это все-таки выставка звуков, света, даижения. Специально организованная художествеиная средв, особым образом созданная художниками и также особенно действующая на зрителей. После доклада «Шаман и психотерапия», оказавшись в пространстве «Атриума», я почувствовал, что художники в своем арсенале пользуются теми же средствами и приемами, что и шаманы американских индейцев, что и современные психотерапевты.

На снимке (слева направо): участники «Атриума» Анна Николаева, Даня, Варвара, Сергей Рокомболь и Петя.

В. Бибихин

Слово Розанова

Алексей Федорович Лосев рассказывал мне, как однажды, чуть ли не на похоронах Розанова, спросил отца Павла Флоренского: что такое Розанов? Флоренский ответил: «Видели медузу? Всеми цветами радуги переливается. А вытащи из воды на сухое — одна слизь».

Между прочим, чтобы так сказать о Василии Васильевиче Розанове, не надо было очень глубоко копать. Мысль о быстрой линьке почти дословно розановская, только была сказана о другом. И вот интересно о чем. Все знают место из первого выпуска «Апокалипсиса нашего времени», в ноябре 1917 года: «Русь слиняла в два дня. Самое большее — в три». И дальше: «Переход в социализм и, значит, в полный атеизм совершился у мужиков, у солдат до того легко, точно *в баню сходили и окатились новой водой*. Это — совершенно точно, это действительность, а не дикий кошмар... Самое разительное и показующее все дело, всю суть его, самую сутеньку — заключается в том, что *ничего в сущности не произошло. Но все — рассыпалось*».

Странным образом, при всей непосредственной убедительности сказанного тут, так что, слыша, мы с горечью, с ужасом, без раздумья соглашаемся сразу, словно глотаем горькое лекарство (так, так: «Мы умираем от единственной и основательной причины: *неуважения себя*. Мы, собственно, самоубиваемся. Не столько *солнышко нас гонит*, сколько мы сами гоним себя»), другим слухом улавливается противоположное; как Розанов — верно Флоренский сравнил его с морской медузой,— так розановское слово переливается у нас прямо перед глазами. Правда ведь, догадываешься, и другое. В самом деле, с неведомо откуда в русском барашке проступившей неотступностью, цепкостью, с аввакумовским упорством какая-то Россия не слиняла, а стояла и простояла до нас, надо — простояла бы и еще столько. В 1921 году Анна Ахматова писала об этом сохранении:

Все расхищено, предано, продано,
Черной смерти мелькало крыло,
Все голодной тоскою изглодано,
Отчего же нам стало светло?..
И так близко походит чудесное
К развалившимся грязным домам...

А в 1945 году писала:

Ржавеет золото и истлевает сталь,
Крошится мрамор. К смерти все готово.
Всего прочнее на земле — печаль
И долговечней царственное слово.

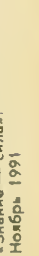
Русское слово то есть. И в 1991 году мы точно знаем, что если сейчас снова слиняет наша свеженькая свобода собираться и говорить, что Бог на душу положит,— все равно ничего не рассыплется, и кто-то оставленный, забытый, ничуть не суетясь, будет продолжать делать то, что всегда делал, пока его совсем уж силой не возьмут под руки и не оттащат от стола.

Сам медуза Розанов — разве он слинял в три дня? Он не полинял ни перышком. Тот же голос, та же беспривязная мысль в «Апокалипсисе нашего времени» 1917—1918 годов, что и в «Мимолетном». Не только никакой перестройки, но и ни малейшего намека на то, что ему хотя бы мерещилась необходимость какой-то перестройки. Да, конечно, писал Максиму Горькому, такому уже важному человеку, просил денежной помощи. Готов был отдать Московской еврейской общине права на свои сочинения в обмен на усадебку с коровкой для семьи; готов был хвалить кого угодно, лишь бы прислали булочку с маслом, щепотку сахаринчику. Но никакими силами нельзя было его принудить скрыть и не сказать среди прочего вот это самое: что загнан до последней крайности; что готов уже на все; что любит Максимушку за присылку четырех или, может быть, двух тысяч рублей, это не что-то — без этого семья погибла бы. Семья страшно бедствовала, человек до слез был благодарен за булочку с маслом и не таил своего настроения: «с каким невыразимым счастьем (!) я скушал их».

Флоренский в раздраженном письме от 5—6 сентября 1918 года говорит, что Розанов гимн споет тому, кто ему даст вволю махорки, сливок, сахару. Но раздражен Флоренский не этой, как он говорит, «детской наивностью», а, удивительное дело, совсем противоположным — как раз абсолютной неподатливостью Розанова! «Вас. Вас. есть такой шарик, который можете придавливать — он выскользнет, но который не войдет в состав целого мира... Бейте его — он съежится, но стоит перестать его бить, он опять возьмется за свое».

Так медуза или шарик? Линяет или нет? Флоренскому следовало бы как-то решить это для себя.

Сергей Михайлович Половинкин, замечательный собиратель и знаток русской мысли, меня как-то поправил: не представляйте Флоренского, как его часто изображают, робким, мягким; это был сильный, волевой человек, настоящий мужчина. Он, кроме того, привык, что люди располагаются к нему, гипнотизируются. В Розанове, в него тоже влюбленном, он вдруг видит неприступное упорство, да еще в бесспорном, кажется, вопросе. Ну признай ты полную правоту Церкви, тем более сам прибежал под стены ее главного монастыря; признай свои заблуждения, в такое время, когда всем надо сплотиться, признай свою нуждаемость, несамостоятельность, признай над собой всю духовную иерархию, позовешь ведь все равно священника перед смертью. Но никак не удается выправить, наставить Розанова уму-разуму; он вывертывается и не то что не признает Церковь и упирается, а неожиданно, наоборот, полюбит, привяжется как ни-

когда, но так, что опять ясно: ведет он речи все равно свои, не те, до скандала не те, хоть плачь, хоть брось, а совсем было подобрали к нему ключик. Умасленный, разнежившийся Розанов «стал бы восхвалять не этот монастырь, а по свойственной ему необузданности обобщений, чисто детских индукций ab exemplo ad omnia — все монастыри вообще, их доброту, их человечность, христианский аскетизм и т. д. И воистину, он воспел бы христианству гимн, какого не слыхивали, по проникновенности...»

Снова вспоминаю тут, что мне говорили о Розанове знающие люди: поймите, как он ни задевал Церковь, она его любила, потому что видела, что вся благоразумная рассудительность религиозной философии Булгакова, Франка, других, такая умная, веры мало прибавила, а несколько розановских слов о чадолюбивом диаконе, о Боге «милом из милого, центре мирового умиления» имеют такую силу и так располагают к вере. Флоренский это чувствовал и тревожился: «Он воспел бы христианству гимн, какого не слыхивали, по проникновенности лирики. Правда, этот гимн, если бы внимательно вслушаться в него, оказался бы восхвалением христианства не за христианственность, а за некоторые нейтральные черты в нем, но он был бы сладостно действен, общественно (то есть для дураков, кои не умеют разбираться в сути дела) более полезен, нежели все говоримые проповеди, вместе взятые».

Чем Флоренский обеспокоен — что прямо перед его носом уходит, ускользает куда-то Розанов, набив себе полные карманы общественного расположения, даже любви, и все ведь чуть не обманом, все как-то с лета, и надо бы остановить его с поличным, чтобы он перестал морочить людей, но не выходит. Так полезны ли — полезнее всех проповедей, вместе взятых,— речи Розанова или только для дураков, «содержит правильное постижение мировой истории» его слово или ложно? Флоренский колеблется в 1918 году, не зная окончательно, в какую сторону решить Розанова.

В марте 1929 года, когда в воздухе почувствовалось окончательное железо, Флоренский ссадил своего друга с корабля современности, отказался быть составителем и редактором Розанова для парижского издательства, хотя хранил как раз для этих целей его архив. Было теперь не до Розанова, дела повернулись слишком круто. «Лично я никогда не разделял многих его мыслей... я потратил... много трудов, чтобы разобраться в хаотическом наследии В. В. Розанова...»

Имеется в виду не хаос рукописей. Розанова можно брать и печатать фрагментами с любого конца, он сам себя последнее время печатал только фрагментами. Хаос имеет в виду Флоренский по-настоящему другой, менее безобидного рода, который он угадывал в том раздраженном и нерешающем письме 1918 года: «Это — стихия хаоса, мятущаяся, вечно мятущаяся, не признающего никакой себе грани». А теперь грань была нужна, для железного времени Флоренский собирал в себе всю волю и решимость, готовился для последней борьбы за вживание во время. «В процессе государственного строительства произошли естественные расслоения, и то, что было законно в первые годы Революции, стало нарушающим общекультурную политику в дальнейшие годы... Будучи принципиально лояльным, я поэтому не считаю возможным для себя идти в обход общим директивам власти... Сочту себя вправе... содействовать... изданию лишь... когда увижу, что такое... не стоит в противоречии с общим курсом советской политики».

Какой язык! Государственное строительство, общекультурная политика, курс советской власти, Революция с большой буквы. Флоренский вознуздал себя, как никогда. Перед ним была уже не консистория церковная, которую он взял штурмом в 1912 году. Ускоряя темп измерения, с немыслимой цепкостью Флоренский врастал в шатающуюся под ногами почву. Полная противоположность медузе. Но новый железобетон оказался не под силу даже для этой уникальной способности пускать во все корни. Флоренский *почти* врос. Это было сверхчеловеческое усилие, перед которым бледнеют экспедиции на Южный полюс, подвиг приспособления с сохранением человеческого достоинства. Не вышло. Схватка жизни и железа оказалась слишком неравной. Хотя Флоренского надо было выселить на мороз, на голод, на Соловки, под сырой ветер; и там он снова был готов и мог жить и работать, обрастать корнями; и тогда надо было его физически уничтожить, да не на месте, где он мог ожить, а отвезя под Ленинград, к опытным мастерам дела.

Человек собрался в сгусток разумной воли. А Розанов? Он, если можно так сказать, распустил себя. Какая там целеустремленная собранность! Розанов никогда ничего не мог поделать с собой и ничем не мог а себе овладеть. Каменная задумчивость им владела и не помогала устроиться, скорее наоборот. Осенью 1917 года от угрозы немецкого захвата Петрограда он в панике метиулся в Москву с семьей, дорогой порастратился, порастерял ценные книги, оскудела коллекция древних монет. В Москве не устроился. В Сергиевом Посаде под монастырскими стенами ничего хранительного не оказалось, ничего монастырь не спасал и сам не спасался, не стоял. Начались мытарства с большой семьей, которая его ближайший круг (литературные знакомства, друзья — уже второе; он может писать, так сказать, только из домашнего тепла). Голод, нищета, подбирание окурков, упования на помощь от какого-то мифического «союза самоиздающихся писателей».

Помощи приходило мало. Но вспыхивавшие надежды настолько не были подстрижены по изменившимся обстоятельствам, что Зинаида Гиппиус спрашивает за чтением его предсмертных слов, записанных дочерью Надеждой (тогда восемнадцатилетней, 1956),— что это? «Розанов в расцвете сил?.. Нет, просто он в том расцвете, в каком был всегда, единственный, неоценимый, неизменяемый. Одно разве: его... мыслеощущения... дошли до колющей тонкости, силы и яркости».

Это про умирающего старика в инсульте, который не может взять пера в руки и едва шевелит языком. После всего случившегося и вопреки всеобщему обескураживающему расстройству ничуть не ослабла жажда дела. «О леии нет и вопроса». «Безумное желание закончить Апокалипсис. Из восточных мотивов, издать «Опавшие листья». И дальше: «Хочется очень кончить Египет» (рукопись сейчас в ЦГАЛИ; последняя работа, как и первое захватившее чтение,— о финикийцах, Сезострисе, Книге мертвых). Да и в самом деле, если подумать: Розанов — это целая литературная мастерская, совсем еще недавно, только лет семь назад начавшая работать с неожиданным новым подъемом, так что не только читатель, но и сам пишущий не успел до конца понять, что он стронул с места в русском слове.

Кто-нибудь скажет: каждый надеется работать после инсульта. Но тут другое. По мере того, как тело тяжелеет и опадает, голос, высветлявшийся в Розанове все тридцать три года писательства, легчает, особенно с 1912 года, с «Уединенного», словно был к концу тела готов или приготовлен. Надежда Васильевна записывает об отце: «Не знаю, как выразиться иначе, но что-то вдруг большое произошло в нем, точно он вдруг вступил в какую-то новую плоскость». Тело отказывает, ему скоро станет нечем говорить, а голос крылат. Не то что человеку, как бывает, становится перед самым концом ненадолго легче. Нет, человеку жутко, измучен до крайности, но голос уже открепился от него и словно ждет, когда не надо будет связываться ни с разрушившимся мозгом, ни с плохо ворочающимся языком, чтобы, хоть абсурдно это сказать, стало свободнее. Что теперь говорит в Розанове — страсти? отчаяние? память? ум? Нет, все это уже не участвует. «Ткань тела, эти мотающиеся тряпки и углы представляются не в целом, а в каких-то безумных подробностях, отвратительных и смешных, размоченными в воде адского холода... Состояние духа — ego — никакого. Потому что и духа нет. Есть только материя изможденная, похожая на тряпку, наброшенную на какие-то крючки... Ничто физиологическое на ум не приходит. Хотя странным образом тело так изнеможденo, что духовного тоже ничего не приходит на ум».

Когда через такой развал тела и духа, тела и духа вместе, говорящий о развале голос проходит словно уже ниоткуда и ни через что, то ясно: связать этот голос теперь уже ничто не свяжет. Он рвется на простор из тела, которое дочь легко берет на руки. «В последней степени склероза мозга, ткань рвется, душа жива, цела, сильна!» Спрашивай после этого, что выше — душа или дух. Дух, понимаемый как духовные интересы, умные сущности, ноумены, идеалы, давно уже сник. «Обнимаю вас всех крепко и целую вместе с Россией дорогой, милой. Мы все стоим у порога и вот бы лететь и крылья есть, но воздуха под крыльями не оказывается... Целую, обнимаю вместе с Россией несчастной и горькой».

Еще. 17 января 1919 года, четверг (а умрет в следующую среду). «Благородного Сашу Бенуа, скромного и прекрасного Пешкова, любимого Ремизова и его Серафиму Павловну, любимого Бориса Садовского, всех литераторов без исключения, Мережковского и Зину Мережковскую — ни на кого ни за что не имею дурного, всех только уважаю и чту... Флоренского за изящество, мужество и поучение, мамочку нашу бесценную за всю жизнь и за ее грацию». Умиленное расставание. Но это же и всегдашний тон Розанова. Он с самого начала всю жизнь как будто только и делал, что расставался. Поэтому у него никогда не доходило дело до надежд и тревог, до упреков и предостережений, до пессимизма и оптимизма. Печаль разлуки успевала настичь его раньше и делала ненужной суету.

В воскресенье, 20 января Надежда Васильевна записывает за ним. «Странное чувство я ощущаю: прежде всего, потеря всего плана тела; я не знаю, не понимаю, как я себя чувствую... Не могу больше жить, не могу больше писать».

Чтобы так — просто и удивленно — расставаться с собственным уходящим телом, чтобы тело и состояния, в том числе духовное, шли отдельно, и рядом с ними была, тоже отдельно, не так называемая фиксирующая работа сознания (далеко такая наблюдательская работа на самом деле никогда не доходит, сколько бы она ни воображала о себе, потому что иллюзорный самоконтроль, построенный большей частью на самообмане, спутывается очень скоро), а другое: чтобы был такой умирающий Розанов, требовалась давняя привычка к захваченности, к отданности чему-то затягивающему дальше жизни, дальше духа. И тела нет, и мозга нет, а голос тот же вольный. Потому что захваченность далеким была еще чуть не раньше Розанова существом Розанова, к ней он всегда возвращался.

«Всякое движение души у меня сопровождается выговариванием». Но ведь это уже потом сопровождается выговариванием, когда он стал писать и написал пятьдесят томов — море письмен, как говорит его давний собиратель Виктор Григорьевич Сукач, обнаруживающий все нового и нового Розанова. А раньше, когда еще не сопровождалось выговариванием?

«Я никогда не владел своим вниманием (отчего, естественно, был невозможный учитель), но, напротив, какое-то таинственное внимание со своими автономными законами, либо вовсе неизвестными, либо мне не открывшимися, владело мною». Человек, отданный невидимо чему, сомнамбула. В жизни он целей не ставит, потому что встал в недоумении перед *целым* миром.

Зинаида Гиппиус: «Важно одно: понять, проследить, определить Розанова как редчайшее явление, собственным законам подвластное и живущее в среде людской». Явление, собственным законам подвластное. Бог знает, что это за явление; может быть, даже не совсем человек. Или такое явление, по которому мы впервые начинаем узнавать, что такое на самом деле человек. Что оно живет «в среде людской», прибавляет ему скорее загадочности, чем понятности. И снова второй мыслью после Розанова — Россия. Что она за страна, если смогла такое существо выманить на свет, дала ему место? Ведь нужен был большой простор, целый мир для размаха, меньше не годилось.

«К чертам моего детства (младенчества) принадлежит поглощенность воображением. Но это не фантастика, а задумчивость. Мне кажется, такого задумчивого мальчика никогда не было. Я вечно думал, о чем, не знаю». Почему сомнамбула понял, что можно говорить? Как он переступил порог молчания?

«Духовной родиной» Розанова был Симбирск, где он учился во втором и третьем

классах гимназии в 1870—1872 годах,— город, с жителей которого за пятнадцать лет до того И. А. Гончаров списывал Обломова и где через пятнадцать лет вырастут Александр Федорович Керенский и Владимир Ильич Ульянов. Промежуток между той непробудной спячкой и этой лихорадочной гонкой был ровно одно розановское поколение. Как не подумать, что две такие крайности не могли быть друг без друга, что они вызвали друг друга, во всяком случае друг без друга не могли, как ночь и день.

Розанов о том же Симбирске времен как раз промежуточных между Обломовым и Керенским: «Я не только не встречал потом, но и не могу представить себе большего столкновения света и тьмы, чем какие в эти именно годы... происходило именно в этой гимназии... совершенной тьмы и яркого, протестующего, насмешливого (в сторону тьмы) света... Воистину для меня это было как бы зрелищем творения мира, когда Бог говорит: *Вот — добро. Вот — зло...* Ничего и все. С ничего я пришел в Симбирск... вышел из него со *всем*».

Так Розанов почувствовал и вобрал в себя новое русское настроение семидесятых годов, так называемый нигилизм, с ненавистью к идеализму, с абсолютным непринятием хотя бы крох религиозной метафизики, христианского богословия, с нетерпением условностей. «Под этой шероховатой, грубой, шумящей внешностью скрыто зерно невыразимой и упорной, не растворяющейся и не холодеющей теплоты к человеку... В ту пору... рождался (и родился) в России совершенно новый человек, совершенно другой, чем какой жил за всю нашу историю... Пошел другой человек».

По крайней мере один. Разбуженный этим невыносимым простором, где нашлось место для опасного размаха качелей между несовместимыми полюсами, когда «готовили из нас полицеймейстеров, а приготовили конспираторов; делали попов, а аыделали Бюхнеров; надеялись увидеть смиреннейших Акакиев Акакиевичей, исполнительных и аккуратных, а увидели бурю и молнии».

Напряжение требовало разрешения. Весь взрыв русской истории от 1881 до 1930 года — разжатие той пружины, растрата небывалого простора. Разброс казался невыносимым, неравенство вопиющим, мероприятия неизбежными, мобилизация обязательной. Как мало было тех, кто сумел изумиться самому тому простору, разрешил тому таинственному напряжению просто быть! Константин Леонтьев? Отчасти Лев Толстой? Но прежде всего, по существу в одиночестве, Василий Васильевич Розанов. Когда размах жизни, круживший головы своей неразрешимостью, толкал всех к немедленному действию, для него он остался причиной заворожения совершавшейся здесь тайной.

Судьба первой книги Розанова показывает, насколько отрешенное внимание к целому, которое ему открылось, было некстати для современников, разбуженных к жажде дела. 737-страничная книга, напечатанная за счет автора в нескольких сотнях экземпляров, не разошлась, половину тиража вернули заказчику, половину продали на обертки. Оиа не прочитана до сих пор.

В этой книге все школьное и университетское знание, вся наука, которою основательный XIX век наполнял человека, пошла от Розанова обратно. Он очистился и смог тогда смело сказать той науке: отчитываюсь в полученном знании и добавляю, что оно будет иметь смысл только *цельным*, а то уж лучше никаким.

Понимание, о котором Розанов написал свой длинный трактат,— это опасное задумчивое внимание, которым он не владел, которое владело им. Понимание — не исследоаание, не достижение, не охватывание. Оно начинается с разоружения разума перед тайной всех вещей. Выше знания — прикосновение к самому несомненному и самому загадочному из всего, к тому, что «есть этот мир». «Чистое существование... первоначальнее и неуничтожимее космоса; потому что и тогда, когда он не появился еще, уже было существование того, что потом вызвало его к бытию; и тогда, когда исчезнет он в наблюдаемых формах своих, останется еще существование того, что уничтожит его». Понять существование, это загадочное явление, «есть первая и самая трудная задача науки как цельного миропонимания... Первое невольное удивление и невольный вопрос... что это такое, что существует этот мир? То есть что такое это существование мира, что лежит в мире, отчего он существует, что такое существование само по себе?»

Не как устроен механизм мира и что с ним предпринять, а что это значит, что он есть?

Этот вопрос не диктуется жизнью. Нет никакой необходимости, чтобы понимание, принимающее внимание, выросло из практики. «Есть отдельные люди и даже целые народы, почти совершенно лишенные его». Оно держится чудом. Есть очень большая вероятность, что человек везде и всегда будет пользоваться разумом для своего удобства. Нет никакой гарантии, что он поднимется до «что это такое, что существует мир?» Но без задания этого вопроса человеческая жизнь обречена. «Никто, как кажется, и не догадывается о том, как тесно многие отвлеченные вопросы связаны не только с важными интересами человеческой жизни, но и с самим существованием этой жизни». Наука не слышит и не услышит призыва Розанова к «дальнейшим и упорнейшим изысканиям» загадочного бытия. Он это чувствует. Он совсем одинок — и он все равно знает: как бы ни сложились обстоятельства, весело или жутко, существо человека — понимание, захваченное внимание к явлению мира, прикасание к его бытию. Его всегда обходят. Все гонятся за манящими существующими вещами. Все жаждут конкретного дела. Оно всегда легче, чем загадка целого. «Понять существование есть первая и самая трудная задача». Отделаться от нее нельзя. Дело идет о сохранении человека.

Не так, что это розановское цельное знание служит пользе человека или человечества. Ничего подобного. Понимание — «нечто замкнутое в себе и глубоко самостоятельное; не человек обладает им, но оно живет в человеке, покоряя себе его волю и желания, но не покоряясь им... Скорее, заставляет человека забывать о всех нуждах и потребностях своих, нежели служит им». Никакого преобразования мира. «Истинная цель науки — понимать то, что есть, а не изобретать, хотя бы и искусно, то, чего нет. Каково бы ни было это существующее, следует объяснить его, а не заменять другим, что нам казалось бы более удобным и естественным. Можно быть уверенным, что мир существующий не будет *менее естествен*, чем придуманный; и нечего беспокоиться, что а таком виде, в каком он есть, ему не так удобно, как в том, какой мы могли бы изобрести для него».

Обломовщина? Нет, самое нужное и спасительное дело, какое есть у человека на земле. Человеческая жизнь только тогда получит шанс иметь смысл, когда человек проснется к незаинтересованности жизнью (отсюда можно видеть, чего стоят сближения Розанова с «философией жизни»). Оттого, что люди, промахнувшись мимо мира, ринулись к вещам, «отчаяние уже глухо чувствуется в живущих поколениях». В нервном увлечении жизнью дает о себе знать не жизнелюбие, а попытка хоть как-то вернуть ускользающую суть, на которую у человека перестало хватать силы. «Человек страшно глубоко погрузился в жизнь, он никогда более не остается наедине с собою». Поэтому он размазывает себя по поверхности вещей. «Наука... уже никогда более не поднимается к первым основаниям... Одновременно с религиею и потому же, почему и она, пала и наука... Кто думал об опасности для всех высших форм творчества, когда, усложняясь и ускоряясь, жизнь невозвратно увлекла в свой поток человека и смыла все, что в нем поверх животного?»

Конечно, чтобы понимать, надо сначала жить. Но понимание — не продукт жизни. Понимающий разум «не возник в истории, не исчезает в ней». Наоборот, история началась, когда он, некупленный, непроданный, проснулся к удивлению, некорыстной захваченности. На понимании встает история, которой иначе не было бы. «Как исторический процесс понимание не связано с жизнью: оно составляет особенный мир, который развивается рядом с миром жизни, понимает его и часто управляет им, но само никогда не управляется им и не служит ему». Кажется, что на слове «никогда» пишущего занесло. Но нет — оно точно отвечает сути дела. Как только понимание начинает «управляться» жизнью, оно перестает быть собой и тем самым перестает быть. «В истории понимание или есть — и тогда оно не извращено, или извращено — и тогда его совершенно нет». Человек не властен распорядиться пониманием, решить: пойму-ка я то или это. Он может только отдаться ему. А если отдался, мы знаем, что будет. Высокий порог молчания. «Что-то каменное», чудовищное. Задумчивость. Необеспеченность.

Той необеспеченностью куплена свобода. «Взгляд на науку, как на нечто служебное... мог возникнуть только в жизни общества, в котором не существует науки, но только нечто сходное с ней». Настоящая наука «свободна от всего, лежащего вне разума, безусловна и всесовершенна: она ни к чему не имеет отношения в жизни, ни с чем не связана причинною связью, а поэтому ни от чего не зависима... Свободна и от суда человеческого... В природе вообще не существует силы и права, могущего стеснить разум и науку... Когда я понимаю, я не имею отношения ни к людям, ни к жизни их; я стою перед одною моею природою и перед Творцом моим».

Я одинок. Зато я дошел до дна. Зато и в любом будущем и во всех возможных и мыслимых мирах «не может явиться никакого второго понимания, и даже если бы изменился самый разум человека в строении своем... понимание не изменилось бы».

Покажите путь к нему. Но указатель — отмена всех указок. Сомнение, страшно сказать, во всем. «Дух бескорыстного сомнения: из всего окружающего человека только ему одному свойственно оно, и вершины человеческого развития всегда украшались им». Понимание не после сомнения, а в своей сути одно с ним и сомнение никогда быть не перестает — из-за странности первого понимаемого, целого мира, который опровергает все мнения о себе. Понимание и сомнение рождают друг друга.

Только сомнение-понимание избавит человека от преступных подделок под целое, откроет, что цепь вещей имеет невидимые разрывы. «Люди, слабо видящие, не могут понять, чего ищут люди, хорошо видящие: им кажется, что они видят все, что нужно... Мир природы и жизни так понятен для людей с грубым умом и так непонятен для людей с умом глубоким и тонким... Первые живут не удивляясь и не беспокоясь, жизнь вторых — непрестанное удивление».

Опасно. Человек мог, всегда может не проснуться от уверенного сна. Он ищет и вроде бы находит, убеждается, преодолевает колебания, утверждается на столпе истины. «Так разрешаются все сомнения, религиозные и другие, на Востоке, что производит замечательные религиозные движения, но никогда — науки».

Один литературовед (П. Палиевский) цитирует из розановских «Опавших листьев», короба второго, запись 292: «Все-таки я умру в полном, в полном недоумении. В религиозном недоумении. И больше всего в этом Фл. виноват. Его умолчания». Литературовед толкует это так: Розанову, называвшему Флоренского святым, нужно было разъяснения загадок религии, Флоренский же не хотел распространяться о сокровенных тайнах, они были ему слишком высоки, чтобы всякому Розанову выдавать. Не дождавшись слова истины, которое мог сказать только Флоренский, Розанов умер в религиозном недоумении.

Для нынешнего ожесточения умов эта кафкианская ситуация — недоумевающий умоляет, святой молчит, чтобы не осквернить истину профанацией,— кажется нормальной. Ждите ответа! Читая притчу о том, как привратник не пригласил войти просителя, просидевшего весь век перед вратами, а войти, оказывается, было можно, мы чуть не соглашаемся: а как же, не всем же входить. Для литературоведа как бы само собой разумеется: Флоренский наверху в молчаливых прозрениях, Розанов внизу в неразрешенных сомнениях.

Контекст записи 292 показывает другое. Умолчания Флоренского, из-за которых «умру в полном религиозном недоумении»,— это нежелание священника, религиозного писателя говорить о неблагополучии в Церкви, неготовность расслышать трудные вопросы, победоносная уверенность. Розанов не людей понимал через отвлечения, а наоборот. Флоренский был для него современное православие в самом своем чутком, тонком, подвижном элементе. Но по-

чему даже в нем победительная жесткость? Почему нет простой жалости к разведенным (церковь не утверждала гражданского развода), к «незаконнорожденным», детям поневоле невенчанных родителей (Церковь не записывала таких детей за реальными отцами)? Почему Флоренский пишет: «Церковь бьет киутом, потому что иначе стало бы хуже»? Не надо кнутом! Откуда уверенность для кнута?

Розанов в себе такой не знал. У него не хватало уверенности даже для критики правительства, которое кто не бранил? Розанову не до того. «Бежать бы как зарезанная короаа, схватившись за голову, за волосы, и реветь, реветь, о себе реветь, а конечно не о том, что *правительство плохо*».

«Умру в религиозном недоумении» — это значит у Розанова: если прислушаться к Флоренскому, выше которого кто же,— на других нечего и смотреть; но если смотреть даже на лучшего во всей Церкви, какой приходит раз в десятилетия, то и в нем пугающая твердость. «Что же это в конце концов за ужасы, среди которых я живу, ужаснее которых не будет и светопреставления. Ибо это — друзья близкие, самые лучшие встреченные люди, и если нет, *у которых — тепла*, то где же еще-то тепло?.. Семья насколько страшно нужна каждому порознь, настолько же вообще все, коллективным национальным умом, коллективным христианским умом, собирательным церковным сердцем — к ней равнодушны и безучастны... Флоренский мог бы и смел бы сказать: но он более и более уходит в сухую, высокомерную, жесткую церковность. Засыхают цветочки Франциска Ассизского».

Так быть не должно. Значит, Розанову и здесь дома нет. Значит, он останется один. «Неужели не только судьба, но и Бог мне говорит: *Выйди, выйди, тебе и тут места нет*? Где же *место*? Неужели я без *места* в мире? Между тем, иесмотря на слабости и дурное, я чувствую — никакого *каинства* во мне, никакого *демонства*, я — самый обыкновенный человек, простой человек, я чувствую — что хороший человек. Умереть без *места*, или без *места*, нет, главное — все это без малейшего желания борьбы».

Но от печали этого, последнего расставания вдруг и Флоренский, снова «святой Паскаль», и Церковь вспыхивают для Розанова золотым светом, как в предсмертных записках. «Как не целовать руку у Церкви, если она и безграмотному дала способ молитвы: зажгла лампаду старуха темная, старая и сказала: *Господи помилуй*... Легче стало на душе одинокой, старой. Кто это придумает? Пифагор не *откроет*, Ньютон не *вычислит*. Церковь сделала. Поняла. Сумела».

Старуха старая, темная, одинокая — тут сам же Розанов и есть.

С удивлением перед чудом мира, с дрожью за него и расставаясь с ним Розанов так и пробыл всю жизнь. Как в песне «Кроткая» из «Апокалипсиса нашего времени». «Ты не прошла мимо мира, девушка... Ты испуганным и искристым глазком смотрела на него. Задумчиво смотрела... И сердце стучало. И ты томилась и ждала. И шли в мире богатые и знатные. И говорили речи. Учили и учились. И все было так красиво... И тебе хотелось подойти и пристать к чему-нибудь... Но никто тебя не заметил и песен твоих не взяли. И вот ты стоишь у колонны. Не пойду и я с миром. Не хочу. Я лучше останусь с тобой. Вот я возьму твои руки и буду стоять. И когда мир кончится, я все буду стоять с тобою и никогда не уйду».

Что он имел от этого? Странное дело — непомерно много. Потому что, похоже, только растерянное удивление перед целым миром дает человеку впервые свободно вздохнуть. Что нигде, как над бездной, человеку нет уюта, что только над бездной можно пить чай, кажется невероятным. Но мы слышим легкий голос Розанова, задыхающийся от ровного счастья, и начинаем догадываться: неужели вправду человек может найти себя только на краю вещей, и другого родного дома, как там, ему нет? Только там он вспоминает, что умеет петь. ●

Технологии-90

Четвертый раз влиятельная французская газета «Монд» выпускает приложение «Рассказ о новых технологиях». Не претендуя иа исчерпывающую полноту, журналисты рассказывают о некоторых наиболее интересных, на их взгляд, технологиях.

Видеть, как кошка

Видеть ночью, видеть, не будучи увиденным,— редкое и ценное качество. Прогресс военной науки уже в семидесятых годах сделал его реальным для некоторых армейских подразделений. В приборах ночного видения, называемых оптроническими, используется инфракрасное излучение. Теперь подобная техника приходит на помощь исследователям в метеорологии, в службе контроля за морской и земной поверхностью, в некоторых отраслях промышленности и медицины.

● В кабине боевого вертолета, снабженного приборами ночного видения.

Компьютеры говорят по-новому

Появление персонального компьютера в середине семидесятых годов сделало необходимым разработку новых языков программирования. Это связано с тем, что к работе с ЭВМ сразу же пришли ученые, инженеры, бизнесмены, не являющиеся специалистами собственно по компьютерам. Именно тогда резко возросла роль прикладного программиста как посредника между пользователем и машиной; одновременно появилась идея диалога пользователя с ЭВМ на языках, близких естественным. Хотя и сейчас около 90 процентов программистов имеют дело с «классическими» языками, успешно работают и новые языки объектно-ориентированного программирования. Уже из названия видно, что они манипулируют не данными, а объектами. Компьютер сам движется к указанной цели. Этот способ очень продуктивен при создании баз и банков данных, экспертных систем. Работая с объектно ориентированными языками, на экране компьютера можно соединить изображение, текст, звук.

● Внешний вид фасада этого венского дома сконструирован в результате работы с новым языком программирования. Это — знаменитые «окна Макинтоша».

Каждый, кто хоть раз играл с персональным компьютером, видел созданный методами объектно - ориентированиого программирования миогооконный интерфейс, спрашивая, например, во время игры точное время. При профессиональной работе такой интерфейс позволяет манипулировать одновременно несколькими подпрограммами.

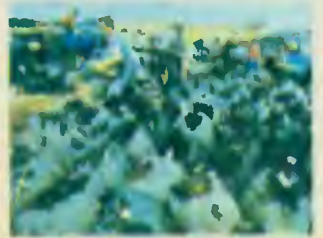
Возможно, что будущее программирования именно за объектно-ориентированными языками.

Эти драгоценные морские водоросли...

От них долго отказывались, их не считали полноценным продуктом, а теперь морские водоросли необходимы в питании, незаменимы в медицине и сельском хозяйстве.

Где же еще искать новую пищу, как не в морях, этих обширных и по существу совсем не разработанных полях нашей планеты? Человек давно использует древние морские растения. Каждый год их список пополняется новыми названиями, но, увы, служат человеку лишь два десятка из огромного количества морских водорослей: 20—30 тысяч видоа насчитывается во всех морях и океанах планеты — красные, зеленые, бурые, голубые. Их размеры — от почти микроскопических до тридцатиметровых гигантов. Активно используют их текстильные, бумажные, пищевые, медицинские производства. Уже начато строительство бассейнов для получения морских водорослей. Для наиболее ценных видов разработана техника выращивания из семян в лаборатории, а затем пересадка молодых водорослей на тросах в море.

● Традиционный рынок морских водорослей в Бретани.

Но, конечно, серьезная наука о морских водорослях еще в начале пути.

Генетика и рынок

Европейское экономическое сообщество разрешило в 1990 году генетические эксперименты вне лаборатории. Впервые в продажу выпушена партия «генетически измененных» дрожжей.

Год за годом средства молекулярной биологии изменяют природу. В лабораториях уже существуют устойчивые к гербицидам растения табака и свеклы, негниющие томаты, разнообразные цветы с новыми необыкновенными оттенками, бактерии и дрожжи, запрограммированные для сельского хозяйства и пищевой индустрии. Многие промышленники и агрономы высоко оценили их достоинства. Во Франции за последние три года под контролем Национального института агрономических исследований произведены пятьдесят внелабораторных экспериментов по выращиванию генетически измененных растений, а в Англии впервые в мире были выпущены на рынок генетически измененные пекарские дрожжи. У биотехнологии грандиозные перспективы, но ученые предупреждают, что экология измененных или создаваемых человеком видов еще плохо изучена и нельзя исключить риск неконтролируемого распространения опасных организмов. Особой осторожности требует работа с микроорганизмами.

● Цветок хлопка. Генетические изменения избавили его от вредных насекомых.

Читатели — читателям *(по письмам номера 1 1991 года)*

О. ЖУКОВ (*г. Краматорск*): Письма читателей,— на мой взгляд, один из наиболее интересных разделов вашего журнала. Ведь письма, как правило, искренни. Знание же того, что думают другие,— это очень важно. С одной стороны, многие люди всем недовольны и хотят улучшений, с другой — боятся перемен. Увы, без коренных перемен не может быть и коренных улучшений.

Это же относится и к письму Овчинниковой из Ульяновска. Она ругает редакцию за отсутствие цензуры, авторов статей — за то, что у них иная точка зрения, чем у нее, Запад — за то, что там не так, как у нас. Короче, из-за отсутствия доводов она ругает всех. И уже одно это обстоятельство говорит о том, что она не права.

С мнением же Э. Геймберга из Ленинграда и Е. Гаркави из Москвы я не согласен совершенно. О каком примате веры над разумом можно говорить, если атеизм — это тоже вера! Л. Толстой в шестьдесят лет изучил древнееврейский язык только для того, чтобы в подлиннике читать Библию! А Коран, а буддийские священные книги? Не зная их содержания, разве можно понять народы Востока? Мы в свое время отрицали многие виды знаний и постепенно скатывались к варварству, ибо только всеохватывающее знание — сила.

А. СМОЛЯКОВ (*Московская обл.*): Прочел в номере 1 за 1991 год подборку писем «За и против религии». Удивительно, какими фанатичными и нетерпимыми могут быть атеисты! Странно, что среди читателей такого интеллигентного журнала, как «Знание — сила», есть такие люди. Ну да Бог им судья. Мы все бываем некрасивыми в нелучшие моменты нашей жизни.

А я хочу сказать: продолжайте печатать творения религиозных мыслителей. Я, подписчик вашего журнала с шестнадцатилетним стажем, буду с нетерпением ждать новых публикаций отца Александра Меня, Бердяева, Соловьева. Продолжайте благородное дело просвещения наших несчастных, озлобленных, запутавшихся людей.

М. САЛЫКИН (*Тамбовская обл.*): Тов. Овчинникова защищает социализм. А вот мне горько и обидно за нашу прекрасную Россию. До чего же довела ее эта самая система социализма! Сам я из крестьян, не помещик и не кулак, инвалид, ветеран войны и труда. Что мне дал социализм? Семьдесят рублей на хлеб, который дают по карточкам! Очень прошу опубликовать, иначе сердце разорвется от несправедливости.

Н. РЫБАК (*г. Басмач, Украина*): Отвечаю Е. Гаркави из Москвы: религия — это не примат веры, а сама история человечества, история духовности и морали человека. Ведь нравственность, добро, правда и есть наше спасение в этом мире, а не техническая революция, в результате которой мы себя обрекли на самоуничтожение. Надо стать духовно, нравственно зрелыми, чистыми — только тогда возможен переход на высшую ступень овладения знаниями о Вселенной, в которой мы живем. Без религии нам не стать страной высокоразвитой цивилизации.

О. ЛЕВИНСКИЙ (*Винницкая обл.*): Я выписываю «Знание — сила» почти сорок лет. Возможно, я ошибаюсь, но думаю, что такие материалы, как статья А. Меня, следует публиковать в религиозных изданиях. А то вот получается, что представителю православной церкви предоставили страницы журнала, а как быть с католической, греко-католической и другими? Я не презираю верующих, я не «воинствующий атеист». Пусть верят, но «Знание — сила» — не для таких публикаций.

Ю. ЖУРАВЛЕВА (*г. Алма-Ата*): Хочу посоветовать Э. Геймберг повнимательнее перечитать Библию, так как это, напротив, самая нравственная и поучительная из всех книг — ведь именно в ней содержится десять заповедей, соблюдая которые люди должны жить на Земле, атеисты они или верующие, ведь именно эти заповеди учат нас быть нравственными, правдивыми и честными людьми.

А теперь о тех примерах, которые Э. Геймберг приводит в своем письме. Насчет Иуды, который якобы после смерти жены пошел к скоту и утешился. Цитирую из Библии (Бытие, гл. 38, стихи 12, 13): «Иуда, утешившись, пошел в Фамну к стригущим скот его». «И уведомили Фамарь, говоря: вот свекор твой идет в Фамну, стричь скот свой». А о скотоложестве в Библии сказано так: «Всякий скотоложец да будет предан смерти» (Исход, глава 22, стих 19). Насчет будущего царя Давида и сына царя Саула Ионофана. Они не были педерастами. В 1-й книге Царствий, гл. 18, стихи 1, 3 читаем: «Когда кончил Давид разговор с Саулом, душа Ионафана прилепилась к душе его, и полюбил его Ионафан, как свою душу». В Левите же — глава 18, стих 22 — читаем: «Не ложись с мужчиною как с женщиною, это мерзость». Как видите, педерастия и скотоложество в Библии осуждаются, более того, считаются смертным грехом. «Вырывать» отрывки из Библии — это опасное дело, можно неизвестно до чего договориться.

С. НАУМОВА (*г. Казань*): Библия — очень тонко и умно написанная книга, над ней надо размышлять. Просьба к редакции: рядом с такими письмами, безграмотно толкующими какое-либо произведение, надо бы приводить мнение специалиста по затронутому вопросу. Иначе не знающих источника такие письма могут ввести в заблуждение, а у знающих вызывают недоверие к журналу.

К. ЕРШОВА (*Магаданская обл.*): Обратила внимание на полемику о религии. Я приветствую публикации в вашем журнале материалов на религиозные темы. Нельзя забывать о тесной связи мировой культуры с религией и древним мифотворчеством. Я думаю, человеку, не имеющему понятия о Библии, трудно будет, к примеру, читать изумительный роман Т. Манна «Иосиф и его братья». Я уж не говорю о классической европейской живописи, почти целиком построенной на библейских и античных сюжетах. Знакомство читателей журнала даже с малой частицей этих богатств — благое дело.

М. СОКОЛОВА (*г. Кинель*): Повсюду религиозная вакханалия. Оболванивают народ. И никаких протестов, все молчат. Никто не возмущается этим массовым психозом. Говорят, что раньше у нас не было духовной пищи. Но разве духовная пища — это вера в несуществующего бога? Я считаю, духовная пища — это наука, литература, искусство.

Только с революцией проснулась Русь лапотная, почти сплошь неграмотная. Люди потянулись к знаниям, к культуре. Вот с тех пор и ослабла тяга к церкви, и вера в бога. Как бы ни изощрялись церковники сейчас, дороги к прежним временам не будет. Конечно, понятно стремление духовенства увеличить число верующих. Верующие — это для них хлеб насущный, это комфортная жизнь. Больше всего меня возмущают и пугают разговоры о преподавании закона божьего в школе. Не хочу, чтобы оболванивали моих правнуков.

А. ГУРЕВИЧ: С изумлением прочитал в № 1 письмо Е. Гаркави. Она не понимает, не ведает, что творит, и Бог ей судья. Остается только молиться за нее и ей подобных, да спасутся они нашими молитвами от неверия, непонимания и злобы. Я же очень хочу поблагодарить вас за статьи о. Александра, читал их запоем. Умоляю вас, не обращайте внимания на письма, подобные письму Гаркави (надеюсь, что таких немного). Публикуйте, пожалуйста, как можно больше из наследия о. Александра Меня и других богословов. Ради этого, в частности, я и стал вашим подписчиком после двухгодичного перерыва.

А. АКИНФИЕВ (*Москва*): Очень благодарен вам за публикации работ А. Меня. Его комментарии к Ветхому завету воспринимаются мной как живой диалог между Знающим и Страждущим. Как странно и страшно совпадение этих публикаций с его трагической гибелью и как вместе с тем удивительно, что это совпало.

Я, конечно, читал и «Экклезиаста», и «Книгу Иова», и «Книгу Руфи», но читал один, будучи по воспитанию атеистом, будучи оторванным и от христианской, и от любой религиозной традиции, как большинство наших соотечественников. Ветхий и Новый завет всегда манили меня трудностью понимания, мудростью и верой, что и я смогу это постичь. Но без Учителя многие вещи такого плана непостижимы. Теперь таким учителем для меня может стать и, думаю, станет Александр Мень. Был бы он жив, я бы не решился прийти к нему поговорить. А сейчас, когда его нет, я имею смелость, читая, спорить с ним и надеяться, что пробьюсь к истине. Надеюсь на новые публикации этого цикла, связанные с комментарием Библии. Какое счастье, что он много успел и общение с ним еще впереди.

По поводу статьи Т. Шанина «Иное всегда дано...» (№ 9, 1990 год)

М. АНОХИН (*г. Прокопьевск*): Всегда интересно послушать иную сторону, особенно если эта иная сторона представлена неординарными личностями, такими, как профессор Манчестерского университета Т. Шанин. Его взгляд на беды общества как пороки прогрессистского мышления достаточно нов для нашего, воспитанного на школьных программах, мышления. Иронизируя над нашими попытками копировать Запад, профессор говорит: «И выходит, что вы встаете в очередь за теми, кто уже в тупике. Потому что для наиболее передовых ученых Запада совершенно ясно, что с нашим капиталистическим обществом что-то не получилось».

Действительно ли мы в «очереди за теми, кто уже в тупике»? Или иначе — в тупике ли капитализм? Речь может идти о техническом и моральном прогрессе, иначе — о прогрессе социальном! На последнем мы и сосредоточим свое внимание, поскольку образ мышления и есть образ общественных сил. Отметим только, что все моральные ценности открыты были в глубине тысячелетий. Новое время ничего нового в эти ценности не добавило, поскольку к истине нельзя ничего добавить и от нее нельзя ничего отнять без того, чтобы она перестала быть истиной.

Такая истина есть — это неотъемлемое или природное право человека, которое он, будучи общественным существом, полностью (первобытный коммунизм) или частично передал общественной организации (племя, государство). Эти данные сами фактом бытия права могут быть и отняты государством. Чаще всего — добровольность и принуждение сочетаются, освященные конституциями или иными законодательными актами. Соотношение принуждения и добровольности и есть показатель общественного прогресса.

Человечество неоднородно, оно представлено народами, расами, стоящими на эволюционной шкале (имеется в виду социальное развитие) на довольно значительном удалении друг от друга. Попытки перепрыгивать через эволюционные этапы заведомо обречены, поскольку духовная природа человека, отображенная в его менталитете и, следовательно, в менталитете народа, нации, есть самая косная материя. Искусственный перенос не вызревшего духовно народа в общественную среду с иным менталитетом вдвойне абсурден. С этой точки зрения, мы вынуждены пройти весь путь европейской цивилизации, от «дикого» периода первоначального накопления капитала (и это уже проходим!) до постиндустриального общества с высочайшим уровнем социальной защищенности.

Народы, живущие в постиндустриальном обществе, встречаются с противоречиями, снимая их в своем духовном развитии, изменяя свой менталитет, они переходят в качественно новое состояние, и все меньшую часть собственного суверенитета человек передает обществу, высвобождая космическое «я» из тесных оков общественного дома, каким бы просторным он ни казался тем народам, которые не прошли такого пути.

Ссоры или конфликты знакомы любому. Однако, переживая разлад, все убеждены, что их случай особенный, уникальный. Отчасти так и есть, поскольку каждый человек неповторим. Но шведский исследователь Ханс Бродаль, реферат статьи которого подготовила М. Шаскольская, считает иначе. Он и его коллеги — представители достаточно нового научного направления социальной экологии. По их мнению, конфликт — это болезнь, вызываемая «микробами лжи и зла». Поражая разных людей и разные социальные группы, это заболевание, как и всякое другое, имеет свои характерные черты и протекает всюду примерно одинаково. Симптомы и стадии нарастающего конфликта, выделенные автором, настолько очевидны, что остается лишь удивляться, как мы не замечали их раньше. Впрочем, правильно говорится: «Очевидное — это то, что никогда не видишь, пока кто-нибудь другой не сформулирует это достаточно просто».
Мы надеемся, что публикация окажется полезной всем, в том числе, кто знает, быть может, и нашим народным избранникам. Жизнь показала, что они порой даже сильнее подвержены действию болезнетворных «микробов», чем обычные люди. Это подтверждают, в частности, события в Моссовете, хронику которых мы даем в статье.

Х. Бродаль,
Институт социальной экологии,
Гётеборг, Швеция

Девять ступеней вниз, *или* *Ссоры — конфликты — войны*

Диагностика конфликта

Две противоположные тенденции господствуют в отношениях людей, и нам приходится постоянно балансировать между ними — между эмансипацией, стремлением высвободиться и все возрастающей взаимной зависимостью. Эмансипация может выражаться в самых разных ситуациях: женщина — мужчина, младшее поколение — старшее поколение, служащий — предприниматель, развивающиеся страны — развитые страны, страны Востока — страны Запада. Чаще всего она проявляется, когда интересы одной группы сталкиваются с интересами другой. Главное же, что затрагивает эмансипация,— проявление индивидуальности и собственной сущности.

Ей противостоит взаимная зависимость, которая сегодня стала сильнее, чем когда бы то ни было. В основном она задевает наше социальное сознание и способность соотносить себя с другими. И все, что происходит в мире, так или иначе влияет на нашу жизнь, будь то наш хлеб насущный, одежда, энергетические или экологические проблемы, дорожное движение и т. п. А мы? Мы все старательнее стремимся сохранить равновесие в стремительно усложняющейся жизни.

Неудивительно, что ныне очень трудно найти человека, который не испытал бы на себе, что значит вступить в конфликт. Мы знаем, как это происходит,— зрелость суждения снижается, уважение к «противной стороне» падает. Как будто некие силы или существа овладевают нами и диктуют поведение по отношению к другому. Чем глубже зашел конфликт, тем меньше люди способны оценивать свои собственные поступки и тем труднее выходят из него.

Конфликт возникает там, где одерживает верх одна из противоположных тенденций. Плохо, когда эмансипация ведет к **эгоизму** — отрицательной стороне индивидуализма. Но ничуть не лучше, если взаимная зависимость превращается в коллективизм, то есть побеждает определенная система, позволяющая пренебречь человеком как индивидуальностью.

Мы рассматриваем конфликт как болезнь. Эта болезнь свойственна как людям, так и социальным организмам: она возникает внутри групп или между группами, организациями, сообществами, нациями. В самой болезни уже есть вся информация, необходимая для выздоровления, есть там и сила, чтобы эту болезнь преодолеть. Таким образом, началом лечения будет диагноз. Но очень важно, чтобы диагноз ставился вместе с теми, кого затронул конфликт. Тогда это превращается в первый шаг на пути разрешения конфликта. Существует пять важных аспектов диагноза:

1. Истоки конфликта, то есть субъективные или объективные переживания сторон, способы «борьбы», события внутри конфликта, противоречие мнений или конфронтация.
2. Биография конфликта, то есть его история и фон, на котором он прогрессировал; нарастание конфликта, кризисы и поворотные точки в его развитии.
3. Стороны конфликта, будь то личности, группы или большие сообщества. В зависимости от этого определяется уровень социальной сложности.
4. Позиция и отношения сторон, формальные и неформальные; их взаимозависимости, их роли, личные отношения и т. п.
5. Исходное отношение к конфликту — хотят ли стороны решить конфликт сами, каковы их надежды, ожидания, условия.

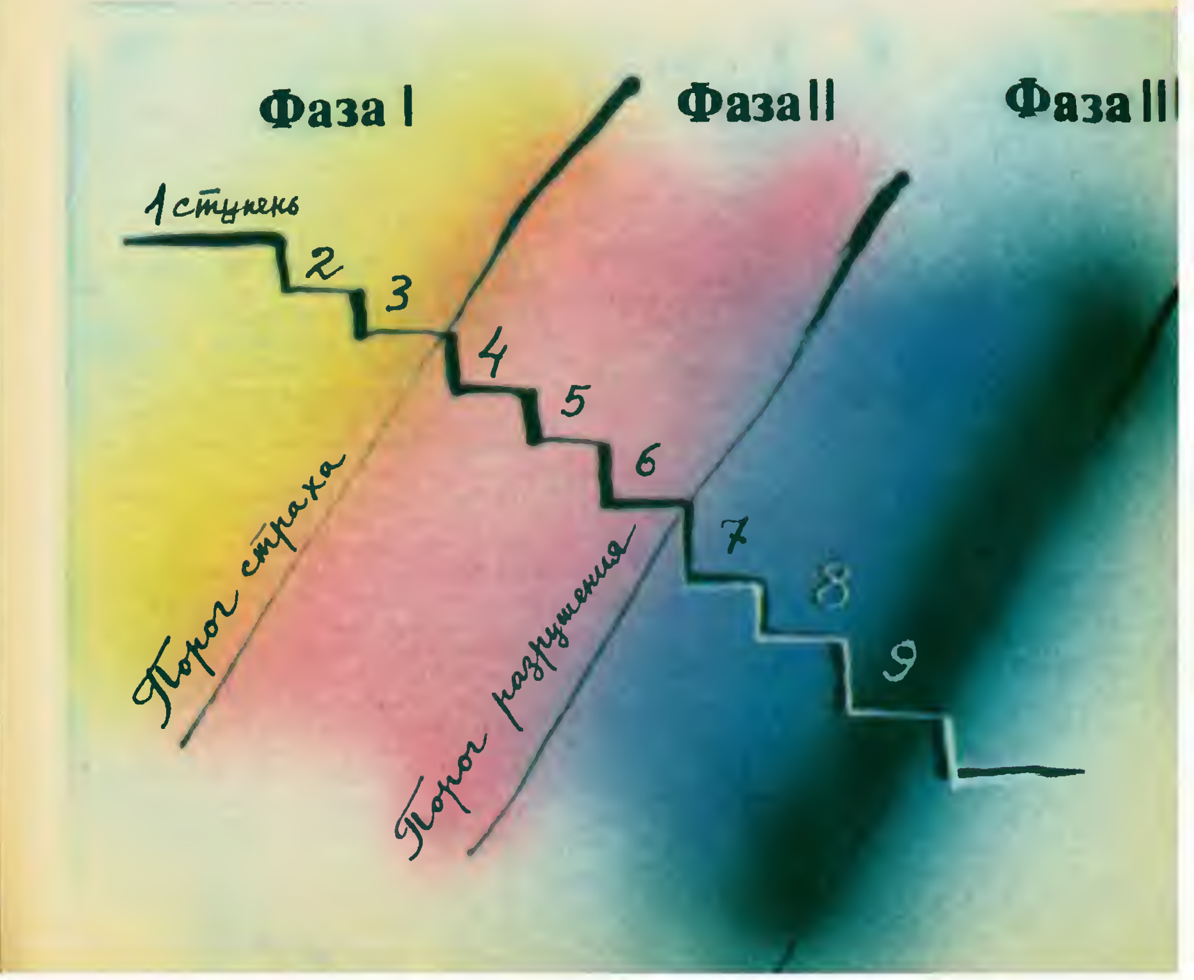
Как и большая часть болезней, конфликт начинается вполне невинно и заходит все дальше. Но его участники не замечают этого, пока дело не становится серьезным.

Развитие конфликта напоминает спуск по лестнице — мы как бы спускаемся шаг за шагом по ступенькам, и при каждом шаге наши обычные сознание и зрелость рассудка понижаются. Внешне это проявляется в том, что мы все меньше способны видеть реальную социальную ситуацию, самих себя и свое окружение. В этом спуске можно различить три фазы и в каждой фазе три шага. Переходя от одной фазы к другой, мы каждый раз переступаем опасный порог.

От надежды — к страху

Что представляет собой **фаза I**? На этой стадии проявляются силы, действующие на мышление. Стороны осознают существование напряжения и противостояния в своих отношениях. Они хотят избавиться от этого и найти совместное решение, исходя из самого спорного факта и обсуждая все «за» и «против». Постепенно между сторонами возникает все больше «камней преткновения», растет раздражение, позиции ужесточаются. Основной вопрос сводится к тому, как убедить противоположную сторону. Это превращается в словесную битву, где каждый, убеждая противника, старается утвердить свое интеллектуальное превосходство. Круг дозволенных средств расширяется. И все-таки здесь в некотором смысле присутствует честная игра, игра по правилам. Иными словами, пока не перейден порог первой фазы, еще можно найти решение вместе с другой стороной.

А теперь сделаем три шага вниз.

Первая ступень. Дискуссия и аргументация. Для первой ступени характерен переход к стереотипам: точки зрения участников, их поведение становится как бы «затверженными». Интерес к мнению соперника постепенно теряется, начинается замыкание на собственной позиции. Подыскиваются сильные и веские аргументы в надежде, что рано или поздно другая сторона поймет и сдастся. Встречи начинают напоминать испорченную пластинку — вам заранее известно все, что будут говорить обе стороны.

Уже на этой, первой ступени появляется стремление к дроблению и формированию групп. В конкретных вопросах у людей есть симпатия к той или иной точке зрения, и они принимают ее, не задумываясь и считая своей собственной. Постепенно процесс захватывает все больший круг вопросов, а различные члены группы получают определенные роли.

В одном учреждении для детей с нарушениями развития сотрудники отвечали и за лечение детей, и за их обучение в школе. Школа располагалась в том же здании. По этому поводу две «сильные» личности имели два несхожих мнения.

Мнение X:— Наши дети имеют право на чувство дома и школы, как все другие дети. Мы должны дать им возможность переживать два разных мира.

Мнение Y: — Общая задача в нашем учреждении — терапия. Мы должны иметь одну терапевтическую программу в течение целого дня как в домах, так и в школе. Подход должен быть единым.

Сотрудники часто встречались на рабочих совещаниях, и все протекало нормально, пока не затрагивался вопрос о терапии и школе; здесь X и Y собирали своих сторонников, и обсуждение принимало характер «заезженной пластинки», оно становилось механическим, что проявлялось даже в голосах.

Поскольку стороны зависят одна от другой и хотят прийти к согласию, они стараются как можно дольше «вести себя наилучшим образом». Затем приходят разочарование и отказ от надежд. Если стороны не видят этих механизмов нарастания, им легко соскользнуть на следующую ступень.

Вторая ступень. Споры и доведение до крайности. Теперь замечаются только те факты, которые «совпадают» с собственными интересами. Стороны подбирают аргументы и начинают рассчитывать действия. Для участников по-прежнему очень важно вести игру правильно. Но лишь для того, чтобы показать, как неправильна позиция другой стороны. Аргументация доводится до крайности так, чтобы мнения стали полярными. Мышление и способность к сопереживанию «затвердевают» и становятся односторонними.

Теперь вопрос ставится «или — или». Дробление и объединение групп становятся явными, образуются подгруппы, которые встречаются неформально и разрабатывают стратегии. Человек начинает принадлежать к той или иной группе. Не принадлежать к группе становится очень трудно.

В том же учреждении персонал разделился на две подгруппы, которые встречались тайно. Никто, кроме главных действующих лиц, не знал, сколько входит туда людей. Не было известно, когда происходят собрания и что на них делается. Но на общих совещаниях об этом никогда не упоминалось. Только немногие сотрудники принимали участие в обсуждениях конфликта «терапия — школа». Время от времени возникали вспышки, но вслед за ними стороны пожимали друг другу руки и говорили «давайте забудем». Вопрос стал выходить за рамки исходного конфликта.

Участники конфликта все еще сохраняют чувство, что **решать проблемы надо вместе.** Однако одновременно с этим у них нарастает ощущение безнадежности, а встречи с противником все чаще рассматриваются как потеря времени. Сознание как бы цепенеет, а потому конфликт переходит на следующую ступень.

Третья ступень. Время действовать, а не говорить. Итак, стороны приходят к выводу, что продолжать переговоры бессмысленно. Аргументы не помогают — надо действовать. Обе стороны демонстрируют свою твердость и независимость от противника. Они не собираются поступаться своей позицией, но убеждены, что решительные действия постепенно убедят другую сторону. Увидят — убедятся.

Чувство принадлежности к группе и солидарности с ней постоянно крепнет. Мышлению уже не до оттенков, все делается или черным или белым. Поскольку разговоры с соперниками прекращаются, теперь то, что происходит, — уже вопрос интерпретации. Важно действовать по возможности быстро и решительно.

Две подгруппы перестали встречаться на рабочих совещаниях — у каждой началась своя собственная жизнь. «Терапевтическая» группа имела большинство в совете, но на «школьной» стороне был сам директор. Его группа решила строить новое большое здание и таким образом придать большее значение школьной стороне жизни. В школу должны были ходить и другие дети, живущие в городе. Замысел противника «обнаружила» другая подгруппа и восприняла как угрозу всей рабочей ситуации.

На этой стадии утрата коммуникации создает ощущение страха, и тогда начинаются действия. Вся конфликтная ситуация приближается к **порогу страха**. Иначе говоря, стороны действуют из страха перед тем, что может сделать соперник. Это — могучая сила, лишающая людей «нормального» мышления. Она начинает влиять на самые основы жизни чувств.

От страха — к потере облика

И тогда порог страха оказывается позади: конфликтующие вступают в **фазу II** — это стихия сил, действующих на жизнь чувства.

Теперь вопрос о разнице точек зрения не стоит — фокус переместился в сторону отношений. Участникам уже трудно быть вместе и как-то взаимодействовать. Мало-помалу на пути к любому истинному пониманию ситуации возникают ложные образы противника. Нарастают недоверие и отсутствие уважения. В конце концов обе партии приходят к выводу, что их собственные цели и чаяния могут быть реализованы только при исключении другой стороны.

Однако здесь все еще сохраняется некий предел, понимание того, что можно допускать по отношению к другой стороне. Некоторый остаток чувства человеческого достоинства присутствует, пока не перейден второй порог — порог разрушения.

А теперь — еще три шага вниз.

Четвертая ступень. Ложные образы. Представления друг о друге превратились в стереотип, и все идет к тому, что подтверждаются худшие подозрения. Нет никакой надежды, что «они» когда-нибудь изменятся. «Они» всегда такими были и только теперь раскрылись в своих действиях. Все явственней отрицательные черты противника и, главное, положительные черты своей стороны. Идет работа по вербовке сторонников — им рассказывают «правду» о соперниках и перечисляют собственные достоинства. Это так захватывает, что с трудом можно думать или говорить о чем-то другом. Любая попытка внутри группы преодолеть черно-белое мышление, показать его однобокость обречена на провал. Те, кто пробует это сделать, изгоняются и считаются ненадежными. Обычно для данной стадии характерно сильное лидерство, и оно стремится к авторитарности.

В нашем учреждении возникло множество слухов: вся подгруппа X находится под влиянием основателя, ушедшего на пенсию много лет назад. Г-н X — просто-напросто его рука и получает инструкции непосредственно от него. Вся подгруппа X находится под гипнозом...

Подгруппа Y — бунтовщики и мятежники. Г-н Y и другие лидеры его группы всегда отличались некомпетентностью в работе и никогда не понимали общих идей учреждения...

Когда в учреждении появлялись новые люди, их ловила какая-нибудь из групп и рассказывала им «всю правду».

Общая атмосфера сделалась очень скверной. Многие уволились. Текучка среди персонала стала весьма высокой. Дети страдали от сложившейся ситуации, обе подгруппы обвиняли в том друг друга. Множество слухов расходилось по другим учреждениям и в городе.

Теперь уже идет борьба, «кто кого». Участники борьбы понимают (может быть, подсознательно), что тот положительный высокоморальный образ, который они составили о самих себе, и низкий, мрачный облик соперника — оба неверны. Это порождает страх. Страх расползается всюду.

Увеличиваются масштабы конфликта. Именно на этой стадии вовлекаются средства информации, чтобы помочь распространить отрицательный образ противника.

◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆

«...Мы считаем, что Попов выступающий как представитель демократических сил за законность, за соблюдение принципов демократии, не должен делать исключения для себя.

Сейчас же слишком много признаков того, что он использует ситуацию, чтобы получить тут преимущество. Отсюда невообразимая гонка, явный обход Московского Совета в ущерб его полномочиям».

(Из интервью представителя фракции коммунистов, депутата Моссовета Ю. Виноградова, «Куранты», 15 мая 1991 года, № 90)

◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆

«При тщательном сопоставлении фактов все более склоняешься к мысли, что руководство специально ничего не предпринимает, чтобы доказать москвичам, что Моссовет (впервые демократически избранный орган советской власти) вообще не работоспособен, а эта мысль, в частности, неоднократно высказывалась в прессе председателем Моссовета Г. Поповым».

(С. Филимонов, народный депутат Моссовета, «Куранты», 17 мая 1991 года, № 92)

«Итак, Моссовет находится перед угрозой разложения путем коррупции одной части депутатов и бесплодной имитации работы — другой. Поэтому нам необходимо поддержать

Пятая ступень. Потеря облика. Уже на предыдущих ступенях были попытки подтолкнуть другую сторону к показу того, «каковы они на самом деле», то есть к потере облика. Теперь атаки становятся все откровеннее, причем постоянно говорится о морали и этике. Создаются мифы о противнике. Атмосфера делается все более грязной. Каждая сторона считает себя борцами за правду. Собственные достоинства всячески раздуваются, а чужой образ сводится к черной тени. Цель оправдывает средства. Все механизмы, действовавшие на четвертой ступени, становятся еще интенсивней

Ситуация в нашем учреждении все больше превращалась в борьбу на уровне власти. Подгруппа X имела прямые контакты с властями. А потому директор мог составить и подписать новый контракт на основе идей своей подгруппы, а значит — окончательно выиграть битву. Зато подгруппа Y имела большинство в совете, и в ее власти было переизбрать директора и выбрать нового, с «правильной» установкой. Каждая группа таким образом запасла «бомбу», способную создать совершенно новую ситуацию. Были втянуты многие люди со стороны. Загрязнение атмосферы увеличивалось, и от этого страдали все.

Обе стороны согласились на помощь третьей стороны.

Здесь часто бывает, что стороны испытывают торжество при проявлении темных черт соперника. Они чувствуют своей моральной обязанностью открыть всем на это глаза и предотвратить тлетворное влияние другой стороны на ход событий. Тогда легко случается, что кто-то один (а то и несколько человек) теряет облик. Часто избирается «козел отпущения», который и допускает такой шаг, что нередко ведет к трагическим последствиям.

Шестая ступень. Угрозы и власть. На этой стадии обе стороны обычно готовы использовать всю имеющуюся власть, чтобы убрать противника со сцены. Они используют угрозы как средство давления, а в ответ легко могут вызвать еще более сильную реакцию. Свое мнение становится незыблемым. Соперники видят друг у друга только темные стороны и считают себя единственными хранителями морали.

Когда события достигают такой стадии, верх берут очень темные силы, жертвой которых становятся втянутые в конфликт люди.

Мнение подгруппы X было следующим: «Мы подпишем контракт с властями в любом случае, и нам нет никакого дела, если несогласным придется уйти. Уйдут — еще лучше. Или они соглашаются с нами, или...»

Подгруппа Y заявила: «Давайте организуем выборное собрание и демократическим путем изберем нового директора (с правильным отношением). Мы готовы вышвырнуть этого директора и всех догматиков, которые с ним заодно. Или они соглашаются с нами, или...»

Чтобы победить, обе группы подталкивали своих лидеров к использованию власти. Но что-то все-таки мешало им перейти порог разрушения.

Люди становятся беспомощными и действуют панически. Их трудно остановить. И если не вмешается третья сторона, ничем не сдерживаемый конфликт рискует войти в последнюю, финальную фазу. И тогда будет перейден порог, ведущий к разрушению и насилию.

Это означает вступление в **фазу III**, где ярко проявляют себя силы, действующие на жизнь воли.

Потеря воли — путь к насилию

Если дело зашло так далеко, возникает военная ситуация. Стороны не видят друг в друге людей. Теперь уже можно использовать любые средства во имя морали, манипулировать чужой волей и разрушать все что угодно. На конечной стадии противники готовы разрушить даже самих себя, лишь бы не допустить победы врага.

Седьмая ступень. Ограниченное разрушение и насилие. На первый план выступает желание нанести ущерб сопернику. Возможности прийти к общему решению больше не существует. Любая попытка такого сорта отбрасывается. Разум парализован. Действия нацелены теперь на полное разрушение противника. Все делается для того, чтобы враг лишился источника силы.

Иллюстрацией подобного механизма может служить война на Фолклендских островах. Сперва было частичное разрушение: казалось, этого достаточно для убеждения врага. Для большей уверенности флотилия вывезла все запасы еды и других необходимых товаров.

Восьмая ступень. Разрушение нервного центра. Разрушение и насилие ужесточаются, и теперь они направлены на нервный центр противника, то есть на центр стратегической важности, будь то система принятия решений или управляющая система. Используется все, что может ослабить такой центр.

На Фолклендах эскалация конфликта привела к бомбардировке аэропортов на островах.

Девятая ступень. Тотальное разрушение, включая саморазрушение. На этой стадии невозможен ни один шаг назад. Только вперед, любой ценой. Вся имеющаяся сила используется без угрызений совести, вопрос стоит о тотальном разрушении, невзирая на последствия, даже на саморазрушение.

Болезнь дошла до конца — наступает смерть.

Вся эскалация конфликта в целом есть своего рода смертельный процесс. Силы смерти начинают работать сразу уже на первой ступени, хотя и в очень невинной форме

Цель нашей диагностики — лечение конфликта. Вот почему так важно распознать эти силы смерти и, исходя из них же, искать выход и исцеление

Опыт третьей стороны

Подобно тому, как мы находим средство против загрязнения природы в самой природе, а силы для борьбы с болезнью — в самом человеческом организме, мы отыскиваем силы, исцеляющие конфликт, в самом социальном организме, породившем разногласия. Часто надеются, что приглашенные, то есть третья сторона, найдут решение конфликта. Однако, если третья сторона возьмет на себя роль судьи, участники конфликта ничему не научатся. Более того, даже оказавшись в новом социальном окружении или в обществе других людей, очень скоро они попадут в подобную же конфликтную ситуацию. Нет, внешние средства здесь бессильны.

Вовлеченные в конфликт должны взять на себя ответственность за социальную ситуацию. Только работая над конфликтом, социальный организм может окрепнуть. Лечение должно помочь людям понять и принять то, что произошло. И нашу задачу как задачу третьей стороны мы видим в помощи этому процессу. А потому третья сторона должна соблюдать следующие правила:

быть максимально объективной;
быть нейтральной и не читать нотаций;
помочь сторонам найти дистанцию;
быть принятой обеими сторонами;
пользоваться доверием;
пробудить волю;
поднять сознание;
сделать роль третьей стороны явной;
понимать, что в качестве третьей стороны человек влияет на процесс всем своим поведением.

Лечение конфликта сильно зависит от того, на какой стадии он находится. И понятно, что общие методы исцеления – тема отдельной статьи. Правда, можно показать, как это происходит в конкретном случае.

Маленькая группа, представляющая обе стороны, обратилась к нам за помощью. Мы стали действовать. Нашей первой целью было остановить разрастание конфликта и повысить социальное понимание происходящего. Но хотя маленькая группа и нашла с нашей помощью некоторое взаимопонимание, им не удавалось повлиять на свои подгруппы.

Группа X не была заинтересована в участии третьей стороны И нам сказали, что могут пригласить нас попозже, но в ином качестве, когда конфликт исчерпается сам собой. При этом г-н X поведал, что они надеются решить проблему, поискав новое здание. Вместе с ним мы обсудили вопрос и выяснили, что такое решение может базироваться лишь на имеющейся у него власти. Однако в любом случае решение, основанное на применении власти, не будет — и никогда не бывает! — истинным выходом.

Г-н X, подумав, изменил свое мнение и теперь обратился к нам за помощью в разрешении конфликта без применения силы.

Приступив к работе, мы столкнулись

◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆

предлагаемую Г. Х. Поповым радикальную реформу исполнительной власти. Боязнь «новой диктатуры», «диктатуры Попова», высосана из пальца»

(Ю Коротких, В. Максимов,
П Макагонов.
народные депутаты Моссовета
члены блока
«Демокритическая Россия»,
«Куранты»,
18 мая 1991 года, № 93)

«Опубликованное в субботу письмо Гавриила Попова однозначно поставило перед депутатами вопрос: поддержат ли они председателя Моссовета как кандидата в мэры или нет? Если нет, то он может и подать в отставку. Эта перспектива вызвала бурную реакцию москвичей, которые в подавляющем большинстве уже проголосовали за выборы мэра столицы, причем многие подразумевали при этом, что им станет именно Гавриил Попов. Поэтому с утра возле Красного дома на Тверской встали пикеты москвичей с призывом «Поддержать Гавриила Попова на пост мэра столицы!».

..Часть депутатов запросила перерыва, после чего выступила с заявлением, которое свидетельствует об углублении раскола блока «Демократическая Россия».

Страсти накалились до того, что один депутат-демократ ударил другого демократа.»

(Наталья Гельман,
Сергей Стипарь
«Куранты»,
21 мая 1991 года, № 94)

Пятая ступень. Потеря облика. Уже на предыдущих ступенях были попытки подтолкнуть другую сторону к показу того, «каковы они на самом деле», то есть к потере облика. Теперь атаки становятся все откровеннее, причем постоянно говорится о морали и этике. Создаются мифы о противнике. Атмосфера делается все более грязной. Каждая сторона считает себя борцами за правду. Собственные достоинства всячески раздуваются, а чужой образ сводится к черной тени. Цель оправдывает средства. Все механизмы, действовавшие на четвертой ступени, становятся еще интенсивней.

Ситуация в нашем учреждении все больше превращалась в борьбу на уровне власти. Подгруппа X имела прямые контакты с властями. А потому директор мог составить и подписать новый контракт на основе идей своей подгруппы, а значит — окончательно выиграть битву. Зато подгруппа Y имела большинство в совете, и в ее власти было переизбрать директора и выбрать нового, с «правильной» установкой. Каждая группа таким образом запасла «бомбу», способную создать совершенно новую ситуацию. Были втянуты многие люди со стороны. Загрязнение атмосферы увеличивалось, и от этого страдали все.

Обе стороны согласились на помощь третьей стороны.

Здесь часто бывает, что стороны испытывают торжество при проявлении темных черт соперника. Они чувствуют своей моральной обязанностью открыть всем на это глаза и предотвратить тлетворное влияние другой стороны на ход событий. Тогда легко случается, что кто-то один (а то и несколько человек) теряет облик. Часто избирается «козел отпущения», который и допускает такой шаг, что нередко ведет к трагическим последствиям.

Шестая ступень. Угрозы и власть. На этой стадии обе стороны обычно готовы использовать всю имеющуюся власть, чтобы убрать противника со сцены. Они используют угрозы как средство давления, а в ответ легко могут вызвать еще более сильную реакцию. Свое мнение становится незыблемым. Соперники видят друг у друга только темные стороны и считают себя единственными хранителями морали.

Когда события достигают такой стадии, верх берут очень темные силы, жертвой которых становятся втянутые в конфликт люди.

Мнение подгруппы X было следующим: «Мы подпишем контракт с властями в любом случае, и нам нет никакого дела, если несогласным придется уйти. Уйдут — еще лучше. Или они соглашаются с нами, или...»

Подгруппа Y заявила: «Давайте организуем выборное собрание и демократическим путем изберем нового директора (с правильным отношением). Мы готовы вышвырнуть этого директора и всех догматиков, которые с ним заодно. Или они соглашаются с нами, или...»

Чтобы победить, обе группы подталкивали своих лидеров к использованию власти. Но что-то все-таки мешало им перейти порог разрушения

Люди становятся беспомощными и действуют панически. Их трудно остановить. И если не вмешается третья сторона, ничем не сдерживаемый конфликт рискует войти в последнюю, финальную фазу. И тогда будет перейден порог, ведущий к разрушению и насилию.

Это означает вступление в **фазу III**, где ярко проявляют себя силы, действующие на жизнь воли.

Потеря воли — путь к насилию

Если дело зашло так далеко, возникает военная ситуация. Стороны не видят друг в друге людей. Теперь уже можно использовать любые средства во имя морали, манипулировать чужой волей и разрушать все что угодно. На конечной стадии противники готовы разрушить даже самих себя, лишь бы не допустить победы врага.

Седьмая ступень. Ограниченное разрушение и насилие. На первый план выступает желание нанести ущерб сопернику. Возможности прийти к общему решению больше не существует. Любая попытка такого сорта отбрасывается. Разум парализован. Действия нацелены теперь на полное разрушение противника. Все делается для того, чтобы враг лишился источника силы.

Иллюстрацией подобного механизма может служить война на Фолклендских островах. Сперва было частичное разрушение: казалось, этого достаточно для убеждения врага. Для большей уверенности флотилия вывезла все запасы еды и других необходимых товаров.

Восьмая ступень. Разрушение нервного центра. Разрушение и насилие ужесточаются, и теперь они направлены на нервный центр противника, то есть на центр стратегической важности, будь то система принятия решений или управляющая система. Используется все, что может ослабить такой центр.

На Фолклендах эскалация конфликта привела к бомбардировке аэропортов на островах.

Девятая ступень. Тотальное разрушение, включая саморазрушение. На этой стадии невозможен ни один шаг назад. Только вперед, любой ценой. Вся имеющаяся сила используется без угрызений совести, вопрос стоит о тотальном разрушении, невзирая на последствия, даже на саморазрушение.

Болезнь дошла до конца — наступает смерть.

Вся эскалация конфликта в целом есть своего рода смертельный процесс. Силы смерти начинают работать сразу уже на первой ступени, хотя и в очень невинной форме.

Цель нашей диагностики — лечение конфликта. Вот почему так важно распознать эти силы смерти и, исходя из них же, искать выход и исцеление.

Опыт третьей стороны

Подобно тому, как мы находим средство против загрязнения природы в самой природе, а силы для борьбы с болезнью — в самом человеческом организме, мы отыскиваем силы, исцеляющие конфликт, в самом социальном организме, породившем разногласия. Часто надеются, что приглашенные, то есть третья сторона, найдут решение конфликта. Однако, если третья сторона возьмет на себя роль судьи, участники конфликта ничему не научатся. Более того, даже оказавшись в новом социальном окружении или в обществе других людей, очень скоро они попадут в подобную же конфликтную ситуацию. Нет, внешние средства здесь бессильны.

Вовлеченные в конфликт должны взять на себя ответственность за социальную ситуацию. Только работая над конфликтом, социальный организм может окрепнуть. Лечение должно помочь людям понять и принять то, что произошло. И нашу задачу как задачу третьей стороны мы видим в помощи этому процессу. А потому третья сторона должна соблюдать следующие правила:

быть максимально объективной;
быть нейтральной и не читать нотаций;
помочь сторонам найти дистанцию;
быть принятой обеими сторонами;
пользоваться доверием;
пробудить волю;
поднять сознание;
сделать роль третьей стороны явной;
понимать, что в качестве третьей стороны человек влияет на процесс всем своим поведением.

Лечение конфликта сильно зависит от того, на какой стадии он находится. И понятно, что общие методы исцеления — тема отдельной статьи. Правда, можно показать, как это происходит в конкретном случае.

Маленькая группа, представляющая обе стороны, обратилась к нам за помощью. Мы стали действовать. Нашей первой целью было остановить разрастание конфликта и повысить социальное понимание происходящего. Но хотя маленькая группа и нашла с нашей помощью некоторое взаимопонимание, им не удавалось повлиять на свои подгруппы.

Группа X не была заинтересована в участии третьей стороны. И нам сказали, что могут пригласить нас попозже, но в ином качестве, когда конфликт исчерпается сам собой. При этом г-н X поведал, что они надеются решить проблему, поискав новое здание. Вместе с ним мы обсудили вопрос и выяснили, что такое решение может базироваться лишь на имеющейся у него власти. Однако в любом случае решение, основанное на применении власти, не будет — и никогда не бывает! — истинным выходом.

Г-н X, подумав, изменил свое мнение и теперь обратился к нам за помощью в разрешении конфликта без применения силы.

Приступив к работе, мы столкнулись

◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆

предлагаемую Г. Х. Поповым радикальную реформу исполнительной власти. Боязнь «новой диктатуры», «диктатуры Попова», высосана из пальца».

(Ю. Коротких, В. Максимов,
П. Макагонов,
народные депутаты Моссовета,
члены блока
«Демократическая Россия»,
«Куранты»,
18 мая 1991 года, № 93)

«Опубликованное в субботу письмо Гавриила Попова однозначно поставило перед депутатами вопрос: поддержат ли они председателя Моссовета как кандидата в мэры или нет? Если нет, то он может и подать в отставку. Эта перспектива вызвала бурную реакцию москвичей, которые в подавляющем большинстве уже проголосовали за выборы мэра столицы, причем многие подразумевали при этом, что им станет именно Гавриил Попов. Поэтому с утра возле Красного дома на Тверской встали пикеты москвичей с призывом «Поддержать Гавриила Попова на пост мэра столицы!».

...Часть депутатов запросила перерыва, после чего выступила с заявлением, которое свидетельствует об углублении раскола блока «Демократическая Россия».

Страсти накалились до того, что один депутат-демократ ударил другого демократа...

(Наталья Гетьман,
Сергей Ступарь,
«Куранты»,
21 мая 1991 года, № 94)

с просьбами помочь расправиться с противниками. Обе стороны говорили нам, что правильно и что неправильно, и подсказывали, как мы должны действовать. Мы начали с объяснения наших целей — помочь конфликтующим найти пути к взаимопониманию и общее решение. Мы не будем никого уничтожать и не гарантируем решения — за это отвечают они. Мы предупредили, что в итоге им, возможно, придется разделиться. Но решение нужно искать всем вместе и при взаимном уважении.

Процесс исцеления начался с создания «условно независимой» группы и занял несколько лет. Спокойные периоды улучшения перемежались «взрывами», после которых все возвращалось на исходные позиции. Спустя год обе группы, высказав друг другу все, что хотели, смогли достичь того, что **совместно** сформулировали новый контракт с властями. Третья сторона могла теперь устраниться от дел. Наше участие свелось к встречам раз в три месяца.

Два-три года спустя нас попросили помочь в развитии всего учреждения в целом, в создании новых форм работы и разработке общей линии. Конфликт к тому времени был исчерпан.

От разрушающих сил — к возрождению

Мы описали **внешний** процесс разрешения конфликта. Однако истинное исцеление — это процесс **внутренний**. Так же, как человеческое тело подвержено действию микробов, человеческая душа уязвима для сил или существ, вызывающих, подобно микробам, болезнь души. Ложь, злословие, клевета — силы, работающие уже на самых ранних стадиях конфликта. Чем глубже он заходит, тем сильнее атака этих сил. Мы способствуем их распространению, когда плохо говорим о других, что легко заметить даже по лицам людей — опустошенным, бледным, с пустыми глазами. Все «микробы лжи» работают так, чтобы повернуть развитие человека вспять.

Не менее разрушительны силы, заложенные в социальных соглашениях, законах и установлениях. Известно, что основы социальных соглашений имеют тенденцию постоянно усиливаться. Если неверна основа, любые попытки залатать дыры в законодательстве ведут только к ухудшению. Действие «вирусов плохого устройства», отравляющих социальную жизнь, усиливается. Противостоять им можно, лишь стоя на позиции интереса к другим, апеллируя к силам солидарности и справедливости. Если противникам удалось хоть на миг «выглянуть» из своего собственного интереса, в их взаимоотношениях уже пробивается источник здоровой силы.

Необходимо помнить, что надежда на убеждение противника только вредит ситуации. Убеждение — одна из могучих разрушительных сил в конфликте. Третья сторона явственно ощущает присутствие этих «вирусов» или сил в комнате, где происходит дискуссия или спор. Нездоровая атмосфера создается уже тем, что затрагивается душевная жизнь другого без всякого уважения чужих мыслей и ценностей. Стараться убедить, дать непрошеный совет, повлиять на кого-то, заставить принять определенные ценности и мысли — есть **атака на человеческую свободу.** Люди становятся «закоснелыми», они опутаны теми нездоровыми силами, которые сами же и создают в спорной ситуации. Эти силы можно назвать «духом предвзятого мнения». Если конфликтующие увидели его явно, они делают первый шаг в борьбе с вредными силами. Тогда возникают условия для развития культуры разговора, и в конечном итоге способность слушать и говорить становится искусством — искусством общения.

В любом конфликте, даже семейном, можно обнаружить силы, о которых уже говорилось. Это борьба между тенденциями к эгоизму и коллективизму. Разрешение конфликтов на всех уровнях простирается гораздо дальше, чем обычно это представляют. Найти равновесие между двумя тенденциями современности — значит вырасти в своей человеческой сущности. Человеческое «я» — та сила в человеке, которая может брать ответственность, выносить суждение, исходя из собственной свободной воли. Это то, что помогает нам сделать выбор и не следовать автоматически за событиями, даже если конфликтная ситуация «набирает обороты». Развитие собственного «я» всегда означает усилие. Именно оно и дает нам надежду на социальное излечение.

●

«Как мы уже сообщали, по требованию депутатов Моссовета в пятницу на сессии с отчетом выступил Г. Попов. Вчерашнее заседание было целиком посвящено обсуждению скорее не доклада, а личности председателя Моссовета».

(«Куранты», 28 мая 1991 года, № 99)

«Один из членов избирательной комиссии зачитал любопытный документ — акт графологической экспертизы подписного листа в поддержку В. Родионовой. Здесь значились фамилии О. Берггольц, В. Кожевникова, М. Светлова, В. Распутина и других ныне здравствующих и почивших поэтов и писателей! Причем, по утверждению специалистов, подписи сделаны одной рукой».

*(Елена Тарасова,
«Куранты», 1 июня 1991 года, № 103)*

ВЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЧТО-ТО ЗНАЕТЕ О СУДЬБАХ РОССИИ, ГОСПОДИН НОСТРАДАМУС?

В это, последнее десятилетие второго тысячелетия интерес к астрологии, предсказателям, НЛО, хиромантии возрос необычайно. Каких только книг, брошюр, высказываний на эти темы не встретишь!

Фигура Мишеля Нострадамуса в этом ряду стоит отдельно. Интерес к нему не иссякает вот уже четвертое столетие. Это уже нельзя назвать данью моде. Что же за явление — Нострадамус? Наш журнал писал о нем в 1975 году*. Мы решили начатый тогда разговор продолжить и обратились к нашему давнему, постоянному автору Эдуарду Берзину — доктору исторических наук, известному ученому, человеку необычайно широких интересов. Видный специалист по истории Юго-Восточной Азии, автор пяти больших монографий, он к тому же изучает фольклор, пишет статьи об амазонках и железной революции, а последние двадцать лет «занимается» Нострадамусом. В 1992 году в Политиздате выходит его книга «Нострадамус и его пророчества». Одну часть ее, посвященную России, мы и предлагаем читателю.

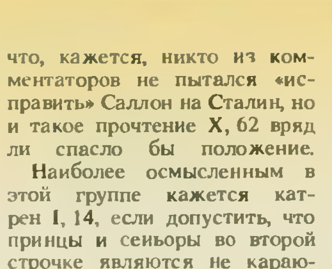
Но вначале несколько слов о Мишеле Нострадамусе.

Мишель де Нотр Дам (по-латыни Нострадамус) родился 23 декабря 1503 года в маленьком городке Сен-Реми на юге Франции в семье потомственных медиков. Девятнадцати лет Мишель поступает в университет города Монпелье, медицинский факультет которого славился не только во Франции, но и во всей Европе. Он проявил не только незаурядную смелость в дни грозной эпидемии чумы в 1529 году, но уже тогда стал выделяться среди других врачей своей ученостью.

В 1555 году Нострадамус публикует первую часть книги нового типа — так называемых «Столетий». В полном виде она состояла из десяти глав — «столетий», в каждое из которых входило по сто четверостиший-предсказаний. Человек, стоявший между наукой и паранаукой, в душе и жизни которого явственно встретились мрак уходящего средневековья и свет позднего Возрождения,— таков был Мишель Нострадамус.

* *Э. Берзин,* «Сын своего века». «Знание — сила», 1975 год, № 6.

omnia opuſeſt:u

О РОССИИ

Э. Берзин,
доктор исторических наук

Были ли у Нострадамуса предсказания о будущих судьбах России? По мнению нострадамоведов, безусловно, были. Правда, таких терминов, как Россия, Русь, Московия, он никогда не употреблял, но комментаторы считают, что русских он называл северянами, аквилонцами, то есть живущими в области северного ветра — Аквилона. Вот, например, катрен (предсказание) II, 68, который относят к Петру I:

Усилия Аквилона будут
велики,
Ворота на океан будут
открыты.
Королевство на острове
будет восстановлено.
Лондон задрожит, открытый
парусам.

Первые две строчки в комментариях не нуждаются. Две последние, по мнению комментаторов, отражают синхронные события — восстановление династии Стюартов (1660) и эпизод из второй англо-голландской войны — прорыв голландского флота в Темзу (1667). Но строго говоря, синхронность здесь более чем относительная. Между событиями в Англии и событиями в России (основание Петербурга — 1703 год) интервал примерно в сорок лет, синхронными их не назовешь.

А вот еще одно предсказание, которое можно отнести к Суворову:

II, 29

Восточный (человек) покинет
свое местопребывание,
перейдет Апеннинские горы,
чтобы увидеть Галлию.

Пронзит небо, воды и снег
И каждого поразит своим
жезлом.

Это можно истолковать так: первая строка — отъезд Суворова из ссылки, вторая — поход в Италию, третья — переход через Альпы, четвертая — маршальский жезл Суворова. Имеются и другие истолкования этого катрена. По мнению одних, речь здесь идет о Наполеоне. По мнению других — об арабском полководце, который должен был вторгнуться в Европу во главе войск новой мусульманской империи. Наконец, по мнению третьих, это вьетнамец, приехавший в Париж на переговоры об урегулировании вьетнамской проблемы в 1970-х годах...

Предсказание I, 49 — одно из немногих, которые датированы. Относят его тоже к России:

Много, много перед такими
происками
Люди Востока достоинством
лунным.
В 1700 году они сделают так,
что великие (или многие)
будут уведены,
Почти подчинив угол
Аквилона.

Очевидно, Нострадамус хотел сказать, что восточная мусульманская держава (под знаком полумесяца) нанесет поражение христианской Европе, уведет много пленных и почти захватит окраину России. Скорее всего, это деяние должна была совершить сконструированная Нострадамусом великая Арабская империя. Но если даже поставить на ее место реально существовавшую в 1700 году Османскую империю, то и тут мы видим пример предсказания «с точностью до наоборот». Как раз в конце семнадцатого века Турция потерпела ряд серьезных поражений от христианской Европы и по Карловицкому миру 1699 года вынуждена была отказаться от ряда завоеванных ранее земель на Балканах в пользу Австрии, Польши и Венеции.

Что же касается России, то она в 1696 году отвоевала у Турции Азов, таким образом получив выход к южным морям, и как раз в 1700 году Турция была вынуждена подписать с Россией договор, признающий этот факт.

В предсказании IV, 82 упоминается Славония (или Славянская земля). Помимо этого, слова «Славония» или «славянский народ» у Нострадамуса встречаются еще в четырех катренах, и можно допустить, что все они или часть из них относятся к России.

I, 14

У славянского народа песни,
гимны и жалобы.
Плененные принцами
и сеньорами — в темницах.
(Или плененные принцы и сеньоры в темницах.)
В будущем безголовые идиоты
Примут (это) за божественное
откровение.

V, 26

Славянский народ благодаря
военной удаче
Возвысится в высочайшей
степени.
Они переменят своего
монарха (на человека),
рожденного в провинции.
Армия, собранная в горах,
пересечет море.

II, 32

Молоко с лягушачьей кровью
приготовлено в Далмации.
Раздор, чума близ Баллен.
Великий вопль пронесется по
всей Славонии
(или славянской земле),
Когда близ (Равенны)
и в (самой) Равенне родится
чудовище.

X, 62

(Перед тем), как напасть
на Венгрию возле Сорбии,
Герольд из Брудес придет их
предупредить.
Византийский вождь Саллон
Славонии (или Славянской
земли)
Придет обратить их в арабский
закон.

Напомним, что не только слово «Славония», но и слова «славянский народ» у Нострадамуса допускают двойное толкование. Это слово можно перевести и как «рабский народ». Кроме того, в приведенных выше катренах имеются три неясных топонима. Слово Брудес, возможно, представляет собой искаженное название Буды, столицы Венгрии в XVI веке. Баллен, по мнению Э. Леони,— искаженное латинское название «Требула Баллиенсис», нынешнего итальянского городка Грелья близ Капуи. А Саллон может означать и родной город Нострадамуса Салон, и город Солин в Югославии (но не в Словении, а в Далмации), и даже Салоники в Греции. Пока что, кажется, никто из комментаторов не пытался «исправить» Саллон на Сталин, но и такое прочтение X, 62 вряд ли спасло бы положение.

Наиболее осмысленным в этой группе предсказаний кажется катрен I, 14, если допустить, что принцы и сеньоры во второй строчке являются не карающей, а страдающей стороной (текст допускает оба толкования). Тогда мы получим картину Октябрьской революции и красного террора с точки зрения убежденного монархиста. В двух последних строчках в таком случае автор в энергичных выражениях дает оценку теории научного коммунизма. Такое толкование появилось, однако, только в XX веке. В XVII веке Этьен Жобер, придерживаясь более естественного толкования второй строчки (не принцев и сеньоров посадят в тюрьму, а они сами кого-то посадят), объяснял X, 62 из событий XVI века. Гугеноты со своим нелепым учением о реформации церкви понесут заслуженную кару от властей. А народ, конечно, не славянский, а французский, точнее, его низшие слои, которых Нострадамус в переносном смысле называет «рабами». В XIX веке А. Лепелетье тот же катрен отнес к событиям Великой Французской революции. Злодеи, посаженные в тюрьму, у него уже не гугеноты, а якобинцы.

Что касается катрена V, 26, то первые три строчки довольно удачно описывают историю России от Петра I до И. В. Сталина. Дело, однако, сильно портит четвертая строчка, явно к России не относящаяся.

Общим в катренах II, 32 и X, 62 является то, что их действие происходит на Балканах. Однако ни к истории реальной Словении, ни к истории всего этого региона данные предсказания не имеют никакого отношения. Предоставим любознательным читателям полную волю увязывать их любым способом с историей России.

О каком-то сомнительном учении говорится в катрене VI, 72, который некоторые комментаторы относят к царице и Распутину:

Благодаря притворной ярости
божественного откровения
Жена великого будет
изнасилована.
Судьи желают осудить такую
доктрину.
Она станет жертвой
невежественного народа.

Однако и эти комментаторы признают, что предсказание не вполне соответствует реальным фактам.

К революции 1917 года и ее последствиям относят целую группу предсказаний, в которых описываются всевозможные социальные потрясения, однако прямых указаний на то, что это произойдет именно в России, в них, как правило, нет. Первое фактическое предсказание Нострадамуса — I, 3 (I, 1 и I, 2 описывают, как происходит процесс предсказания), звучит так:

Когда вихрь перевернет
носилки,

И лица будут скрыты плащами,
Республику станут донимать
новые люди.
Красные и белые будут судить
противоположно.

Термин «красные» встречается в предсказаниях 26 раз, термин «белые» — 7 раз. «Белые» и «красные» вместе упоминаются четыре раза. Помимо приведенного выше катрена I, 3, в послании к Генриху II (параграф 32): «Плебеи восстанут и изгонят сторонников законодателей. И царства будут так ослаблены людьми Востока, что покажется, будто Господь Создатель выпустил Сатану из тюрем ада, чтобы породить великих Дога и Дохама. А они пробьют такую ужасную брешь в церквах, что ни красные, ни белые, лишенные глаз

и рук, не смогут понять, что происходит, и лишатся своего могущества».

В катрене X, 86: «Подобно грифону, придет король Европы в сопровождении людей Аквилона. Он поведет большое войско красных и белых, и они пойдут против короля Вавилона». И в катрене VI,10; «В короткое время храмы

В оформлении статьи использованы гравюры из книги «Французская книжная миниатюра XVI века».

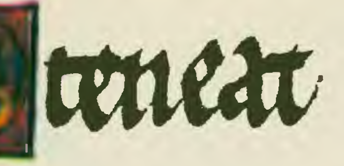
с цветами белым и черным перемешаются. Красные и желтые унесут (отберут) ихнее у них. Кровь, земля, чума, голод, огонь потушен водой».

Как мы видим, ясная оппозиция «белых» и «красных» существует только в одном из четырех предсказаний. А в X, 86 говорится об объединенном войске «красных» и «белых». Поэтому многие комментаторы предлагают в оценке «красных» и «белых» у Нострадамуса следовать символике не XX, а XVI века. В то время французов натурально было бы звать белыми, потому что знамя Франции было белого цвета, а испанцев — красными, так как их национальными цветами были красный и желтый (и в VI, 10, приведенном выше, упоминаются «красные и желтые», или же «красно-желтые»). Наконец, термином «красные» Нострадамус мог обозначать и кардиналов из-за их головных уборов красного цвета. Вот несколько катренов, в которых термин «красный» явно относится к кардиналам:

V, 22
Перед тем, как великий отдал в Риме душу,
Великий ужас для иноземной армии.
Засада эскадронов близ Пармы.
Затем двое красных будут праздновать.

V, 44
Пираты схватят красного на море.
Из-за этого мир будет нарушен.
Гнев и алчность откроются благодаря хитрости.
Армия великого Понтифика удвоится.

VII, 36
Бог, небо, весь божественный мир на волнах
Унесены семью бритыми красными головами в Византию.
Против помазанника три сотни из Трапезунта
Установят два закона и ужас. Потом доверие.

Бритые красные головы в VII, 36, как полагает один из толкователей, это семь кардиналов, которые отправятся в Турцию, чтобы обратить султана в христианскую веру. Великий Понтифик в V, 44 — это папа. В V, 22, видимо, говорится о смерти папы. Все предсказания как-то связаны с церковными делами. Но привязать их к какому-нибудь реальному историческому событию пока еще никому не удавалось.

В нескольких катренах слово «красный» наиболее правдоподобно объясняется словом «испанец». Испания, как уже говорилось, была великой державой XVI века.

III, 1
После сражения и морской битвы
Великий Нептун — на своей высочайшей дозорной башне.
Красный соперник станет бледным от страха.
Великий океан ужаснется.

Под Нептуном Нострадамус, видимо, подразумевал турецко-алжирский флот. Таким образом, здесь предсказывается крупное поражение испанского флота. Но единственное крупное морское сражение

испанцев и турок после 1555 года было в 1571 году при Лепанто, где турки потерпели сокрушительное поражение. Еще одно предсказание со словом «красный»:

VI, 91
Красный, необузданный, суровый, ужасный, враждебный.
Пленник сбежит от старшего в тюке,
Когда родится сын у великого Агриппы.

Здесь тоже говорится о морской войне и о «красном», скорее всего испанском, полководце с тяжелым нравом. Остальное совершенно не ясно.

IX, 2
С вершины Авентинского холма прозвучит голос:
Кончайте, кончайте все, кто в противоположных лагерях.
Кровь красных утешит гнев.
Из Римини и Прато изгонят Колонна.

Колонна — это феодальный род, игравший значительную роль в Риме XVI века. Все топонимы относятся к папской области. Поражение испанских войск, видимо, каким-то образом разрешит существующий здесь конфликт. В катрене IX, 46 тоже содержится призыв:

Кончайте, бегите из Тулузы красные,
Чтобы жертвой получить искупление.
Главное зло — в тени тыкв (или — идиотов).
Смерть удушит телесное пророчество.

Первая половина, видимо, относится к оккупации Тулузы испанскими войсками и к тому, что им ее придется оставить. Остальное совершенно невнятно.

IX, 15
Близ Перпиньяна красные задержаны.
Люди центра совершенно разорены, уведены далеко.
Трое порезаны на куски, пятерым плохо помогли
Для сеньора и прелата Бургундии.

Это тоже как будто относится к испано-французским войнам. Перпиньян — центр графства Руссильон, которое король Карл VIII в 1493 году отдал в залог Испании, но так и не получил обратно. Французские короли неоднократно пытались отбить его у испанцев, но Руссильон был возвращен Франции только в 1659 году. Другой спорной территорией между Францией и Испанией была Бургундия. Карл V претендовал на это герцогство как потомок бургундских герцогов (по женской линии), французские короли — как сюзерены, к которым перешло выморочное, по их пониманию, наследство.

Есть, однако, и еще одно толкование этого катрена. В начале 1939 года отступающие войска Испанской республики и беженцы от Франко перешли французскую границу как раз в районе Перпиньяна. Там они были задержаны французскими аластями и помещены в специальные лагеря. Эта версия как будто подпирается следующим катреном (IX, 16), где при желании можно прочесть имена генерала Франсиско Франко (1892—1975) и генерала Мигеля Примо де Ривера (1870—1930) — двух испанских диктаторов фашистского толка:

Из крепости Франко (или из Кастельфранко) выйдет ассамблея.
Недовольный посланник устроит раскол.
Люди Рибьеры (или Ривьеры, «побережья»,— исп. «Ривера») *вступят в схватку,*
И они запретят вход в большой залив.

В общем-то в этих двух предсказаниях к событиям гражданской войны в Испании можно более или менее уверенно отнести только первую строчку в IX,15, имена Франко и Риверы, пожалуй, еще четвертую строчку IX, 16, если иметь в виду, что франкисты топили советские и иные суда, везшие грузы в республиканскую Испанию.

Однако против толкования слов Франко и Риверы в контексте истории XX века есть ряд сильных аргументов. Во-первых, слово «кастель» (крепость) Франко можно читать и слитно, как Кастельфранко. А в Италии есть несколько городов, носящих название Кастельфранко, и несколько Ривьер. Вместе то и другое встречается близ Генуи. Так что предсказатель мог иметь в виду очередной эпизод итальянских войн, в ходе которых Генуэзская республика закроет Генуэзский залив для плавания.

Есть еще несколько катренов, в которых термин «красный» («красные») не поддается однозначному толкованию. Это — VIII, 19, VIII, 80 и IX, 51.

VIII, 19
Чтобы поддержать потрясенную великую ризу (или мантию, или плащ),
Для очищения этого красные маршируют.
Семья будет почти уничтожена смертью.
Красные-красные истребят красных.

VIII, 80
Кровь невинных вдов и девиц.
Так много зла совершено великим Красным.
Святые образа погружены в горящий воск.
Все поражены ужасом, никто не двинется с места.

IX, 51
Против красных сект

объединятся,
Огонь, вода, сталь, веревка из-за мира ослабнет.
На грани смерти те, кто устроил заговор,
Кроме одного, кто разрушит весь мир.

Катрен IX, 51 в последней строчке предсказывает ни более ни менее, как конец света. Все злодеи, устроившие ужасный заговор против всей планеты, погибнут, кроме одного, который достигнет своей цели. Вторая половина предсказания изложена, таким образом, достаточно ясно. Первой же половине катрена не хватает ясности из-за пунктуации. Ее можно прочесть: «Против красных сект объединятся огонь, водв, сталь. Веревка из-за мира (то есть мирного времени) ослабнет». Или же: «Против красных сект объединятся. Огонь, вода, сталь, веревка из-за мира ослабнут». Или наконец: «Против красных сект объединятся огонь, водв, сталь, веревка (то есть все методы террора). Но этот террор ослабнет из-за мирного времени». К первому варианту, например, дается такое толкование: фашисты в Италии и нацисты в Германии будут преследовать коммунистов. А «веревка» (по-французски «корд») — это так называемый «санитарный кордон» — цепь государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша), возникших после Октябрьской революции и отделивших Советскую Россию от промышленно развитых стран Европы. В конце мирного времени между двумя мировыми войнами эта «веревка» значительно ослабла. Третью строчку в таком случае относят к Мюнхенскому соглашению и вообще к политике умиротворения, которую проводили перед второй мировой войной Англия и Франция, а четвертую строчку — к Гитлеру. Но в 1945 году выяснилось, что он, во-первых, погиб, а во-вторых, мир все-таки не разрушил.

Катрен VIII, 80 рисует картину террора, в частности гонения на церковь. На роль «великого Красного» лучше всего подходит И. В. Сталин. Однако это предсказание можно истолковать и иным образом, а именно как победу протестантов в Испании. В других местах у Нострадамуса также имеются намеки на это никогда не состоявшееся историческое событие. «Великий Красный» в таком случае — глава испанской реформации, некий удесятеренный Кальвин. Третья строчка тогда будет означать гонения не на церковь вообще, а только на католицизм. Протестантская реформа везде начиналась с уничтожения церквей.

Наиболее любопытен в этой группе предсказаний катрен VIII, 19, в котором красно-красные (то есть сверхкрасные) истребят просто красных. После событий 1937 года это предсказание стали прочно привязывать к истории России. Но в XIX веке А. Лепелетье давал этому катрену иное толкование. Неясное слово «сарре» в первой строчке, которое, скорее всего, обозначало папскую ризу или мантию, он читает как «Капет». Отсюда следует, что «французский народ не поддержит великую династию Капетингов, потрясенную революцией». Республиканцы всех оттенков объединяются, чтобы уничтожить ее. Она будет почти

полностью уничтожена. А затем монтаньяры («краснокрасные») гильотинируют жирондистов («красных»). Это объяснение, разумеется, не хуже всякого другого. Например, для современников Нострадамуса было вполне естественно предполагать, что в результате какого-то религиозного переворота испанские кардиналы («красно-красные») станут истреблять своих единоплеменников-испанцев, перешедших в протестантство.

Походу в Россию и его последствиям, по мнению С. Робба, посвящен блок из трех катренов (IV, 82, II, 91 и II, 99):

IV, 82

Войско приближается,
идущее из Славонии
(Или «славянской земли»).
Разрушитель уничтожит
старый город.
(Или старый разрушитель
уничтожит город).
Тогда он не будет знать,
как потушить великий огонь.

II, 91

На восходе увидят великий
огонь.
Шум и свет
(или гром и блеск)
в стороне Аквилона.
Внутри круга — смерть,
и слышны будут крики.
Тех, кто ждет, сразит смерть
от меча, огня, и голода.

II, 99

Римскую землю, как вещает
знамение,
будет сильно притеснять
галльский народ.
Но кельты устрашатся часа,
Когда они слишком далеко
продвинут свое войско
в (область) Борея.

Имя Наполеона в греческом варианте включало понятие «разрушитель». А пожар Москвы был центральным событием войны 1812 года и с русской, и с французской точки зрения. В катренах IV, 82 и II, 91 явно говорится о великом пожаре.

Если допустить, что под Славонией Нострадамус имел в виду не нынешнюю Словению, а в более широком смысле — славянскую землю, а латинское слово «Аквилон» и греческое слово «Борей» (оба они означают «северный ветер») символизируют у Нострадамуса Россию (к этому склоняется большинство комментаторов), то связь описанных здесь событий с русским походом Наполеона может быть и обоснована.

Описание событий в этом блоке, как считает С. Робб, сразу начинается с трагического отступления армии Наполеона из России. Нострадамус, собственно говоря, сообщает только: «Приближается войско, идущее из славянской земли», но Робб полагает, что слово «идущее» надо заменить словом «возвращающееся». Такой перевод допустим. Действительно, если бы Нострадамус имел в виду русскую армию, он, скорее всего, со свойственным ему лаконизмом написал бы «Приближается войско из славянской земли». Вторая строчка в этом случае называет причину, вызвавшую отступление Наполеона — пожар Москвы («старого города»), вина за который некоторыми исследователями возлагается на Наполеона. Третья строчка говорит о последствиях поражения в России. Романия — это Римское королевство, созданное Наполеоном для своего малолетнего сына. Предполагается, что Наполеон особенно высоко ценил именно это свое владение. После его падения королевство Романия было ликвидировано. Четвертая строчка IV, 82 от будущего, ждущего Наполеона, опять возвращается к роковому событию, которое определит это будущее. Сделанного уже не переделать, и пожара Москвы уже не потушить.

Сюжет великого пожара в стране Аквилона (России) повторяется и в первых двух строчках II, 91. С. Робб считает, что об этом пожаре говорит и третья строчка. Круг, по его мнению,— это Москва с ее циркулярной планировкой. При этом он ссылается на неизвестно где почерпнутое сообщение, что в пламени московского пожара погибло 15 тысяч раненых русских солдат, которых не успели эвакуировать. Довольно остроумное толкование С. Робб дает четвертой строчке. «Ждущие», которые погибнут от меча, огня и голода,— это французы, слишком долго ожидавшие в Москве мирных предложений русского правительства и дождавшиеся только зимы.

Катрен II, 99 содержит в этом контексте нечто вроде нравоучения. Французы будут притеснять Италию, но сами устрашатся, забравшись слишком далеко в Россию (Страну Северного Ветра).

По неясной причине С. Робб не включил в блок о русском походе катрен IX, 99, а он сюда подходит, поскольку говорит о сходных событиях.

IX, 99

Аквилонский ветер заставит
снять осаду.
Через стены будут бросать
золу, известь и пыль.
Потом под дождем.
от которого им станет
еще хуже.
Последняя помощь —
у их границы.

Аквилонский ветер здесь тоже как будто указывает на Россию, хотя отступление Наполеона из Москвы можно назвать «снятием осады» только в самом широком смысле. Третья строка в таком случае описывает трудные дороги отступления. Четвертая — организацию новой обороны у границ Французской империи. Вторая строчка не слишком ясная, но тоже как-то связана с пепелищем. Может быть, это пепелище Москвы, но при чем тут известь — непонятно.

Что же касается блока, предложенного Роббом, то и здесь все далеко не однозначно. Прежде всего топоним Славония (ныне Словения). В предсказаниях Нострадамуса он встречается трижды. В II, 32 и X, 62 Славония упоминается вместе с Далмацией, Италией и Венгрией, то есть речь здесь явно о Словении. Все перечисленные страны и земли в XVI веке подвергались постоянным атакам Турции, являясь, так сказать, прифронтовыми государствами христианской Европы. Борьбе с мусульманской угрозой Юго-Восточной Европе посвящено множество предсказаний Нострадамуса. Поэтому вполне возможно, что в IV, 82 описывается крестоносное войско, возвращающееся из Турции после неудачного крестового похода. Словения, во времена Нострадамуса граничившая с Турецкой империей, вполне подходит как последний пункт маршрута.

Катрен II, 91 также допускает иные толкования. Так, например, Э. Леони в 1961 году писал: «Это (предсказание)... можно отнести к взрыву американской водородной бомбы в России во время третьей мировой войны». А предсказание II, 99, по мнению Этьена Жобера, писавшего в середине XVII века, сбылось уже через год после своего опубликования, то есть в 1556 году. «Галльский народ,— считает он,— это наемники генерала Монлюка, служившие папе против (испанского полководца) герцога Альбы, которые очень плохо вели себя».

Чтобы закончить тему о России, перечислим все до сих пор еще не приведенные упоминания Аквилона у Нострадамуса.

VIII, 81

Новая империя — в скорби,
Ее изменит Аквилонский
полюс.
Из Сицилии придет смута,
Чтобы помешать предприятию
Филиппа.

VIII. 85

Между Байонной и Сен-Жан
де Люз
Будет помещен мыс Марса.
Нанар лишит света
непобедимых Аквилона.
Затем задохнется в постели
без помощи.

X, 69

Сияющее деяние нового
старого будет превознесено.
Они станут великими
благодаря Югу и Аквилону.
Взращенные собственной
сестрой великие толпы
Бегут, истребляемые в чаще
Амбеллона.

Слова «Нанар» и «Амбеллон» здесь вообще не поддаются удовлетворительной расшифровке. Э. Леони удалось разыскать Амбел, незначительную деревушку возле Гренобля, которая действительно находится в лесистой местности, а Нанар отождествить с латинским словом «nonaria» («шлюха»), но от этого текст не стал яснее...

На наш взгляд, первый из них относится к «мифической истории» Нострадамуса. Филипп здесь, как и в других местах,— Филипп II, который якобы будет отчаянно бороться со своим дядей Фердинандом за наследство Карла V. В этом предприятии Филиппу помешает восстание в принадлежащей ему Сицилии.

О королях Аквилона Нострадамус упоминает также и в послании к Генриху II. «§ 37 ...все эти восточные короли будут изгнаны, низвергнуты, уничтожены, но отнюдь не силами царей Аквилона. ... Затем сеньоры Аквилона, числом двое, одержат победу над людьми Востока. И они подымут при этом такой шум и военный гром, что весь Восток будет трепетать в ужасе перед этими братьями (которые на самом деле не братья аквилонские)...

§ 44. В это время великие паруса Византии в союзе с лигурийцами и при поддержке аквилонского могущества повредят ей (Венеции) так сильно, что два критянина не смогут удержать свою веру...

§ 48. Затем по причине великих наводнений память о вещах, содержащихся в этих инструментах, понесет неисчислимые потери, вплоть до букв. Это случится с аквилонцами по воле Бога...

И сатана снова будет связан и будет установлен всеобщий мир среди людей, и церковь Иисуса избавится от всяких бедствий... И это будет около (начала) седьмого тысячелетия, когда святыню Христа не будут попирать неверные, пришедшие от Аквилона».

Что бы ни имел в виду Нострадамус, говоря об аквилонской стране, ясно одно — она существовала уже в его время. В альманахе «Предсказаний на 1559 год» он предупреждает читателей, что в этом году их ждут следующие события:

Страх, похоронный звон,
переплыв море, вырастет
царство.

Э. Берзин. О России

Секты, святые, более
вежливые за морем.
Чума, жара, огонь, знамя
короля Аквилона,
Готовь трофеи,
город Генриполис!

В 1559 году, стало быть, существовала какая-то угроза Франции со стороны короля Аквилона. Россия в то время Франции никак не угрожала. Нострадамус не стал бы компрометировать себя столь явной глупостью. Другое дело — Скандинавия, в которой протестантство одержало решительную победу уже на заре Реформации. Короли Швеции и Дании (в то время всю Скандинавию поделили эти две страны)* действительно могли считаться потенциальными противниками Франции. И понятие Аквилон — Север — более натурально описывает Скандинавию, чем Россию, которая находится к востоку от Франции.

К истории германо-советских отношений в 1939—1941 годах относят два катрена.

V, 1

Перед началом кельтского
падения
Внутри храма двое будут
вести переговоры.
Кинжал в сердце —
сидящему верхом на лошади
с пикой.
Не производя шума —
великое погребение.

II, 38

Большое число будет
осуждено,
Когда монархи примирятся,
Но для одного из них такое
дурное препятствие
возникнет,
Что они будут связаны
очень слабо.

Некоторое сходство здесь есть, но уж очень отдаленное. Все реалии этих предсказаний относятся скорее к XVI, чем к XX веку.

Рассмотрим, наконец, единственное предсказание Нострадамуса, где есть российский топоним.

III, 95

(Люди) увидят, как закон
Мора придет в упадок
Перед (лицом) другого,
более соблазнительного.
Первым уступит Борисфен.
Через дары и более
привлекательный язык.

Борисфен — древнее название Днепра. Строго говоря, трудно сказать, какое государство имел в виду Нострадамус, так как в XVI веке Днепр протекал по территории Речи Посполитой. Законом Нострадамус обычно называет религию, но здесь его можно истолковывать в более широком смысле, как учение. Для времени Нострадамуса, не знавшего слова «коммунизм», «учение Мора» было неплохим его синонимом. Советологи, склонные верить предсказаниям Нострадамуса, давно уже облюбовали этот катрен как доказательство неизбежного падения коммунизма и замены его более привлекательной (рыночной) системой.

Но возможно и другое толкование этого катрена. Слова «La loi Morique» можно переводить не только как «закон Мора», но и как «закон мавров», то есть мусульманство. В рамках своей мифологической истории будущего Нострадамус мог предполагать, что жители приднепровских земель перейдут в мусульманство, а потом к ним явятся какие-то миссионеры с подарками и соблазнят их перейти в новую веру, то ли христианскую, то ли языческую.

Но если даже допустить, что в катрене III, 95 действительно говорится об учении Мора, это еще не говорит о чудесном даре предвидения Нострадамуса. Томас Мор был его старшим современником. Теоретические дискуссии о сравнительных преимуществах коммунизма и общества, основанного на частной собственности, были в порядке дня во времена молодости Нострадамуса. Сторонники коммунизма при этом опирались на Платона, сторонники частной собственности — на Аристотеля. Коммунизм, восходящий к идеологии раннего христианства, играл очень большую роль и в народных еретических движениях первой половины XVI века.

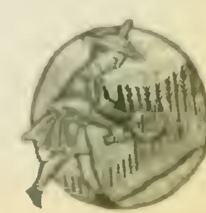
Существовал в то время и практический опыт построения коммунизма. В феврале 1534 года крайне революционная секта анабаптистов захватила власть в городе Мюнстере. Мюнстерская коммуна просуществовала до июня 1535 года. Отзывы всех современников о ней были крайне отрицательными. Нострадамус, несомненно, также отрицательно относился к этому неудачному эксперименту. Об этом свидетельствует катрен IV, 32:

В местах и временах,
где мясо уступит рыбе,
Закон коммуны встретит
противодействие.
Он будет крепко держать
старых, затем отпустит
из середины.
«Панта хойна филон»
останется далеко позади.

Первая и третья строчки не очень ясны, но мысль автора отчетливо видна во второй и четвертой строчках. Греческая поговорка «Панта хойна филон» («У друзей всё общее»), служившая девизом пифагорейцев, была очень популярна в эпоху Возрождения именно как лозунг коммунизма. Характерно, что Эразм Роттердамский включил ее первым номером в свой знаменитый сборник пословиц и поговорок. Эразм, как известно, горячо приветствовал публикацию «Утопии» Мора. А Нострадамус в этом вопросе стоял на стороне Аристотеля.

* И, кстати, Нострадамус в послании Генриху II сообщает, что аквилонских царей именно два, и при этом они не братья.

Ю. Шередеко

Феномены — в зеркале науки, наука — в зеркале феноменов

Писать о столь острой проблеме, как феномены психики,— дело рискованное. Причин тому много. На фоне накала страстей в этой сфере широко распространено мнение, что бум НЛО, полтергейста, целителей и других феноменов в средствах массовой информации — не что иное, как попытка отвлечь людей от более насущных проблем, дешевое средство для завоевания популярности. Многие ученые традиционно считают эту проблематику несерьезной, недостойной внимания, многие, несмотря на живой интерес, традиционно «стесняются» высказываться на эту тему, некоторые все еще проявляют ученое невежество, отрицая само существование явлений, не укладывающихся в привычную картину мира.

Наличие фактов, противоречащих традиционным представлениям, всегда приводило к развитию науки, отказу от старых ограничений, догм, препятствующих включению таких фактов в научную картину мира. В этом смысле феномены — словно индикаторы слабых мест, натяжек в господствующей системе представлений. Для объяснения каждого феномена выдвинуто множество гипотез, однако это не привело к их включению в научную картину мира, не сделало эти явления менее странными. Чтобы разобраться в причинах многовекового бесплодия науки в этом вопросе, нужно обращаться к фундаменту здания современной науки.

Андроник Родосский (I век до новой эры) разделил учение Аристотеля на «физику» (естественнонаучные сочинения) и «метафизику» (то, что идет после физики). Все отнесенное к метафизике было обречено на долгую и трудную борьбу за статус научности, в то время как физика и до сих пор претендует на роль фундамента естествознания. Признаком научности, по традиции, считается жесткая привязка к понятию «материя», возможно, через другие понятия типа «энергия», «поле»... Если какие-то явления не укладываются в эти рамки, их, в лучшем случае, стараются не заметить, вытеснить из поля зрения науки, используя понятия «случай», «совпадение», «вероятность»... Традиция эта настолько сильна, что феномены не только критикуются с позиций физики, но и попытки изучения строятся исключительно на поиске известных физике форм энергетических взаимодействий, полей, материальных носителей. В плену этой традиции оказалась не только биоэнергетическая концепция, но и столь мистические, «несовместимые с научным познанием суеверия», как оккультизм.

Проследим, как попытки включить феномены в область естествознания, ограниченную только физической реальностью, неизбежно порождают парадоксы.

Биоэнергетический миф

«Таковы свойства материи»,— вряд ли можно признать более солидным обоснованием, чем: «Такова воля божья».

Справочник Мессни.

Первое, что бросается в глаза при знакомстве с любым из феноменов,— многообразие его проявлений.

Для примера остановимся на биополевой диагностике.

Джуна Давиташвили, слушая свои руки, воспринимает «теплые и холодные, резкие и едва пульсирующие, а то и ввинчивающиеся как металлическая стружка» сигналы. В. И. Сафонов считает диагностику визуальной, а ощущения в руках описывает как тактильные: «размазанный слой», «рубец», «дыра»... Многие экстрасенсы описывают свои ощущения при диагностике руками подобным образом, однако каждый по-своему. Даже если не обращать внимания на эти различия, то разнообразие других методик диагностики заставляет задуматься об истинном канале восприятия информации.

Самым простым способом диагностики считают эмпатию, вчувствование в пациента и определение болезни по собственным ощущениям. Однако его считают небезопасным, так как может произойти передача заболеваний. А. В. Мартынов в диагностике предпочитает пользоваться рамкой по методике типа лозоходства. Многие вместо рамки или лозы используют простейший маятник. Диагностируют также по фотографии, голосу, письму или какому-либо личному предмету пациента. П. Д. Утвенко обычно использовал для диагностики носовой платок пациента и говорил, что на нем, «как на экране, контур человека. Потом в больных местах появляются темные пятна». Неко-

торые экстрасенсы видят пациента «насквозь» или его ауру. «Ткань световых вибраций непрерывно движется и выглядит, как линии света на экране телевизора, когда изображение находится не в фокусе»,— пишет Шафика Карагула. Существует также диагностика по памяти или через «посредника», который знает пациента.

Попытки объяснить все это многобразие фактов из единых посылок о биоэнергетическом взаимодействии преследуют цель получеиия правдоподобной, внешие непротиворечивой системы объяснений. В целом все факты связаны многообразными отношениями, некоторые признаки характерны в одних случаях и не свойственины в других, каждый имеет общие признаки с другими, но нет общего признака, который бы позволил дать всем единое объясиение и название. Поэтому термин «биополевая диагностика» — не понятие, а образ. Это же во многом относится и к термину «биоэнергетическое взаимодействие».

Традиционная установка на физическую реальность приводит к тому, что биоэнергетические взаимодействия ищут не только там, где они действительно могут играть какую-то роль (при непосредственном контакте), но и там, где такие представления могут только порождать противоречия и новые неразрешимые вопросы, как в случае с дистанционными взаимодействиями. Например, Р. Г. Джан приводит следующий вывод из исследований: «Вплоть до расстояния в несколько тысяч километров правильность восприятия не зависит от удаленности». Это звучит парадоксом, ведь энергетические взаимодействия, как известио из физики, убывают с расстоянием. А определение Сафоновым причин смерти французских королей связано еще и с парадоксом времени.

Для объясиения подобиых фактов и снятия противоречий выдвинуто миожество физических гипотез, касающихся свойств материи, пространства и времени, но ни одна из них не может вместить в себя всего многообразия фактов. Создается впечатление, что при выдвижении гипотез и не стремятся к этому, а стараются воссоздать целостную картину, образ физической реальности во всех деталях всего лишь по одному влементу из группы феиоменов. Такие физические мифы, как и любые другие, дают «удовлетворение вымыслом», избавляют от мучительного чувства неопределенности и бессилия. Однако славный недостаток всех выдвинутых гипотез в том, что ни одна из них ие удовлетворяет принципу, известному как «бритва Оккама» («Сущности не следует умножать без необходимости»), согласно которому поиятия, ие сводимые к интуитивному знанию и ие поддающиеся проверке в опыте, должны быть удалены из науки. Выдвигаемые гипотезы порождают новые вопросы, поэтому совершенно не проясняют ситуацию, а только оттягивают ее решение, зачастую еще больше запутывая дело.

Так ли странны эти «странные» явления?

Попробуем отойти от традиции — взглянуть на феномены непредвзято, наметить подход к их изучению и включению в сферу иаучного знания. Для втого используем представление об информационных взаимодействиях, оставив пока в стороне вопрос о материальном носителе информации. Нам даже не понадобится канонизировать факт передачи мысленной информации — участники VI Всесоюзного съезда психологов признали его установленным и экспериментально доказанным. Правда, страсти вокруг этого вопроса не утихли. Признание не сделало это явление менее странным.

Причины странностей и парадоксов, связанных с телепатией, кроются в существующем подходе к этому явлению. Традиция приковывает внимание исследователей к вопросу о носителе информации. В таких условиях проще иметь дело с явлением, которым можно управлять («включил — выключил»). Установка на сознательно управляемое явление оказалась настолько сильна, что, несмотря иа отмечаемую почти всеми исследователями роль подсознания (еще в 1932 году Р. Дезуаль, рассматривая возможные пути передачи информации при телепатии, склонялся к схеме передачи через подсознание участвующих), телепатию и до сих пор многие понимают как сознательно контролируемое явление. Характерен пример определения Сафоновым причин смерти королей: «П. П. Глоба называет имя короля... и старается думать о посторонних вещах, чтобы исключить телепатическое восприятие». Сравните: «Этот процесс внезапного погашения образа как раз и дает наилучшие результаты» (Л. Л. Васильев. «Внушение на расстоянии»).

Благодаря господствующей установке на сознательно контролируемое явление телепатия считается редким явлением. Традиционному мышлению очевидно, что если все будет передаваться телепатически, то «должен получиться в голове сумбур, которого нет на самом деле». (Увы, редко кто может похвастать полным порядком в голове. Полная остановка потока мыслей — одно из самых сложных упражнений медитации.) Несознаваемую телепатию по инерции не принимают во внимание не только при изучении дистанционной диагностики, видения через предметы и подобных феноменов, но и собственно в исследованиях телепатии. Сегодня же приходится сомневаться в самой возможности постановки чистого (в традиционном смысле) аксперимента.

Пока нет никаких фактов, свидетельствующих о возможных ограничениях распространенности неосознаваемой телепатии, необходимо предполагать ее всеобщий характер. Свидетельств тому немало: это и массовая распространенность «чувства чужого взгляда», и дистанционная эмпатия матери и ребенка, и многое другое. Многне традиционные парадоксы становятся понятными, например независимость взаимодействия от расстояния (неизвестно, сколько по пути «ретрансляторов» и какой «мощности» суммарный сигнал). Диагностика неодушевленных предметов, видение пальцами при таком понимании телепатии также утрачивают свою загадочность, потому что всегда есть люди, которые владеют соответствующей информацией.

В контексте такого понимания телепатии интересным представляется заявление Г. Е. Руцко о своих феноменальных способностях: «Я знаю все. Я владею 16 997 языками...» Звучит это настолько парадоксально, что даже трудно поверить в возможность

этого. Но если учесть его следующее заявление: «Могу читать мысли всех людей», то все становится не таким уж странным. Через телепатию может быть прямой доступ к любой информации, содержащейся в опыте человечества. Поэтому проверить, действительно ли Руцко знает все, можно лишь на том примере, о котором еще нет информации в опыте человечества. В конечном итоге это сводится к проверке возможности прогнозировать будущее. Однако сложность здесь в том, что прогноз как факт настоящего имеет влияние на будущее, склоняя его к одному из возможных путей развития, подобно тому, как внушение может склонять к исцелению или к болезни.

На феноменах целителей стоит остановиться более подробно. Пример «дистанционной диагностики»: «Назвали имя и возраст больного... Через несколько минут Ф. Ферда указал частоту пульса неизвестного ему человека, какое у него кровяное давление и биохимический состав крови». Парадоксально?! Но разгадка рядом: «Присутствовавший во время опыта лечащий врач этого больного подтвердил правильность его ответов».

Дистанционное лечение — это внушение подсознанию пациента программы на выздоровление. Внушение — не панацея, но, наверное, самое универсальное средство. Сформированная доминанта выздоровления заставляет организм разомкнуть порочный круг болезни и находить эффективные внутренние средства в борьбе с самыми разными заболеваниями. Главную роль в выздоровлении играет именно этот информационный процесс, независимо от системы верований врачевателя и пациента — в духов, в Бога, в биополе, в таблетки... Чумак «заряжает» биополем по телевизору, Кашпировский просто внушает, не считая себя экстрасенсом. Лечебный эффект обоих — в вере пациентов.

В книге Гарри Райта «Свидетель колдовства» описаны приемы целительства самых разных племен и народов. Необходимым элементом всех их оказывается внушение пациенту того, что причина заболевания устранена. Описаны и обратные явления — внушение болезни и даже смерти. Все эти явления неэнергетического характера. Только при непосредственном контакте возможно влияние и физических полей, однако и оно носит скорее информационный характер. Идея создания генератора биополя мощностью в 100 или 1000 Джун — полнейший абсурд, следствие абсурдного традиционного подхода к феноменам.

Информационный мир

Не торопитесь соглашаться или опровергать. Не так уж важно, что утверждает или отрицает автор. Важно то, что он направляет ваше внимание по определенному руслу.

Справочник Мессии

Здесь следует сделать оговорку, что подход к феноменам как к информационным взаимодействиям родился не на пустом месте. То, что он противостоит определенным традициям в науке, еще не означает его ненаучности. Наука — живая самоорганизующаяся, саморазвивающаяся система, в рамках которой идет возникновение, борьба, развитие и отмирание разных концепций, взглядов, парадигм, традиций, все идеи имеют свою преемственность. Не исключение и наш подход. В его «родословной» «мир идей» Платона, «саморазвивающийся дух» Гегеля, «коллективное бессознательное» Юнга, «Ноосфера» Вернадского, «семантическая Вселенная» Налимова и многое другое. Особую роль играет бурно развивающаяся сейчас синергетика — наука о процессах самоорганизации. Так, информационные взаимодействия и индивидуальную мыслительную деятельность можно рассматривать как возникновение, развитие и взаимодействие смысловых структур, то есть как процесс самоорганизации в смысловом пространстве (семантической Вселенной).

Для предмета нашего разговора это означает, например, то, что не каждая телепатически переданная мысль выходит в сознание. Существует порог, препятствующий попаданию в сознание того, что содержится в подсознании. Совершенно новые для человека темы имеют наиболее высокий порог, у привычных тем этот порог значительно ниже. Внимание или эмоциональное переживание снижает порог в той области, на которую оно обращено.

Если, учитывая сказанное, мы попытаемся определить пределы распространенности неосознаваемой телепатии, то будем вынуждены признать, что обнаружить их пока невозможно. Поэтому из идеи существования неосознаваемой телепатии следует, что все содержание сознания каждого человека передается его подсознанием. Каждая мысль имеет свое начало во всеобщей неосознаваемой телепатии. Общий объем телепатических передач может быть гораздо шире совокупного содержания сознания всех людей, ведь далеко не все осознается. Таким образом, мы подошли к надындивидуальным психическим процессам, которые можно назвать психосферой.

Пока не найдено хотя бы теоретических ограничений телепатии, ставить вопрос о материальном носителе информации не имеет смысла, поскольку нет условий для контрольного опыта. Поэтому заниматься физическими гипотезами объяснения феноменов пока преждевременно.

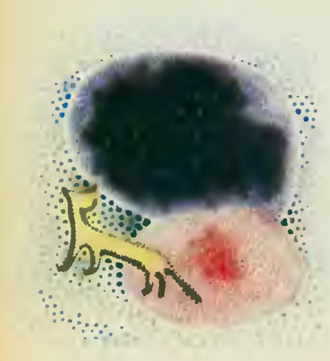
Итак, мы обратились только к некоторым случаям довольно узкой группы феноменов. Все многообразие фактов, относящихся к этой группе, и закономерности рассмотренных явлений в рамках одной статьи проанализировать невозможно. Думается, в этом нет необходимости. Из приведенных примеров видно главное: если какие-то явления не находят достаточного обоснования в рамках науки, необходима рефлексия самих научных представлений. Причем чем более странными кажутся явления, тем более глубокие, более фундаментальные слои научного знания должны быть пересмотрены. Многие феномены не могут быть объяснены из посылок данной статьи. Необходим более глубокий анализ представлений о научности. Не случайно сейчас серьезно обсуждается вопрос об альтернативной науке. Однако это уже тема другой статьи. ●

К вопросу об очередях

Если клиент американского банка «Кемикл» простоит более пяти минут в очереди перед окошком, прежде чем его обслужат, он получает компенсацию в пять долларов.

Кошка под знаком Льва

Характер животного также зависит от знака Зодиака, под которым оно родилось. К такому выводу пришел американский ветеринар и астролог Дональд Вульф, годами изучавший поведение десяти тысяч собак и кошек. Его рекомендации полезны не только любителям домашних животных, но и дрессировщикам. Чтобы успешнее работать, им не помешает узнать, под каким созвездием родились их четвероногие артисты. Это позволит дрессировщикам подбирать наиболее подходящие для животных номера.

Рисунки В. Сарафанова

Чистильщик слоновьих зубов

Эта профессия, очень распространенная в Шри-Ланке, отнюдь не легка, как может показаться на первый взгляд. Хотя у слонов всего 24 зуба, каждый размером с кирпич. Чистят их скорлупой кокосового ореха.

Телефон для музыкантов

Вид у телефонной кабины, которую вы видите на фото, действительно, необычен. Но зато она находится в полной гармонии со средой, ибо расположена рядом с музыкальным училищем недалеко от Токио. Хотя кабина и оформлена как контрабас, музыкальный репертуар ее очень ограничен. Единственные звуки, которые можно в ней услышать,— телефонные сигналы.

Птицы на границе

Несколько семейств редких морских орлов построили гнезда в удобной для них «мертвой зоне» — на границе между двумя Германиями. После того как границы стали излишними и люди уже беспрепятственно снуют вокруг, гордые пернатые оказались сразу очень уязвимыми. Бессовестные браконьеры посягают на их яйца, которые на Западе очень ценятся.

Чтобы птицы не пострадали от объединения Германии, было решено оставить некоторых пограничников со своими биноклями, но уже сторожить не людей, а орлов.

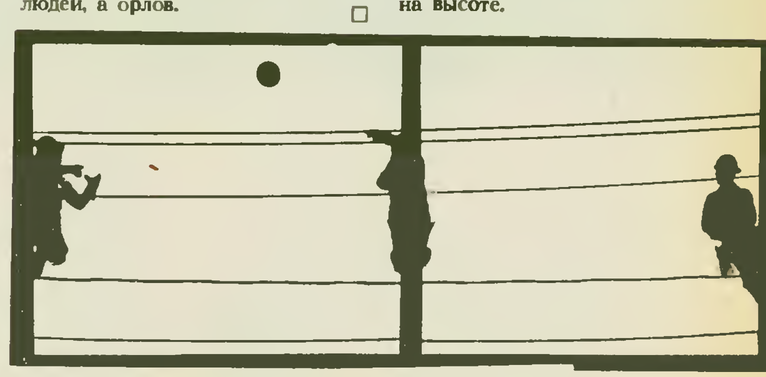

Резерват в бункере

В Польше находится единственный в Европе (по крайней мере, так утверждают поляки) резерват для летучих мышей. Создан он в 1989 году в Свебодзянских лесах. Убежищем для летучих мышей стали бункеры, построенные во время второй мировой войны. Там постоянная температура, которая не падает ниже пяти градусов, нужная влажность и хороший воздухообмен.

Как по нотам

Неправда ли, довольно необычный снимок? Но зачем понадобилась столь странная игра в мяч? Это американские практиканты, монтажники линий высоковольтной электропередачи, удерживаясь на девятиметровых столбах с помощью цепей, перекидываются баскетбольным мячом, чтобы развивать в себе сноровку и чувство уверенности на высоте.

В номере 7 нашего журнала вкралась досадная опечатка: даты жизни известного русского философа Ивана Александровича Ильина указаны неправильно. Он родился не в 1882, а в 1883 году. Проверка, основанная на внушающих доверие источниках, нашу ошибку подтвердила бы. Однако публикатор статьи Ю. Лисица имеет документы, позволяющие с полным основанием, увы, сократить жизнь И. Ильина на год.

ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ РОССИИ СОВРЕМЕННИКА АВГУСТОВСКИХ СОБЫТИЙ 1991

Я. Гордин

Власть и гвардия

1

В истории России XVIII века есть явление, не имеющее аналогов в жизни европейских стран того же периода. Впрочем, я бы затруднился найти аналог этому явлению в европейской истории вообще.

Явление это — политическая роль русской гвардии.

Невозможно достаточно полно понять период нашей истории от Петра I до Николая I, не исследовав политическую историю гвардии. Работа эта между тем еще не проделана. Не изучен с достаточной точностью социальный состав гвардии, характер и динамика его изменения. И эта неизученность рождает исторические мифы.

Речь идет именно о политической истории, ибо после Полтавской победы и Прутского поражения на протяжении многих десятилетий XVIII века гвардия не принимала сколько-нибудь активного участия в военных действиях. Сферой деятельности гвардейских полков оказалась политика.

Слово гвардии стало решающим во все переломные моменты русской истории с 1725 по 1825 год. Хотя внутриполитическая роль ее была определяющей и в предшествующие два десятилетия.

Жанр и задача данного очерка исключают возможность углубленного исследования этой проблематики, но даже беглый обзор участия гвардии в политической жизни страны, ее роли в создании нового государства необходим.

Необходимо также попробовать понять мотивы действий гвардии на разных этапах русской истории.

«Весь узел русской жизни сидит тут»,— сказал Лев Николаевич Толстой о периоде Петровских реформ.

Одна из главных нитей, образовавших этот узел, была разрублена, а если угодно, разорвана пачками картечи, посланной в пятом часу пополудни 14 декабря 1825 года от угла Адмиралтейского бульвара и Сенатской площади в сторону монумента создателя гвардии. А мишенью были стоящие возле монумента мятежные гвардейские батальоны, взбунтовавшиеся, по сути дела, против результата титанического подвига Петра — основанной на всеобщем рабстве военной империи. Но этому предшествовало для гвардии наполненное событиями столетие...

Гвардия — первое и, может быть, наиболее совершенное создание Петра. Эти два полка — шесть тысяч штыков — по боевой выучке и воинскому духу могли потягаться с лучшими полками Европы.

Гвардия для Петра была опорой в борьбе за власть и в удержании власти. Гвардия для Петра была «кузницей кадров». Гвардейские офицеры и сержанты выполняли любые поручения царя — от организации горной промышленности до контроля за действиями высшего Генералитета.

Гвардия всегда знала свой долг — была воспитана. Она казалась Петру той идеальной моделью, ориентируясь на которую он мечтал создать свое «регулярное» государство — четкое, послушное, сильное в военном отношении, слаженно и добросовестно работающее.

Гвардия боготворила своего создателя. И недаром. Дело было не только в почестях и привилегиях. Петр дал семеновцам и преображенцам мощное самоощущение участия в строительстве священного храма нового государства. Гвардеец не только был, но и осознавал себя государственным человеком. И это совершенно новое для рядового русского человека самоощущение давало петровскому гвардейцу необыкновенные силы.

Стрелец царя Алексея Михайловича тоже был патриотом. Но он стоял за традицию, за незыблемость или медленную эволюцию государственного быта, сливающегося для него с бытом домашним, его идеалом было сохранение окружающей его жизни, ее эталонных ценностей. Петровский гвардеец понимал себя созидателем нового и небывалого. В отличие от стрельца он куда меньше связан с бытом, он аскетичнее. Он предан будущему. Он жил с ощущением постоянного порыва, движения, совершенствования. Это был человек реформы как жизненного принципа.

Очевидно, это ощущение сравнимо — при всех необходимых оговорках — с ощущением рядовых большевиков, сознававших себя строителями нового, небывалого мира.

Именно это мироощущение и самоощущение, а не бритый подбородок и европейский мундир, принципиально отличали петровского гвардейца от солдата допетровского. Но в том же могучем самоощущении берет начало и трагическая раздвоенность, то несовпадение личных возможностей и условий для их реализации, которые радикально влияли на политическое поведение гвардии с 1725 по 1825 год.

Петр пытался вырастить деятельных, инициативных людей с чувством личной ответственности в условиях жестокого самодержавного деспотизма, ни одной из прерогатив которого он поступиться не желал. Он хотел вырастить рабов с деловыми качествами свободных людей. Петр разбудил желание самостоятельного, ответственного действия в русском человеке, в русском дворянине прежде всего, и поместил его при этом в жесткую структуру военно-бюрократической деспотии. И если при жизни Петра система обладала еще определенной внутренней динамикой и гибкостью, которые сообщала ей сверхчеловеческая воля и энергия царя, то после его смерти она приобрела целеустремленную тенденцию к окостенению, к антиреформистскому бытию, к тому, что мы впредь будем называть ложной стабильностью.

Отбор и размежевание начались еще при жизни Петра. Причем, как ни парадоксально это может прозвучать, носителями реформистской динамики в послепетровскую эпоху оказались не классические «птенцы гнезда Петрова» — Меншиков, Остерман, Феофан Прокопович, клявшиеся Петровым именем и объявлявшие себя хранителями его заветов, а скрытые и явные оппозиционеры, такие, как князь Дмитрий Михайлович Голицын.

Князь Д. М. Голицын и его сторонники, равно как и конституционалисты из шляхетства, выдвинувшие в 1730 году радикальные проекты ограничения самодержавия и введения представительного правления, ополчившись тем самым на петровские основополагающие принципы, попытались продолжить движение — активное реформирование страны. Именно эти люди оказались носителями петровской динамики при несовпадении конечных целей. Именно они олицетворяли возбужденную Петром тенденцию к внутреннему и внешнему раскрепощению, инициативе и чувству личной ответственности перед страной.

Их противники во главе с Остерманом и Прокоповичем стали воплощением второй тенденции, идущей от того же Петра,— рабской подчиненности, ориентации не на страну, а на государство, предельной сосредоточенности власти на минимальном — точечном — пространстве.

2

Когда в середине 1710-х годов — после полтавского триумфа, после завоевания Финляндии, сделавшего положение Петербурга незыблемым,— Петр обратился к делам внутренним и попытался наладить государственный механизм и справиться с галопирующей коррупцией, то оказалось, что единственным рычагом, на который царь может налегать всей тяжестью, не рискуя обломать его, является гвардия.

То, что гвардейские полки — шесть тысяч телохранителей — есть гарантия удержания Петром власти, было ясно еще с первых лет царствования. По свидетельству Берхгольца, Петр часто говорил, что между гвардейцами нет ни одного, которому он бы смело ни решился поручить свою жизнь.

Использование гвардейцев разных рангов для самых неожиданных поручений практиковалось давно. В 1706 году к фельдмаршалу Шереметеву, главнокомандующему русской армией, направленному для подавления астраханского восстания, приставлен был в качестве личного предста-

вителя государя гвардии сержант Михайло Щепотев, получивший по указу Петра большие полномочия. «Что он вам будет доносить, извольте чинить»,— иаказывал царь фельдмаршалу. И не главнокомаидующий, а гвардии сержант пользовался полным доверием царя. Гвардии сержанту вручалось право «смотреть, чтоб все по указу исправлено было, и буде за какими своими прихоти не станут делать или станут, да медленно, говорить; а буде не послушают, сказать, что о том писать будешь ко мне».

Вдумаемся: сержант может не только контролировать действия фельдмаршала, ио и делать ему замечания, фактически приказывать.

Щепотев — фигура типичная. Недаром Лев Толстой выбрал его одним из главиых героев романа о Петре. Щепотев — в центре двух больших набросков этой начатой и брошенной Толстым исторической эпопеи.

Щепотевы — хорошая дворянская фамилия. И хотя мы не знаем, из какой — благополучной или оскудевшей — ветви ее происходил гвардии сержант, но по всему видно, что жизненную ставку он сделал иа военную и государственную карьеру. Толстой моделировал его судьбу на меншиковский лад — смелый, решительный, смышленый, преданный царю молодой человек из низших слоев (хоть и дворянин).

Кавалергард. Мундир и камзол генерал-поручика 1764 года.

Другого такого гвардии сержанта, Украинцева, Петр позже послал начальствовать над Уральскими государственными заводами, несмотря на полную его некомпетентность в горном деле. Этот подход хорошо знаком нам по большевистским временам. Для Петра, несмотря на весь его прагматизм, идеологическая преданность часто играла первенствующую роль. Гениальный самоучка, он был увереи, что преданность и напор компенсируют неопытность.

Так именно и было со Щепотевым. Как военачальник он, разумеется, Шереметеву в подметки не годился и натворил много глупостей. Но иикакие жалобы оскорбленного фельдмаршала ие принимались в расчет московским штабом, созданным для руководства карательными операциями в отсутствие Петра. Щепотеву сходило с рук все что угодно. Вплоть до того, что, к изумлению Москвы, гвардии сержант вместо фельдмаршала принимал депутации мятежников, даже не ставя главнокомандующего в известность.

Нам чрезвычайио важно представить себе самоощущение этого гвардейского птенца, которого отнюдь ие смущал и не тяготил его малый чин. И у нас, к счастью, есть такая возможность, ибо, понимая себя личным эмиссаром царя, Щепотев взял на себя истинно царскую функцию и стал издавать «указы»: «По именному де великого государя указу послан с Москвы Преображенского полку бомбандирской роты уандер офицер Михайло Иванович Щепотев от его царского пресветлого величества х ковалеру Борису Петровичу Шереметеву да х киязю Петру Ивановичу Хованскому, а с ним уандер офицером послаио солдацких пехотиых полков двеиадцать и велено, соединясь с ним, ковалером итти на низ до Астрахани»[1]. И далее «указ» предписывал жителям городка Черный Яр принять и поселить полки. Если вчитаться в «указ», то становится ясно, что гвардии сержант считал себя равиым фельдмаршалу. Он должен был «соединиться» с ним, а не поступить в его подчинение. И можно было бы счесть преображенца Михайлу Щепотева Хлестаковым XVIII века, если бы мы не знали, что, являясь довереиным лицом государя, он обладал в корпусе Шереметева, по сути дела, большей властью, чем сам фельдмаршал. Шереметев боялся Щепотева.

Гвардейские сержаиты копировали своего властелина. Гвардии сержант чувствовал себя хозяином мира. Эта безграиичная самоувереиость и погубила Щепотева: на следующий год он погиб, штурмуя с горстью солдат шведский военный корабль, который принял сперва за купеческое судно. Это ощущение владеиия миром, умение в решающий момент подогнуть жизнь под колено, этот безудержный напор и насилие давали, конечно, быстрые результаты. Но построить что-либо прочное и долговечное таким образом было невозможно...

Но если до середииы 1710-х годов использование гвардейцев в подобных ролях было эпизодическим, то с этого переломиого времени оно стало системой. Особый статус гвардейца делался все грандиознее.

Когда в правительствующем Сенате, высшем государственном органе, управлявшем страной в отсутствие царя, возникали конфликты, кто в роли судей?

В 1717 году сенатор князь Яков Долгорукий «без приговору всех сенаторов общего, самовластно, своею силою, являя всем страх и по каким-то своим злобам поехав в застенок один... фискала Безобразова пытал жестоко, а другие сенаторы для той пытки, кроме племянника его, князя Михайлы Долгорукого, ннкто не ездили». Сенаторы, считая это нарушением обязательного коллегиального принципа, пожаловались царю. Кто же был иазначен рассудить первых сановников государства? Три гвардейские офицера — майоры Дмитриев-Мамонов и Лихарев и поручик Бахметев. Никакого отношения к Сенату оии не имели, но, как преображенец Щепотев, эти трое оказались облечены властью разбирать конфликт сенаторов потому, что они были гвардейцы.

Когда в 1723 году судили сенатора Шафирова, то наряду с такими персонами, как сеиаторы Брюс и Мусин-Пушкии, в состав суда вошли два гвардейских капитана — Бредихин и Баскаков, два «государева ока».

Когда во время податной реформы, начавшейся в конце 1710-х годов с переписи иаселения, гражданские чиновники и армейские офицеры не справлялись с этой гигаитской задачей или саботировали ее, то для контроля и устрашения по стране рассылались десятки гвардейских офицеров, сержантов и солдат, наделенных огромными полномочиями. Достаточно крупных чииовников из местной админиистрации гвардейцы держали «в оковах на чепях и в железах непрестанно». Тем, кто запаздывал в отправке ревизских сказок в столицу, гвардейскими эмиссарами «чинеио... жестокое наказание батожьем и держаны в тюрьме многие числа». По своим функциям это была новая опричнина, вставшая де-факто между царем и всеми остальными.

Хроиологически оформление этой «гвардейской опричнины» как систематического и последовательного явления идеально совпадает с периодом смертельного конфликта Петра и царевича Алексея, моментом открытого кризиса во взаимоотношеииях Петра и России.

Трезвый Милюков писал: «Мы имеем... наглядное доказательство того высшего доверия, которое Петр, вообще такой недоверчивый, выказывал своей дворянской[2] гвардии. В ту пору, когда, как мы видели, он стал сомневаться в своих ближайших сотрудниках и товарищах, для того чтобы расследовать их темные дела, наказать их и вообще дать им понять, что он может обойтись и без них, Петр не нашел ничего лучшего, как обратиться к своим майорам гвардии. Это был его последний ресурс. Майоры, полковники и капитаны гвардии явились членами судов и председателями следственных комиссий, обнаруживших целый ряд хищений и беспорядков в деятельности ближайших помощников Петра. Известен рассказ Фокеродта, что в последний год жизни Петр, «потеряв всякое терпение», сам вошел во все подробности следственных дел, посадил возле себя, в особой комнатке своего дворца, одного из таких доверенных людей, генерал-фискала Мякинина, и на его вопрос, отсекать ли ветви или рубить корень, ответил: «Искореняй все». Да, в последние годы жизни Петр, видя неожиданные результаты своей деятельности — тотальную развращенность соратников, которой он и приписывал неудачи во внутренней политике,— готов был «искоренять все» руками полковника[3] Мякинина и иже с ним. Он готов был все и вся заменить верными и честиыми гвардейскими офицерами и сержантами. Гвардии коррупция если и коснулась, то в незиачительной степеии: нам ие известны «гвардейские дела» о взятках или воровстве. Но Петр, конечно же, сознавал, что одной гвардией государством не управишь.

«Потеря терпения», тяжкое душевное состояние Петра в последние годы, о котором выразительно писал Ключевский, напоминает нам предсмертную драму другого великого демиурга — Ленииа. Но в отличие от свирепого реформатора XX века (который, быть может, того не сознавая, шел по стопам первого императора) Петр не пытался на ходу откорректировать модель, ои по своему психологическому устройству просто не знал другого пути. Внутриполитический кризис он по-прежнему старался забить внешнеполитической активностью — кончилась двадцатилетняя Северная война, тут же началась Персидская. Изнурением основной территории страны добивались все новые пространства. Приобретение иовых пространств оправдывало крайнюю степеиь военизации государства. Военизация государства позволяла придавать положению видимость стабильности, используя верность и жестокую энергию гвардейских эмиссаров.

Использование военной силы для решения внутриполитических и экономических задач — всегда есть признак не только кризисности положения и неорганичности структуры управления, но и растерянности власти. Когда Кромвель вошел в неразрешимый конфликт с парламентской системой Англии и не знал, как из него выйти, то ои — при всем его незаурядном уме и политическом чутье — не нашел ничего лучшего, как ввести знаменитый режим майор-генералов, отдав страну в руки лично ему преданных боевых соратников, своих гвардейцев. Но в отличие от Петра ои быстро понял порочность этого принципа и отказался от него. Россия же на столетия была отдана во власть военизированного управления.

Одной из главных неудач Петра было то, что ему не удалось создать единую структуру управления, пронизывающую государственный аппарат, армию и гвардию, церковь, податные сословия. Он подходил к этой грандиозной задаче чисто механистически, не желая учитывать жизненные интересы различных групп. Интересы аппарата и армии совпадали только частично. Аппарат к концу 1710-х годов оказался чисто функционален по отношению к армии. Он существовал главным образом для того, чтобы снабжать армию всем необходимым, грабя податные сословия. Естественным образом интересы податных сословий категорически не совпадали с интересами аппарата и армии. Государство стремилось взять у народа как можно больше, ничего ие давая взамен. Менее всего оио выполияло свою роль за-

[1] *Голикова Н. Б.*, Астраханское восстание 1705—1706 годов. Москва, 1975 год, с. 285.

[2] Термин «дворянская гвардия» вызывает серьезные сомнения, тем более что сам Милюков страницей ранее писал о комплектовании «потешных» из придворных товарищей юного царя, мелких дворян и «совсем простого происхождения ребят». Гвардия включала в себя выходцев из всех сословий (мы в этом еще убедимся) и была явлением принципиально внесословным.

[3] Генерал-фискал — должность, полковник — звание.

щитника гражданина — он был беззащитен перед бесчинством чиновника или офицера.

К концу царствования Петра в стране явно обозначились две параллельные структуры управления — гражданская и военная. Элитой второй структуры была гвардия в своей политико-административной ипостаси.

Гражданский аппарат по сравнению с гвардией был неотлаженным, неуклюжим, медлительным, вороватым, лишенным сознания своей миссии, которое было так сильно в гвардии. Гвардия встала высоко над аппаратом и безжалостно контролировала его. Гвардейский сержант мог, как мы знаем, посадить чиновника куда выше себя чином «на чепь», бить его батогами.

1. Портрет офицера конной гвардии князя И. И. Лобанова-Ростовского.
2. Гренадер лейб-гвардии Преображенского полка (1705—1720).
3. Мушкетер лейб-гвардии Семеновского полка 1780 года.
4. Шапки гвардейской пехоты, бомбардирская и офицерская гренадерская (стр. 80 и 84).
5. Мундир сержанта лейб-гвардии Семеновского полка 1740 года.
6. Колет кавалергардского корпуса 1764 года. Неизвестный художник.
7. Вид на Неву от наплавного моста, 1750-е годы.

Мы знаем, какое огромное значеиие придавал Петр всем видам государственного контроля над всеми видами деятельности подданных. Вместе с образованием Сената создан был и институт фискалов — государственных контролеров. Руководители этого воинства — обер-фискалы — не оправдывали доверия царя и попадали на плаху. Не вполне доверял Петр и рядовым фискалам. Когда по настоянию обер-фискала Нестерова решено было начать следствие по делу сибирского губернатора князя Гагарина, то эта миссия поручена была не фискалам, а гвардии майору Лихареву, соратнику гвардии майора Дмитриева-Мамонова на розыскном поприще.

А в 1721 году Петр издал следующий красноречивый указ: «Понеже государственного фискала вскоре еще выбрать не можем: того ради пока оный учинен будет определяем по одиому из штаб-офицеров от гвардии быть при сенате, переменяясь помесячно».

Это очень важный документ. Дело не только в лишнем подтверждении уникальной роли гвардейцев в организации всеобъемлющего государственного контроля и регулирования, но и в том, что, судя по этому указу, круг гвардейских офицеров, принимавших участие в этой деятельиости, был чрезвычайно широк: они сменялись ежемесячно!

Когда Милюков писал, что майоры гвардии оказались «последним ресурсом» Петра, он имел в виду совершенно определенное явление, которое называлось «майорскими розыскными канцеляриями».

Возникновение «майорских розыскных канцелярий» объясняется недоверием царя всем звеньям аппарата. Первые приблизительные наметки этих канцелярий появились уже в 1713 году, когда гвардии майор Иван Ильич Дмитрнев-Мамонов послан был в Вологду с приказом расследовать «экономические преступления» таможних купцов и проверить сведения о взяточничестве наборщиков рекрутов. Но конституированы майорскне канцелярии были специальным указом в конце 1717 года, в разгар следствия по делу царевича, когда кризис во взаимоотношениях власти и страны достиг апогея.

Майорские розыскные канцелярии никак не входили в общую аппаратную структуру, напоминая (с существенными оговорками) по принципам функционирования секретные комитеты Николая I. Это была именно параллельная система, замыкавшаяся, что особенно важио, только на самого царя. Так же, как секретные комитеты отчитывались перед создававшим их императором. И то, и другое было попыткой противопоставить что-то бюрократии, уже в петровские времена осознавшей свой кастовый интерес и выработавшей способы защиты этого интереса.

На примере первой и едва ли не самой значительной из майорских канцелярий — канцелярии Ивана Дмитриева-Мамонова — можно понять принцип их образования.

Гвардии майор Дмитриев-Мамонов, рюрикович и свойственник царя (женатый морганатическим браком на племяннице Петра царевне Прасковье), начал службу еще в потешном Преображенском полку. (Это, кстати, еще раз подтверждает огромный социальный и сословный разброс состава гвардии — от рюриковича до вчерашнего конюха.) Отличился в боях Северной войны. Был сотрудником Петра в составлении воинских уставов. То есть во главе первой «неформальной» розыскной организации Петр поставил лично близкого себе человека, дав ему огромные права: розыскная канцелярия гвардии майора могла сама арестовывать, вести следствие, пытать — «разыскивать накрепко» — и даже выносить приговор. При этом царь постоянно контролировал деятельность канцелярий, получая от них подробные донесения.

Главой другой канцелярии стал гвардии майор Семен Салтыков, принципиальный стороиник самодержавной власти, сыгравший большую роль в восстановлении самодержавия в феврале 1730 года. Канцелярия Салтыкова вела, в частности, следствие по делу о хищениях, к которому прикосновенны были такие персоны, как Меншиков и генерал-адмирал Апраксин.

Еще одной канцелярией ведал гвардии майор Андрей Ушаков, впоследствии грозный глава Тайной канцелярии при нескольких царствованиях.

В эту же систему входила и канцелярия гвардии подполковника князя Василия Долгорукова, специально расследовавшая злоупотребления Меншикова.

Одна из «майорских канцелярий» занималась — параллельно с главным следствием — исследованием дела о сообщниках царевича Алексея.

Можно сказать, что в 1715—1718 годах образовалась целая сеть этих гвардейских следственных органов, подотчетных только Петру и возглавлявшихся лично ему преданными лицами.

На основе этих гвардейских следственных органов в процессе расследования дела царевича Алексея выросла Канцелярия тайных розыскных дел — страшная секретная полиция с широчаишими полномочиями. Особые функции, которые возложены были Петром на гвардию, развили в ней сознание своей особости, своей вознесенности над всем остальным в стране. И это сознание осталось жить в умах гвардейцев целое столетие.

3

Противопоставив гвардию бюрократии, Петр создал совершенно новую для России ситуацию. Наиболее активная часть дворянства, в первую очередь составлявшая костяк гвардии, воспитанная в стремительном процессе реформ, после смерти императора уже органическн не могла подчиниться правительствующей бюрократии, слиться с нею.

Ключевский специально обратил на это внимание. Говоря о дворцовых переворотах, которые имели куда более глубокий смысл, чем просто смена персон на престоле, он писал: «Одна особенность этих переворотов имеет более других важное политическое значение. Когда отсутствует закон, политический вопрос обыкновенно решается господствующей силой. Такой силой в русских дворцовых переворотах прошлого века была привилегированная часть созданной

Петром регулярной армии, два гвардейских полка — Преображенский и Семеновский, к которым в царствование Анны прибавились два других — пехотный Измайловский и Конногвардейский. Гвардия принимала деятельное участие во всех затруднениях, возникавших из вопроса о престолонаследии. Ни одна почти смена на престоле в означенные 38 лет не обошлась без решающего вмешательства гвардии».

К сожалению, Ключевский не разработал этот сюжет, но на двух страницах, ему посвященных, он наметил ряд важнейших соображений, как совершенно точных, так с нашей точки зрения, требующих коррекции.

Первое самостоятельное выступление гвардии как политической силы произошло сразу после смерти первого императора. Ключевский суммирует сведения источников: «28 января 1725 года, когда преобразователь умирал, лишившись языка, собрались члены Сената, чтобы обсудить вопрос о преемнике. Правительственный класс разделился: старая знать, во главе которой стояли князья Голицыны, Репнин, высказывалась за малолетнего внука преобразователя — Петра II. Новые неродовитые дельцы, ближайшие сотрудники преобразователя, члены комиссии, осудившей на смерть отца этого наследника, царевича Алексея, с князем Меншиковым во главе, стояли за императрицу-вдову. Пока сенаторы совещались во дворце по вопросу о престолонаследии, в углу залы совещаний как-то появились офицеры гвардии, неизвестно кем сюда призванные. Они не принимали прямого участия в прениях сенаторов, но, подобно хору в античной драме, с резкой откровенностью высказывали об них свое суждение, грозя разбить головы старым боярам, которые будут противиться воцарению Екатерины. Вдруг под окнами дворца раздался барабанный бой. Оказалось, что там стояли два гвардейских полка под ружьем, призванные своими командирами — князем Меншиковым и Бутурлиным. Президент Военной коллегии (военный министр) фельдмаршал князь Репнин с сердцем спросил: «Кто смел без моего ведома привести полки? Разве я не фельдмаршал?» Бутурлин возразил, что полки призвал он по воле императрицы, которой все подданные обязаны повиноваться, «не исключая и тебя»,— добавил он. Это появление гвардии и решило вопрос в пользу императрицы. Когда в мае 1727 года Екатерина опасно занемогла, для решения вопроса о преемнике собрались чины высших правительственных учреждений, Верховного тайного совета, Сената, Синода, президенты коллегий; среди них появились и майоры гвардии, как будто гвардейские офицеры составляли особую политическую корпорацию, без содействия которой не мог быть решен такой важный вопрос».

Ключевский не прав, следуя классической схеме и деля противоборствующие группировки по признаку родовитости или безродности. Расстановка сил была сложнее. Это очевидно из примера, лежащего на самой поверхности. Как совершенно справедливо пишет историк, Екатерину I возвели на престол гвардейские полки во главе с Меншиковым и Бутурлиным. Но если Меншиков — выразительнейший образец «нового человека», безродного деятеля, то его союзник Бутурлин — нечто противоположное. Потомок одного из древнейших дворянских родов, восходившего к полулегендарному Радше, служившему Александру Невскому (и таким образом — дальний родственник Пушкина), Иван Иванович Бутурлин, чьи предки были боярами, ближними стольниками, окольничими, должен был, по простейшей логике, примыкать к Голицыным и Долгоруким и держать сторону Петра II. Но вся карьера Бутурлина — свидетельство относительности сословного подхода к политической борьбе петровского и послепетровского периода. Офицер Преображенского полка с момента его основания, родовитый Бутурлин оказался одним из самых надежных соратников Петра. Он колебался в 1725 году, прежде чем стал решительно на сторону Екатерины, тем более, что с Меншиковым у него были серьезные личные счеты. Но сделав выбор, именно он сыграл решающую роль в судьбе престола.

Не менее характерна разность позиций родовитых братьев Апраксиных, один из которых — Петр, сенатор, крупный государственный деятель, арестованный в свое время по делу Алексея, но затем оправданный, принял вместе с князем Дмитрием Михайловичем Голицыным сторону Петра II, а генерал-адмирал Федор Апраксин соединился с Меншиковым и Бутурлиным.

Состав политико-психологических групп, как явствует из конкретных фактов, невозможно объяснить социально-сословными причинами. И в петровскую эпоху, и позже политические союзы в не меньшей степени определялись индивидуальным выбором, уровнем понимания исторической ситуации, степенью осознания своего долга перед страной и характером понимания этого долга. Речь шла, в конечном счете, о выборе генеральной модели развития России. Выбор этот делался иногда четко, иногда смутно, иногда с высокой долей компромиссности, но суть позиции, вектор движения и определяли принадлежность человека к той или иной группировке.

Гвардия, как и группировки в верхах и в среднем шляхетстве, постепенно отыскивала свой вектор, свое понимание пути реформирования и развития государства.

В цитированном уже наброске Ключевского есть важнейшее замечание: «...как будто гвардейские офицеры составляли особую политическую корпорацию...». «Политическую корпорацию»... Не занимавшийся специально этой проблематикой Ключевский учуял суть явления. В отличие от других гвардейских корпораций — римских преторианцев, турецких янычар — русская гвардия превращалась именно в политическую корпорацию.

Дав в нескольких фразах беглый обзор «переворотного периода», Ключевский далее формулирует основополагающие положения. «Это участие гвардии в государственных делах имело чрезвычайно важное значение, оказав могущественное влияние на ее политическое настроение. Первоначально послушное орудие в руках своих вожаков, она потом становится самостоятельной двигательницей событий, вмешиваясь в политику по собственному почину. Дворцовые перевороты были для нее подготовительной политической школой, развили в ней известные политические вкусы, создали настроение, привили к ней известный политический образ мыслей. Гвардейская казарма — противовес и подчас открытый противник Сената и Верховного тайного совета». Это мудрый пассаж. Вместе с тем здесь есть чему возразить. Во-первых, определенную политическую школу гвардия прошла еще при Петре. К эпохе дворцовых переворотов она пришла уже «политической корпорацией». Ее претензии на решение вопросов, подлежащих компетенции правительствующих учреждений — Сената и Верховного совета,— зиждились на воспоминаниях о той роли, которую отвел ей Петр в последнее десятилетие своего царствования, роли контролирующей и регулирующей силы, подотчетной только царю.

Во-вторых, вряд ли в 1725 и 1727 годах гвардия была «послушным орудием» в руках Меншикова и Бутурлина. Она была «послушным орудием» — идеальным орудием — в руках своего создателя. А с его смертью немедленно стала самостоятельной силой. Гвардия пошла за Меншиковым и Бутурлиным потому, что их программа в этот момент была действительно органически близкой гвардейской,— Екатерина представлялась преображенцам и семеновцам гарантом буквального следования предначертаниям первого императора. Гвардия выбирала не просто царствующую особу, она выбирала принцип.

Причем выбирала гвардия не между петровской и допетровской Россией. Да, Голицын и Долгорукие не были полными единомышленниками Петра. Более того, их можно считать оппозицией. Недаром обе семьи были причастны к делу царевича Алексея. Но ни князь Дмитрий Михайлович Голицын, крупный администратор и замечательный политический мыслитель, ни его младший брат Михаил Михайлович Голицын, блестящий генерал, герой Лесной, Полтавы, завоевания Финляндии, ни князь Василий Владимирович Долгорукий, один из любимых полководцев императора, поддерживая юного Петра II, и не помышляли о возврате к старомосковским временам. Их расхождения с Петром I касались не самой принципиальной необходимости проевропейских реформ, но характера и темпа этих реформ. Как выяснилось через пять лет, оба Голицына и Василий Долгорукий были сторонниками ограничения самодержавия и противниками безмерно возросшей единоличной бесконтрольной власти царя.

Меншиков, Бутурлин, Толстой, лидеры екатерининской группировки, исповедовали самодержавные принципы Петра и стояли за это направление реформы. Их последующее недолгое сотрудничество с Голицыными и Долгорукими было вынужденным компромиссом.

И гвардия, как видим, выбирала в январе 1725 года между двумя тенденциями политического реформирования страны — умеренного, но несомненного движения в сторону ограничения самодержавия и неизбежного при этом увеличения свободы в стране, с одной стороны, и дальнейшего развития и укрепления военно-бюрократического государства, основанного на тотальном рабстве,— с другой.

Гвардия в 1725 году выбрала второй вариант. ●

ПОНЕМНОГУ О МНОГОМ

Древнее древнего грека

Самым древним предком человека до недавних пор считался австралопитек афарейский, живший в Африке около трех с половиной миллионов лет назад. Однако в начале восьмидесятых годов появились свидетельства, что его возможным предшественником был уранопитек, населявший северное Средиземноморье.

Об этом говорили остатки зубов и части челюсти, описанные в 1981 году палеонтологами Луисом де Бони из Франции и Дональдом Джохансеном из Института происхождения человека в Калифорнии. Эти остатки были обнаружены лет двадцать назад при раскопках в Долине Дождей, что в сорока километрах к северо-западу от греческого города Салоники.

Исследователи тогда отмечали сходство между уранопитеком и австралопитеком, в том числе свойственный обоим мощный слой зубной эмали и некоторые черты строения коренных зубов. С другой стороны, ученые признавали, что эти характеристики довольно примитивны и, несомненно, не связывают оба вида в систему «предок — потомок».

В сентябре 1989 года Луис де Бони совместно с греческим палеонтологом Георгиосом Куфосом из Салоникского университета, проводя раскопки в той же Долине Дождей, обнаружили неплохо сохранившиеся остатки лицевой части костей и верхней челюсти, принадлежавших другой особи уранопитека. Они относятся к позднему миоцену, то есть к периоду, отстоящему от нашего времени на 10 миллионов лет. По мнению исследователей, подобные гоминиды, возможно, были предшественниками австралопитека.

Известный американский палеоантрополог Дейвид Пилбим из Гарвардского университета указывает на связь уранопитека с современной гориллой. Он не обязательно был ее предком, но может принадлежать к группе, включающей в себя и предков гориллы. В пользу такого мнения говорят широко расставленные глазницы, выступающие надбровные дуги и некоторые черты нижней части лица и неба. Кроме того, в отличие от прачеловека это существо обладало крупными клыками.

Тот факт, что эти предполагаемые гоминиды обнаружены в Греции, а не в Африке или Азии, само по себе не отвергает новую гипотезу. Ведь миллионы лет назад Африка и Евразия составляли единое целое, и многие животные виды неоднократно свободно перемещались из конца в конец этого массива суши. Так могло быть и с древнейшим предком нашим. Для прояснения вопроса необходимы дальнейшие исследования.

Рисунок О. Степанова

Библиофайлы — на смену библиофилам?

То, что американцам так же не удастся в обозримом будущем «догнать и перегнать» Японию, как нам, соответственно, Америку, бывшие побежденные (во второй мировой войне) продемонстрировали озадаченным победителям еще раз — нынешней весной.

Речь идет о новинке — электронных книгах, которые с триумфом выбросила на рынок компания «Сони». Изобретение названо «Дейта Дискмен» по аналогии со ставшим уже привычным «уокменом» (карманным плейером). Это небольшой, умещающийся на ладони (10×17 сантиметров) микрокомпьютер с экраном на жидких кристаллах и клавиатурой. Вес — полкило, есть дисковод для специальных дискет, на которых можно записать... книгу. И если б одну! Дискета предназначена только для чтения компьютером, и на одной такой стандартной односторонней дискете (11 сантиметров в диаметре) записаны приблизительно — спокойно!.. — 20 тысяч стандартных рукописных страниц текста. Ставить восклицательные знаки? Сколько? Короче, это эквивалентно полутора тысячам обычных компьютерных «флоппи-дисков» или около двадцати 30 МБ «хард-дисков».

Читателю, еще не перестроившемуся на современный компьютерный сленг, поясним. Все двадцать томов академической Американской энциклопедии Гройлера (около 10 тысяч страниц убористого текста) уместятся на одной пятой такой дискеты...

Стоит эта роскошь в Японии всего-то 450 долларов. Но американцы пока лишь завидуют по-черному бывшим побежденным, так как в США компания «Сони» начнет продавать свой импортный дефицит только осенью. В связи с этим оптимистический прогноз: скоро нам будут продавать бумагу и полиграфическое оборудование из-за рубежа за бесценок. Много ли сегодня на бирже покупателей на черную тушь и гусиные перья?

Компания «Сони» уже продала за полгода в Японии более 70 тысяч «электронных книг», по цене 450 долларов за штуку. После первоначального «меню» — 17 названий, включая различные словари и медицинский справочник,— выбор был расширен до 25 «книг» (напомним, что на каждом трехдюймовом диске может быть записана информация, умещающаяся на *100 000* страницах стандартного книжного текста!)

Пишете фантастику? Полмиллиона — ваши!

Известный в нашей стране организатор Игр доброй воли, мультимиллионер и владелец телекомпании Си-Эн-Эн Тед Тернер решил щедро раскошелиться и на любимую всеми нами фантастику. А именно — объявил конкурс на лучшее произведение (объем до пятнадцати авторских листов), в основе которого «...лежит творческое и безусловно позитивное решение той или иной глобальной проблемы». Сенсацией стал не сам конкурс (сколько их там, в сытой Америке!..), а его главный приз, полмиллиона долларов. Если вам это ни о чем не говорит, умножьте столбиком на 27 или 35, может, станет понятнее. Впрочем, конкурс уже завершен, так что читающим этот выпуск «Страны Фантазии» есть смысл расслабиться и спокойно читать дальше. Всего получено 3000 рукописей из более чем полусотни стран, так что не исключался и на нашей улице праздник.

P. S. Увы, когда в июне жюри (в составе: Уильям Стайрон, Надин Гордимер, Карлос Фуэнтес, Рэй Брэдбери и другие) объявило результаты, наши надежды не оправдались. Полмиллиона долларов *ушли* — как, впрочем, и все четыре поощрительные премии. Ушли к американцу Дэниэлу Куинну, автору романа-победителя «Исмаил», и его соотечественникам Эндрю Голдблатту и Джанет Келлер; единственной «неамериканкой», получившей одну из поощрительных премий, оказалась Сара Камерон с Барбадоса. В качестве утешительных известий для *(возможных)* советских участников (пока неизвестно, рискнул ли кто послать за океан свою рукопись на *английском* — хотя за *полмиллиона* многие, вероятно, выучили б в сжатые сроки даже японский язык...) остается сообщить, что жюри в целом осталось *недовольно* уровнем присланных произведений. Известный романист Уильям Стайрон высказался в том духе, что все это, конечно, очень бла-ародно, но — *полмиллиона!..* Вероятно, завидовал. Но, как бы то ни было, по-прежнему можно утешать себя, что «у советских особенная гордость», а с другой стороны — что «художника всякий может обидеть» (пусть это даже *в целом* друг нашей страны Тед Тернер)!

Будут бить. И возможно, ногами...

Так, если читатель помнит, мрачно представлял себе перспективу герой Ильфа и Петрова. В их же книге фигурировал и злостный нарушитель конвенции Паниковский... Американская организация, называющая себя «Международным Соглашением по охране интеллектуальной собственности» (она объединяет издателей, деятелей киноиндустрии, адвокатов и т. п. публику), потребовала от Федерального правительства принять жесткие санкции против 22 стран, где процветает *пиратство* в области авторских прав. Представлено три «черных списка»: «Самые злостные» (в отношении коих ассоциация требует применения *ответных мер* — этот список был расширен за счет включения в него Китая, Индии и Индонезии), «Требующие присмотра в первую очередь» (Мексика, Бразилия, Греция, Филиппины, Польша, Турция и Объединенные Арабские Эмираты) и *просто* «Требующие присмотра» (куда, наряду с Кипром, Египтом, Сальвадором, Германией (!), Италией (!), Кореей, Пакистаном, Саудовской Аравией, Тайванем и Югославией включена и наша страна). *Не так все плохо?* Отнюдь... Списки явно составлялись без учета нашего книжного «бума» последних двух лет; Польша, к примеру, путь которой мы в значительной мере копируем, *уже* бодро передвинулась на один список вверх, в сторону «большего криминала».

Почему эта заметка помещена в рубрике «Страна Фантазия»? Догадаться несложно — достаточно окинуть взором «дикие» книжные развалы и многочисленные объявления о подписках на собрания зарубежной фантастики...

Гвардия не сдается!

Айзек Азимов, кажется, уже перестал удивлять поклонников работоспособностью, достойной запечатления в Книге рекордов Гиннесса. Несмотря на участившиеся заболевания (все-таки, восьмой десяток пошел), он полон решимости довести число написанных книг до мифической *полутысячи*! Его последние сданные в издательства рукописи, выхода которых ждать недолго,— это *третий* том автобиографии, новые романы из популярных серий об «Основании» и о роботах, научно-популярная «Азимовская хронология мира», а также написанная в соавторстве с Фредериком Полом книга «Наша сердитая Земля» (о путях спасения планеты...).

Лауреаты «Небьюлы»

В конце апреля в Нью-Йорке по традиции собрались члены Ассоциации «Научные фантасты США», чтобы присудить ежегодную премию «Небьюла». Новые лауреаты: *роман* — «Теану: Последняя книга о Земноморье» Урсулы Ле Гуин; *повесть* — «Розыгрыш Хемингуэя» Джо Холдемана; *короткая повесть* — «Вавилонская башня» Теда Чанга; *рассказ* — «Медведи открывают огонь» Терри Биссона; титул «Великого мастера» («Гроссмейстера») завоевал ветеран Лестер Дель Рей.

А в конце августа, на очередной Всемирной Конвенции, собравшейся в Чикаго, уже *любителями* были присуждены очередные премии «Хьюго».

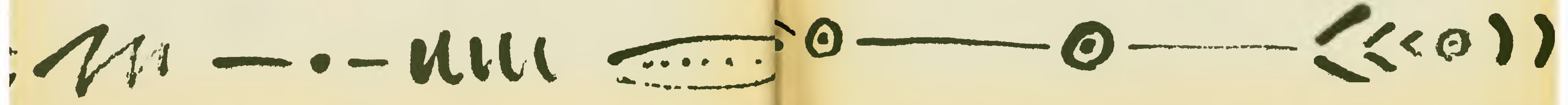
Терри Биссон был гостем Волгакона (о Конвенции читайте в № 12), где и похвастал, что получил за тот же рассказ премию «Хьюго»! К сожалению, на тот момент, когда прибыла верстка этого номера, мы не располагали какой-либо информацией о других лауреатах «Хьюго» за 1991 год. Как только почта доползет из Америки, сообщим непременно.

Дело Лема живет и побеждает!

Есть юбилеи, о которых достаточно вовремя вспомнить. Не нужно официозных статей, дежурных комплиментов и поздравлений юбиляру — достаточно назвать имя и дату. Каждый *понимающий* читатель сам для себя установит значение этой даты.

СТАНИСЛАВУ ЛЕМУ ИСПОЛНИЛОСЬ СЕМЬДЕСЯТ.

Мы поздравляем писателя, желаем ему новых книг и немного гордимся тем, что именно в «З—С» был впервые напечатан отрывок из его романа «Солярис». И немного грустим о том, что новости о постановке *балета «Солярис»* в Днепропетровском оперном театре (бог с ней, с постановкой в Вене *оперой* по мотивам «Кибериады»!) мы узнали из *американского* журнала...

У. Миллер

Песнь для Лейбовица

9

Через несколько месяцев после отъезда монсеньора Агуэрры в монастырь прибыл из Нового Рима еще один ослиный караван: там были секретари, писцы и вооруженная охрана для защиты от разбойников, мутантов и якобы объявившихся в пустыне драконов. На сей раз караваном руководил монсеньор, носивший маленькие рожки и острые когти,— так показалось монахам. Он объявил, что ему поручено собирать сведения, препятствующие канонизации Блаженного Лейбовица. Он приехал произвести расследование, а возможно, намекнул гость, и найти виновных, как получилось, что в монастыре зародились некие невероятные и безумные слухи, к сожалению, достигшие даже врат Нового Рима. Монсеньор дал понять, что в отличие от предшествующего визитера не склонен выслушивать всякий романтический бред.

Настоятель встретил гостя вежливо и отвел ему келью с железной койкой, выходящую на южную сторону. Правда, извинился за неудобства: к несчастью, покои для почетных гостей закрыты после вспышки чумы. Монсеньор пользовался собственной прислугой, а питался в трапезной со всеми монахами, вкушая кашу и травы,— охотники рассказывали, что все перепелки и кактусовые курочки, как назло, куда-то запропастились.

На сей раз настоятель не стал предупреждать Френсиса, чтобы тот не давал воли воображению. Пусть бы попробовал. Адвокат Диавола не склонен относиться с доверием даже к несомненной истине, он обязан прежде пощупать ее и засунуть персты в ее зияющие раны.

Оказавшись наедине с Френсисом, монсеньор Флаут впился в монаха весьма зловещим — так, во всяком случае, показалось последнему — взглядом.

— Я слышал, что ты частенько бухаешься в обмороки. Кто-нибудь из твоих предков болел падучей? Страдал безумием? Мутанты в роду есть?

— Нет, ваше превосходительство.

— Я тебе не «превосходительство»! — рявкнул священник.— И я сумею выколотить из тебя правду, уж будь уверен!

Слова были сказаны тоном хирурга,— мол, потребуется очень несложная операция — так, ничего особенного, просто маленькая ампутация.

— Известно ли тебе, что бумаги можно состарить искусственным путем?

Брату Френсису это известно не было.

— Известно ли тебе, что в найденных тобой бумагах имя «Эмили» не упомянуто?

— Да, но...— Френсис запнулся, не решаясь продолжать.

— Там написано «Эм», верно? Может быть, Эм — уменьшительное от Эмили...

— Я... я так и подумал, мессир.

— ...А может быть, и от Эммы. Последнее, между прочим, там как раз упоминается!

Френсис молчал.

— Ну что ты на это скажешь?

— На что, мессир?

— Неважно. Просто хочу, чтоб ты знал: у нас есть доказательства, показывающие, что «Эм» — это Эмма. А Эмили Эммой не называют. Так или нет?

— Я не думал об этом, мессир, однако...

— Что «однако»?

— Ведь бывает, что муж с женой называют друг друга, как им больше нравится?

— Ты что, шутить со мной вздумал?!

— Нет, мессир.

— А ну, говори правду! Как ты нашел убежище и что это за бред про какое-то видение, якобы явившееся тебе?

Брат Френсис попробовал объяснить, как было дело, но адвокат Диавола то и дело прерывал его саркастическим хмыканьем и ехидными вопросами. Когда же монах закончил, монсеньор не оставил от его рассказа камня на камне; Френсис даже усомнился, видел ли он на самом деле старика. Может, тот и вправду ему примерещился?

Допрос велся жестко, но Френсис испытывал куда меньше страха, чем при разговоре с настоятелем. В конце концов, адвокат Диавола потерзает-потерзает да и отпустит. Настоятель же был пожизненным господином над монахом, вечным надсмотрщиком за его душой; Аркос мог карать за один проступок долгие годы подряд.

Увидев, как держится допрашиваемый под градом вопросов, монсеньор Флаут решил поумерить пыл — слишком уж незамысловатой оказалась рассказанная история.

— Что ж, брат, если ты поведал мне все и готов подтвердить свой рассказ, ты, видимо, вообще нам не понадобишься. Не уверен, что это правда, но пусть так — история твоя чересчур обыденна и даже глупа. Ты это понимаешь?

— Я и сам всегда так думал, мессир,— вздохнул брат Френсис, много лет тщетно пытавшийся преуменьшить значение встречи с паломником.

— Почему бы тебе наконец не объявить об этом публично? — резко спросил Флаут.

— Я всегда говорил: по-моему, это был, скорее всего, обычный старик.

Монсеньор прикрыл глаза рукой и тяжело вздохнул. Он знал из опыта, что допрашивать неуверенного свидетеля — дело гиблое.

Прежде чем уехать из монастыря, адвокат Диавола, как и его предшественник, заглянул к переписчикам и попросил показать разукрашенную копию синьки Лейбовица («этой невразумительной абракадабры», выразился он). На этот раз руки Френсиса дрожали не от волнения, а от ужаса — неужели ему вновь придется отложить свой труд?

Монсеньор Флаут надолго умолк. Трижды сглотнул слюну в полной тишине. Потом, взяв себя в руки, кивнул.

— Воображение у тебя живое,— признал он.— Но это нам и без того известно.— Монсеньор помолчал еще и спросил: — Давно работаешь над ней?

— Шесть лет, мессир. С перерывами.

— Еще столько же понадобится, никак не меньше.

Тут рога на голове монсеньора сразу стали на дюйм короче, а когти и вовсе исчезли. В тот же вечер он отбыл в Новый Рим.

Шли годы, испещряя морщинами некогда молодые лица, покрывая виски сединой. Повседневная жизнь в монастыре тянулась своим чередом. Каждый день к небу возносились божественные гимны, медленной струйкой текли во внешний мир переписанные книги, временами в распоряжение епархий и церковных трибуналов и реже — светских властей отбывали монахи-секретари и монахи-писцы. Брат Джерис замыслил построить печатный станок, но Аркос подавил эту идею в корне. Где взять столько бумаги и краски? Да и не нуждался неграмотный мир в дешевых книгах. Переписчики по-прежнему трудились при помощи перьев и чернильниц.

В праздник Пяти Юродивых прибыл посланец из Ватикана, привез радостную для ордена весть, монсеньор Флаут снял свои возражения и покаялся перед иконой Блаженного Лейбовица. Агуэрра выиграл процесс, и папа повелел издать буллу о причислении Блаженного к лику святых. Официальную церемонию назначили на Новый год и приурочили к заседанию Генерального Церковного совета, на котором предполагалось осторожно пересмотреть доктрину о распространении власти церкви лишь на область веры и морали. Этот вопрос возникал в ходе истории неоднократно, принимая с каждым новым веком иную форму, особенно — в темные столетия, когда человек ничего не знал о природе ветров, небесных тел и дождя, у него была только вера. Посланец объявил, что основатель ордена альбертианцев будет торжественно включен в Календарь святых во время грядущего собора.

В монастыре началось всеобщее ликование. Дом Аркос, постаревший и сильно сдавший, вызвал к себе брата Френсиса и прошамкал:

— Его святейшество приглашает нас в Новый Рим на церемонию. Готовься к отъезду.

— Я, господин?!

— Ты. Поедешь один. Брат аптекарь запрещает мне ехать, а отцу приору нельзя оставлять монастырь, пока я болею... И не вздумай бухаться в обморок,— ворчливо добавил дом Аркос.— Я-то думаю, что твои заслуги явно переоценили, и все из-за того, что суд счел дату смерти Эмили Лейбовиц доказанной. В общем, его святейшество прислал тебе личное приглашение. Благодари Господа и смотри не возгордись.

— Его с-с-святейшество?.. — дрожащим голосом переспросил Френсис.

— Да. И вот еще что. Мы отправляем в Ватикан ту синьку. Но как бы ты отнесся к тому, чтобы отвезти в дар его святейшеству свою разукрашенную копию?

— У-у,— только и смог промычать в ответ Френсис.

Настоятель ободрил его, благословил, назвал «добрым простаком» и отправил собирать в дорогу узелок.

10

Путешествие в Новый Рим занимало по меньшей мере три месяца, а то и значительно дольше,— это зависело от расстояния, которое Френсис успеет проехать, прежде чем неизбежная встреча с грабителями оставит его без осла. Монах поедет один, без оружия. Кроме реликвии и прекрасной копии, он возьмет с собой узелок на палке и чашу для подаяния. Френсис молил Бога, чтобы грабители не тронули синьку и копию, ведь попадаются же незлые разбойники, которые забирают у путников лишь ценное, оставляя жертве жизнь и личные вещи. Не все, правда, настолько милостивы.

На всякий случай брат Френсис прикрыл один глаз черной повязкой. Крестьяне — народ суеверный и очень боятся дурного глаза. Вооружившись таким образом, монах отправился в путь согласно повелению Святого Владыки, Святейшего Государя и Правителя, папы Льва XXI.

Прошло почти два месяца, прежде чем Френсис встретил своих грабителей. Это случилось на лесистом склоне, вдали от обитаемых мест, если не считать Долины выродков, находившейся в нескольких милях к западу, за перевалом. Там, спрятавшись от мира, словно колония прокаженных, жила община генетических уродов. Некоторые из подобных поселений были под эгидой церкви, но Долина выродков не относилась к их числу.

Еще несколько веков назад там осели уроды, чудом избежавшие смерти от рук лесных дикарей. Численность их все время пополнялась за счет корявых и убогих, которые сползались в долину, спасаясь от людей. А некоторые из выродков могли размножаться. Чаще всего их дети тоже рождались мутантами. Многие умирали в младенчестве.

Но временами мутация отступала, и тогда ребенок двух выродков вдруг оказывался нормальным. Бывало и так, что нормальный отпрыск был только внешне, уродство поселялось в его душе, лишенной чего бы то ни было человеческого.

Грабитель, подстерегший брата Френсиса, не был похож на урода. Тем не менее появился он из Долины выродков, это стало ясно, когда из-за куста, росшего на склоне, что нависал над тропой, высунулись две фигуры, укутанные в клобуки. Видения заулюлюкали и погрозили монаху луками. С такого расстояния было не очень видно, но Френсису показалось, что один сжимал лук слишком большим количеством пальцев, а у второго было два капюшона. Впрочем, монах так и не разглядел, в самом ли деле у выродка две головы.

А главный грабитель стоял прямо на тропе. Он был мал ростом, но массивен, как бык, с гладко выбритым черепом и гранитными челюстями. Широко расставив ноги, разбойник преградил монаху путь; могучие руки

* *Продолжение.* Начало в № 9, 10.

Иллюстрация Е. Силиной

были сложены на груди. Брат Френсис увидел, что грабитель не позаботился даже вынуть нож из-за пояса, а другого оружия у него, похоже, и не было. Громила поманил монаха пальцем. Тот натянул поводья и остановился — до разбойника оставалось ярдов пять — десять. Тогда один из «папских племянничков» пустил стрелу, которая вонзилась в землю под ослиным хвостом. Глупое животное само понеслось вперед.

— Слезай,— коротко приказал грабитель.

Осел встал как вкопанный. Френсис откинул капюшон, чтоб видна была повязка на глазу. Потом дрожащей рукой коснулся ее и начал отодвигать.

Разбойник откинул голову и захохотал так гулко, что, по мнению монаха, подобный звук мог вырваться лишь из глотки Сатаны. Френсис прочитал молитву, изгоняющую дьявола, но на грабителя она не подействовала.

— Придумали бы что-нибудь новое, шуты чериорясые,— рыкнул злодей.— А ну слезай!

Брат Френсис улыбнулся, пожал плечами и без лишних слов слез. Грабитель занялся ослом — похлопал по бокам, осмотрел зубы и копыта.

— Жрать? Жрать? — заорал со склона один из укутанных.

— На этот раз нет,— пролаял грабитель.— Слишком щуплый.

Брат Френсис не был окончательно уверен в том, что они говорили об осле.

— Добрый день, сударь,— вежливо сказал монах.— Вы можете взять осла. Думаю, что прогулка пешком будет мне только полезна,— он снова улыбнулся и тронулся с места.

Прямо перед ним в дорогу воткнулась стрела.

— Хватит! — заревел грабитель и обернулся к Френсису.— Раздевайся. И давай-ка посмотрим, что там у тебя в свертке и в узелке.

Брат Френсис дотронулся до чаши для подаяния и беспомощно развел руками. Этот жест только вызвал новый приступ ядовитого смеха.

— Такие горшки для милостыни я тоже уже видел. Последний раз тут проходил один с чашкой, так у него в сапоге оказалось полмеры золота. Давай раздевайся.

Брат Френсис, не имевший сапог, с вновь проснувшейся надеждой показал свои сандалии, но грабитель нетерпеливо отмахнулся. Монах развязал узелок, высыпал содержимое и начал раздеваться. Грабитель прощупал его одежду, ничего не нашел и швырнул ее обратно. Френсис благодарно вздохнул: он ведь уж было совсем приготовился, что останется голым посреди дороги.

— А теперь давай-ка другой сверток.

— В нем лишь документы, сударь,— запротестовал монах.— Они не представляют никакой ценности ни для кого, кроме владельца.

— Открывай.

Брат Френсис молча открыл сверток, развернул синьку и разукрашенное посвящение Лейбовицу. Золотые узоры и цветные виньетки ослепительно вспыхнули на солнце, пробившемся сквозь листву. У грабителя отвисла челюсть. Он тихонько присвистнул.

— Во красотища! Моя баба эту штуку на стенку повесит!

Френсиса затошнило.

— Золото! — заорал грабитель своим сообщникам на холме.

— Жрать! Жрать! — донеслись гнусавые и причмокивающие голоса.

— Не бойтесь, пожрем! — отозвался главный и потом доверительно пояснил Френсису: — Проголодались они, уж два дня тут сидим. В это время движение на дороге никудышное.

Френсис кивнул. А грабитель продолжал восхищаться разукрашенной копией.

«Господи, если ты послал его, чтобы испытать меня, помоги мне умереть, как подобает мужчине; пусть он заберет ее только с бездыханного тела раба твоего. Святой Лейбовиц, взгляни и заступись за меня!»

— Что это? — спросил грабитель.— Амулет? — он рассматривал оба документа.

— О! Один призрак другого. Они волшебные, что ли? — серые глаза с подозрением смотрели на Френсиса.— Как это называется?

— М-м... «Транзисторная система контроля узла 6-Б»,— пробормотал монах.

Грабитель, державший документы вверх ногами, тем не менее заметил, что одна диаграмма представляла собой обратную копию другой, это обстоятельство привлекло его так же сильно, как позолота. Он сличал документы, водя по ним грязным коротким пальцем и оставляя пятна на разукрашенном руне. Френсис с трудом сдерживал слезы.

— Умоляю! — задыхаясь, проговорил он.— Слой золота так тонок, что и говорить-то не о чем. Взвесьте в руке. Вся вещь весит не больше, чем просто лист бумаги. На что она вам? Прошу вас, сударь, возьмите взамен мою одежду. Берите осла, берите узелок. Берите все, что хотите, только оставьте мне эти документы. Они ничего не значат для вас.

Серые глаза грабителя смотрели задумчиво. Он наблюдал, как волнуется Френсис, и тер подбородок.

— Я оставлю тебе и одежду, и осла, и вообще все, кроме этого,— предложил он.— А вот амулет заберу.

— Тогда, ради милосердия Божьего, убей и меня! — завопил брат Френсис.

Грабитель хохотнул:

— Там посмотрим. Скажи-ка, для чего они?

— Ни для чего. Одна — память о человеке, давно умершем. Он был ученый. А другая — всего лишь копия.

— А для чего она тебе?

Френсис на мгновение зажмурился и подумал, как бы это получше объяснить.

— Вы слышали о лесных племенах? Как они почитают своих предков?

Глаза грабителя сердито вспыхнули.

— Мы презираем наших предков! — гавкнул он.— Они родили нас, будь они прокляты!

— Прокляты, прокляты! — эхом отозвался один из закутанных.

— Ты знаешь, кто мы? И откуда?

Окончание следует

Г. Смирнов-Греч

Постсамиздат

Новая рукописная книга

В начале лета в московском Дворце молодежи прошла необычная выставка. Экспонатами были книги, но привычный посетитель книжных ярмарок не нашел бы среди них ни одной, предназначенной к тиражированию или хотя бы к полиграфическому воспроизведению. Это были рукописные самодельные авторские книги — произведения так называемого Book art'a — особого направления современного художественного творчества. Именно художественного. Только в данном случае художник реализовал свою идею не в форме картины, а в форме книги, которую сделал сам от начала до конца, нередко включая и текст. Советские художники обнаружили особое пристрастие к «Бук арту», позволявшему им еще и воспользоваться недавним опытом российского самиздата (выставка 1987 года в США и Канаде так и называлась: «Russian Samizdat») и парадоксально совместить многовековую мировую традицию изготовления самодельной книги с привычками подпольного конспиративного существования в условиях тоталитарного режима.

Урбинский деспот XV века, герцог Федериго да Монтефельтро (прославленный портретом Пьеро делла Франчески) свое почти сказочное богатство принес в жертву страсти книжного собирательства. Платя баснословные деньги переписчикам и «иллюминаторам», Монтефельтро требовал от них преимущественно высокого исполнительского мастерства (virtuosite), которым, по его мнению, могло исчерпываться этическое значение книги. Недаром корень этого слова — virtu, добродетель. С точки зрения герцога да Монтефельтро, книга — не с только «светоч знаний», сколько произведение искусства, а потому при появлении первых печатных книг он не допустил в свою коллекцию эти «варварские германские подделки под книгу».

...Начиная с эпохи Возрождения, многие знаменитости и венценосцы увлеклись собирательством книг — появились понятия «раритет», «коллекционерский дезидерат». Разборчивая любовь к книге была модификацией той слепой caritas liborum (привязанности к книге.— *лат.*), в своем чистом виде сохранившейся разве в среде византийских эмигрантов, нахлынувших к тому времени в Европу (после взятия турками Константинополя в 1453 году, что, заметим кстати, курьезным образом совпало с официальной датой начала книгопечатания), привычки почитать в сущности все вторичное, факультативное, наносное — трепетную руку переписчика, свирепость инициала, кусающего свое начертание, тяжелую роскошь орнаментальной рамы, в которую помещался каллиграфический текст на странице. Страстная библиофилия становилась помаленьку лишь разновидностью утонченного эстетства.

Глубоко симптоматично, что многими видными библиофилами, смотревшими на книгу как на уникальное творение искусства, печатная «конвейерная» книга была принята без восторга — казалась профанацией, как впоследствии профанацией будет казаться гравирование репродукций с картин. И действительно (как метко подметили однажды не то О. Уайльд, не то О. Шпенглер), к моменту первой волны переиздания «Божественной Комедии» книга уже перестает мыслиться универсальным путеводителем и как таковая перестает им быть. Возрождение видит книгу демократическим подспорьем земной славы (настольная книга Возрождения — «Сравнительные жизнеописания»), но уж никак не душеспасительным проводником, не оберегом.

В среде энтузиастов рукописной книги развилась любительская склонность к «непубличной книге», к культивированию орнаменталь-

Ры Никонова, «Hommage à Nabokov».

Ю. ф. Кисина, «Книга про свободные и незаконные деяния».

Один из первых коллажных номеров журнала «Синефантом» братьев Алейниковых.

Е. Кацюба, фигуративная поэзия, книга — объект.

Этот фибровый чемоданчик содержит авторские книги В. Сулягина, Л. Шеншина, Ры Никоновой, Ю. Кисиной, О. Зайки, группы «Медгерменевтика», А. Альчук, комиксы Г. Литичевского.

П. Пепперштейн. «Изысканность заставок» (фрагмент).

Конст. Звездочетов, рукописный журнал «Мухомор».

иного отношения к Букве. Пристрастие какого-нибудь мракобеса-библиомана, гордящегося обладанием уникатом, к косной неповторимости редкой вещицы, составленной из драгоценных гуммиарабиковых букв, коренилось в неких мнительных суевериях, превозмочь которые выше его сил, то есть в представлениях, что какая бы то ни было нормативиая гарнитура, бестрепетная матрица упраздияют непосредственное авторское присутствие в книге, а с ним — и драгоценную возможность «знакомства за руку» с автором, буквально — познания «стиля», физиологии письма, строения руки, выражения лица (сравните — «лицевая рукопись»).

За иедостатком места невозможно совершить даже беглый экскурс в историю ненормативной книги, создавшейся как бы «в тени мира», вдали от магистрального пути книги. Уместно лишь подчеркнуть, что сам жест произведения подобных «вещиц» каким-нибудь некорыстным любителем невольно солидаризуется с нравственным императивом Фомы Кемпийского: ama nesciri — «Люби пребывать в тени мира».

Весь XX век прошел под знаком кризиса чтеиия/почитания книг. Культурологическое отчаяние от литературы, продолжающей и после, условно говоря, «Божественной Комедии» набиваться в поводыри, разделялось многими. Подобные настроения в русской традиции выражены Л. Шестовым и в «Переписке из двух углов», в европейской — школой «новой критики», идущей от Т. С. Элиота. В. Розанов был, похоже, первым писателем, уловившим причину, в силу которой именно печатное слово нанесло роковой ущерб мировой словесности. Он связывал Гутенберговы матрицы напрямую с инфляцией литературы и изъянами ее восприятия.

XX век знает множество попыток преодолеть кризис: формальная школа разрабатывет прием остранения; более бесхитростные писатели пытаются реанимировать литературу «запретными темами» (в этом историческое значеиие А. Жида или М. Кузмина); модернисты делают ставку на «потоки сознания», бриколажи из цитат, прочие уловки искушенного письма вроде пунктуационных вольностей (футуризм и дада); трансавангардисты наделяют широкими полномочиями жанр Sekundärliteratur (вторичной, «исследовательской» литературы) с ее нарочитой «маргинальностью». Но мало что может избавить литературу от очевидной хандры.

Андеграундное творчество советского образца продемонстрировало миру свою оригинальную модель изживания этой «хандры».

Листовка-свиток Г. Литичевского.

Сложилась она самым вынужденным естественным путем. Так называемые «самиздатовские книги»* не могли появиться иначе, как самодельно сфабрикованными, и не распространялись иначе, как по волиам слухов и по рукам. Конспиративное существование книги оказалось наиболее эффективным приемом, возродившим должную атмосферу вокруг нее.

Книга из простого предмета, соответствующего выходным данным издательского колофона, превращалась в сокровенный факт биографии. И происходило это в силу тех окололитературных эмоций, на которых только и держится литература: «Для... самочувствия литературы не может быть безразличной психологическая атмосфера, которая возникает вокруг атрибутов древней игры — вокруг начертания (иероглифов или букв)... вокруг вещественного тела свитка или кодекса. Эта психологическая атмосфера — воздух литературы» (С. Аверинцев).

Некий ритуальный дух, беспокойно витавший над страницей порой невинного самиздатовского текста, присочинял ему притягательную полушпионскую легенду, искусно поддерживаемую условностями авгуровой диверсии с привкусом ребячества (при этом, разумеется, условности интриги внутри книги были бесконечно менее интересны, нежели условности интриги «внешней»). Все это снимало утомленность человека книжностью, разочарованность в книге как в media (посредник — *англ.*)

* По легенде, название «Самиздат» — иронический парафраз Госиздата придуман поэтом Н. Глазковым. Это слово в иностранных толковых словарях не переводится, как и «гласность», «водка» или «перестройка».

Ю. Кисина. «Про наказание незримых час».

Несколько перверсивный советский опыт преодоления мирового отлучения от книги актуален и сейчас. Вопреки прогнозам социологов, суливших отмирание самиздата при первых же лучах либерализации, с середины восьмидесятых годов наблюдается настоящий расцвет «постсамиздатовской» инициативы. Постконцептуальное поколение художников практикует книгоделание, многим напоминающее западные Livresd'artist** оригинального производства — рукодельная бумага, нетрадиционная технология печати, «одноразовые» нумерованные экземпляры и нормализовавшийся «Book art». Но внутри отечественных условий (отчасти из-за отсутствия в СССР соответствующих музейных ячеек и специализирующихся на подобных изданиях магазинов музейного типа) постсамиздат уже добровольно влачит существование «самиздата» героического периода и даже культивирует некоторые его особенности искусственно, видимо, пристрастившись к подпольному (сравните выражение «из-под полы») теневому существованию культуры.

** Здесь: «Книги, делаемые между прочим профессиональным художником» (*франц.*).

Сегодня излишне объяснять, что коммерциализация культуры несет не меньше бед, нежели «партийный» конформизм,— оба одинаково отторгают от себя все «неперспективное», двусмысленное, капризное.

Похоже, постсамиздат, отягченный опытом «теневой книги», на этот раз встает в своеобразную оппозицию коммерческому духу времени, который тоже прекрасно умеет карать тех, кто не хочет «шагать в ногу».

Итак, нам интересна именно эта «нездоровая» струя теневой, самообольщенной книги, тускло освещаемой магистральной «историей книги»,— струя, идущая от «мракобесия» Монтефельтро, дорожившего подобиой книгой отнюдь не по причине ее баснословной стоимости. Новая генерация скрытничающей книги лелеет свою недоступность, даже если эта недоступность надуманная. Эта косность литературных единоличников и их неподневольный обскурантизм направлены против унизительного «все разрешено» — чего-то должно быть «нельзя» (так, нельзя засвечивать пленку). В сущности, речь идет о том, что нельзя «выходить в тираж»...